

Karl König

Карл Кёниг

**Эмбриология
и Возникновение
мира**

Антропософский
центр
социальной терапии

Чебоксары 2001

Карл Кёниг

Эмбриология и возникновение мира. Перевод с нем. Виктора Гончарова. — Чебоксары: Антропософский центр социальной терапии, 2001.

В книге приводятся материалы семинара известного лечебного педагога и основателя Кэмпхилл-движения, где он предлагает рассматривать эмбриологию совместно с астрономией, проективной геометрией, многими другими науками, доходя, в конечном итоге до картины сотворения мира.

© Гончаров В. — перевод, 2000

© Антропософский центр
социальной терапии, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ: материалы к биографии Карла Кёнига

Карл Кёниг родился 25 сентября 1902 года в Вене. Он был единственным ребенком в семье. Родители были связаны с еврейской общиной. Мать Карла Кёнига, Берта, правда, не соблюдала строгих обычаев веры и посещала синагогу только по большим праздникам. Отец, Адольф Бер Кёниг, был серьезным, благочестивым и спокойным человеком. Еще будучи подростком, вместе со своим парализованным отцом, раввином и тремя сестрами он переехал в Вену и начал там свою трудовую деятельность в качестве ученика сапожника. Впоследствии, благодаря своему усердию, он оказался владельцем крупного обувного магазина.

После оккупации Гитлером Австрии магазин был разграблен и разрушен во время погромов. В марте 1938 года родители Карла Кёнига были арестованы национал-социалистами, но с помощью друзей им удалось скоро освободиться. Благодаря тем же друзьям Карлу Кёнигу удалось получить разрешение для себя и для своих родителей на выезд в Англию. Они нашли убежище в маленьком доме в Ньютон Ди, в одном шотландском селении Кэмпхилл. Адольф Бер Кёниг там и прожил до конца своей жизни. Он умер 14 ноября 1962, в возрасте 90 лет. Его сестры и брат погибли в концентрационном лагере.

Карл Кёниг был для своего юного возраста чересчур интеллектуальным и друзей обретал нелегко. Как он сам упоминал в дневнике, его мышление формировалось благодаря чтению. После Робинзона Крузо и историй про индейцев он скоро «проглатывает» всю отцовскую библиотеку. В школьном возрасте он прочитывает Гёте, Гейне, Шиллера. В пятнадцать лет ему попадает в руки книга Ибсена «Наконец-то современная литература». В шестнадцать он начинает читать «Фауста» Гёте. Ему открывается музыка Вагнера, Моцарта.

То, что он превосходил знаниями своих сверстников, не делало его жизнь легкой. Случались конфликты и с учителями. Он решает-

ся даже сменить школу, что указывает на его рано сформировавшуюся самостоятельность, которая могла быстро сменяться на своеволие. В тринадцать лет он становится «обязанным» посещать синагогу, но уже тогда он выбирает свой собственный путь, ведущий его к постепенному выходу из еврейской религиозной общины. Еще когда ему было 11 лет, родители обнаружили в его шкафу спрятанную картину Христа. Он регулярно посещал католическую церковь, но из еврейской религиозной общины официально вышел лишь 10 апреля 1921 года, когда ему было 18 лет.

Первая мировая война застала Кёнига, когда ему шел двенадцатый год. Не приходится сомневаться в том, что трудности того времени, голод, людские страдания оказали на него сильное впечатление. Постоянно ухудшающееся положение пробуждало в нем интенсивный поиск новых целей и подтверждения смысла собственного существования. Оставаясь «примерным учеником», он даже завязывает контакты с социалистическими молодежными группами, которые, правда, оказываются недолговременными. Незадолго до окончания войны и начала своего университетского образования в своих автобиографических заметках он выступает уже как вполне созревший человек. Он пишет: *«Конец Первой мировой войны принес с собой распад австрийско-венгерской монархии. Я ясно вспоминаю день, когда кайзер Франц Иосиф был погребен в капуцинском склепе, а два года спустя — мне исполнилось тогда 16 лет — прорыв фронта и революцию в ноябре 1918».*

С 1920 по 1927 гг. Карл Кёниг — студент венского университета. Вначале он учится на философском факультете и два семестра изучает физику, химию и высшую математику, затем переходит на медицинский факультет и в апреле 1927 года защищает докторскую диссертацию. Среди учителей Кёнига были некоторые великие представители старой венской медицинской школы, такие как Я. Тандлер (J. Tandler), преподававший анатомию, Я. Вагнер-Яурегг (J. Wagner-Jauregg), преподававший психиатрию, и другие. Уже в начале клинического семестра Кёниг выступает как демонстратор в эмбриологическом институте венского университета и посещает лекции Е. Лазаря (E. Lazar), который в 1911 году основал в детской клинике лечебно-педагогическое отделение. После смерти

последнего заведование этим отделением принимает врач Г. Аспергер (H. Asperger). Таким образом, Кёниг примет участие в впервые начавшемся в Вене сведении вместе лечебной педагогики и медицины. Несмотря на это, сам Кёниг оценивает время, проведенное им в университете, скорее негативно. Он не встречает учителя, который соответствовал бы его познавательным потребностям и моральным целеполаганиям. Он пишет: *«На лекциях нам представляли больных людей; но господствующие взгляды и методы отталкивали меня. Здесь пытались понять человека материалистически, и результаты были соответствующими. Пациенты в действительности не излечивались, но зато на высоте оказывался врачебный престиж. Отдельные профессора были хорошими диагностиками или блестящими хирургами, но куда подевалась истинная целительская воля? Она превратилась в пустую фразу, употребляемую на поминках да на защитах диссертаций. Святая клятва Гиппократова стала призраком»*. И далее: *«Чем глубже я проникаю в естествознание, тем больше убеждаюсь в своем незнании. Перед нами — великая, восхитительная, святая загадка, которую мы должны разгадать, чтобы найти путь к Богу. А мы говорим о высотах нашего развития! Мы стоим лишь в начале любого познания»* (из дневника). Путь ищущего подготавливает Кёнига ко встрече с Рудольфом Штайнером и Антропософией.

Вот как описывает Кёниг эту встречу сам:

«Моя первая встреча с именем Рудольфа Штайнера состоялась где-то в 1921 году. На одной из выставок современной живописи я увидел триптих известного тогда в Вене художника и графика Рихарда Тешнера (Richard Teschner). Слева был изображен Конфуций, справа — медитирующий Будда, а в центре — фигура современного пролетария. Под изображением Будды стояла надпись из Дхаммапады, под изображением Конфуция — выдержка из Лан-Ю. Под центральной же картиной стояло:

Белой расе новая заря
Откроется на планете Земля,
Лишь если знающие этой расы
Наполнят душевные связи духом,

И в них будет жить тогда чувство стыда,
Чернящее их, когда в них пробуждается желание
Постичь человеческое существо
С помощью материальных чувств.

Доктор Рудольф Штайнер

Эти слова затронули меня до глубины сердца. Но кем был этот Рудольф Штайнер, что его имя могло стоять рядом с именами Конфуция и Будды? Я взял в университетской библиотеке его книгу "Мировоззрение Гёте" и был ею глубоко удовлетворен. Но я искал большего, так прочитанное было мне по большей части уже известно. Я продолжал поиски.

И тут мне в руки — после одной лекции, которую прочел в университете мой будущий друг, Ойген Колиско (Eugen Kolisko), о метаморфозе костей — попала книга Рудольфа Штайнера "Философия свободы". Это было то, что я искал! Здесь было выражено — часто теми же словами — то, что я сам писал о творческих силах природы и человеческом мышлении! Потрясение было глубоким и плодотворным. Неужели я все это просто списал? Или это была истина, открывающаяся всякому ищущему мышлению?

Передо мной лежал путь в Антропософию. Я начал читать основополагающие книги Рудольфа Штайнера...».

Между Штайнером и Кёнигом завязался настоящий духовный диалог. В этом смысле до самой своей смерти Кёниг считал себя учеником Штайнера. Но лично познакомиться со Штайнером ему не удалось. Сожаление об этом сопровождало Кёнига всю жизнь.

После окончания университета он несколько месяцев работает в крупной детской больнице. На это время приходится его знакомство с Итой Вегман, которая приглашает его познакомиться с антропософской клиникой и лечебно-педагогическим интернатом «Зонненхоф» в Арлесхайме (Швейцария). Уже тогда он начинает свою лекторскую деятельность.

С осени 1928 года по 1936 год Карл Кёниг работает врачом в институте Пильграмсхайн (Pilgramshain), недалеко от Бреслау на Одере. Здесь он знакомится со своей будущей женой, Матильдой Елизабет Маасберг (свадьба состоялась 5 мая 1929 года). Вскоре

он становится отцом троих детей. Он продолжает читать лекции, часто совместно с пристером Христенгемайндшафт Эмилем Боком и Рудольфом Майером. Темы лекций, прочтанных им в Гамбурге и Берлине, например, были следующие: «Медицинские и религиозные импульсы Антропософии как источник социальной целительной воли», «Душевно-духовные причины преступности (обман, воровство)», «Проблемы сексуальной жизни», «Семейные консультации», «Причины и лечение нарушений сознания (наркотики, алкоголь, медиумизм, душевные болезни)» и др. Это время сам Кёниг все же называл переходным периодом. *«Лечебно-педагогическую деятельность я там испытал не полностью. Но как врач, я вырос до определенного понимания индивидуальной природы отдельных пациентов. Моя врачебная воля укрепилась, и то, что я не мог достичь из-за нехватки знания, компенсировалось энтузиазмом...»*

К 1933 году политическая обстановка обострилась. Карл Кёниг и многие его сотрудники и друзья регулярно подвергались контролю и угрозам со стороны националистов. С другой стороны, как отмечает Кёниг в своей последней автобиографической попытке, отношения его с ведущими личностями в области лечебной педагогики в Германии так и остались довольно напряженными. 27 февраля 1936 года, в день рождения Рудольфа Штайнера (75-летие), он прощается с сотрудниками института и 7 марта со всей своей семьей покидает Пильграмсхайн.

После непродолжительного пребывания в Праге в начале мая он возвращается в Вену, открывает там свой врачебный практикум и организует педагогический курс для молодых людей.

В марте 1938 немецкие войска вступили в Австрию. Семья Кёнига перебирается в Италию, затем в Париж, и к осени 1938 года — в Англию. Через несколько дней после своего прибытия в Англию вместе со своим другом, Эмилем Ротом, Кёниг выезжает в Виллиамстаун (Шотландия), где жили друзья Иты Вегман, мистер и миссис Хоутон. На земельном участке, которым они владели, находился старый дом священника (Kirkton House), который и стал первым домом общины. Сюда были приняты первые дети, нуждающиеся в душевном уходе, и 28 мая 1939 года состоялось его официальное открытие.

Когда началась война, мужчины были интернированы в специальный лагерь на одном из островов как «враждебные иностранцы». В это же время с помощью издателя МакМиллана (McMillan) был куплен более крупный дом. Поместье, где он находился, общая площадь которого достигала 10 гектар, располагалось на берегу реки Ди (River Dee) в 11 километрах от Абердеен (Aberdeen) и называлось «Кэмпхилл». Переезд туда осуществлялся женщинами, а именно, Тиллой Кёниг, Аликс Рот и Анке Вайс. Таким образом, **1 июня 1940** года можно считать началом кэмпхильского движения. Когда к концу года возвратились мужчины, там было 12 детей, быт которых был уже относительно обустроенным. Позднее Кёниг описывает этот опыт следующими словами: *«Прежде всего, самым важным для этих детей являлось создание настоящего социального окружения. Не учреждения с просторными спальнями и классами, а семьи, состоящей из детей, учителей, помощников, сестер и врачей, в которой собственно семьи составляли бы ядро большей семьи».* Для Карла Кёнига Кэмпхилл всегда оставался, прежде всего, социальным явлением.

Группа основателей Кэмпхилля, помимо самого К.Кёнига, состояла из:

Тиллы Кёниг (09.03.1902 — 17.07.1983),
Петера Рота и его сестры Аликс Рот (24.06.1916 — 25.05.1987),
Томаса Вайса (30.04.1914 — 19.06.1983),
Его жены Анке Вайс (30.06.1914 — 27.08.1987),
Труде Аманн (23.03.1915 — 28.03.1987),
Барбары Липскер,
Марии Корах,
Карло Пиетинера (26.01.1915 — 17.04.1986),
Алекса Баум (31.08.1910 — 04.11.1975).

Эмбриология и возникновение мира

Часть I

**Семинар, состоявшийся
15 и 16 октября 1965 года**

Karl König
Embryologie und Weltentstehung
Wochenendseminar 15 und 16 Oktober 1965

Первый доклад

Я Дорогие друзья!

очень рад, что у нас появилась возможность провести этот не совсем обычный разговор об эмбриологии и мировом развитии. Ведь сегодня уже само совместное научное рассмотрение таких вопросов является уникальным. Переход из одной науки в другую кажется почти невозможным, поскольку каждая из них настолько обширна, что едва ли найдется и сотня специалистов, способных обозреть целиком свою собственную область знаний. Таким образом, то, что мы здесь начинаем, является уникальным. При этом я не ставлю задачу дать вам какие-то новые знания. Я лишь надеюсь, что благодаря этой встрече у нас с вами родится совместное понимание возможности некоего нового подхода к рассмотрению эмбриологических процессов. И мне хотелось бы сказать с самого начала: я совершенно убежден, что сегодня из всего, что действительно существует в области эмбриологии, выкристаллизовать некую абсолютную и непосредственную истину совершенно невозможно. Мы всегда занимаем лишь одну из многих возможных позиций, а при изменении этой позиции меняется и вся картина. По-другому быть и не может. И потому дело не в том, что мы утверждаем то или иное, а исключительно в том, что, принимая участие в таком семинаре, мы работаем друг с другом, пытаемся понять друг друга, начинаем открывать новые точки зрения. А уже одно это в нашем случае не так-то легко, поскольку примерно половина участников — врачи, коллеги, а половина вообще не имеет никакого отношения к медицине... Успех зависит от того, дорогие мои друзья, насколько нам удастся работать сообща. Не ожидайте, что кто-то скажет вам, что верно, а что нет, — этого как раз не будет.

Теперь подойдем, собственно, к эмбриологии. Прежде всего, я хотел бы сказать пару слов о самом охвате эмбриологического рассмотрения, а также об истории эмбриологии, поскольку такое рассмотрение невозможно без установления границ, в пределах которых мы должны будем двигаться. Возможностей рассмотрения эмбриологии существует много. Рудольф Штайнер, например, сказал однажды, что мы должны взглянуть на эмбриологию по-новому, рассмотреть ее во взаимосвязях с астрономией. Теперь, если поразмыслить над его указанием о том, что каждый человек в момент своего рождения запечатлевает на поверхности своего головного мозга (Cortex) соответствующую конstellацию¹ планет, так, что эту конstellацию планет с момента рождения мы, так сказать, все время носим с собой; если проследить движение планет снаружи и развитие органов внутри возникающего эмбриона, тогда, изучая становление, формирование и преобразование мозга, рост печени, опускание почек (не только микроскопически, но как нечто целостное), можно обнаружить очень даже необычайные соотношения. Тогда замечаешь, что тут скрыты процессы астрономического уровня — их нужно лишь обнаружить. И это можно было бы сделать, если бы нашелся какой-нибудь воодушевленный этой идеей астроном, который помог бы подойти к правильным представлениям в этой области. Можно было бы свести эмбриологию не только с астрономией, но, скажем (и это было бы чрезвычайно убедительно), со всей областью проективной геометрии. Вместе с моим, теперь уже умершим, другом Джоржом Адамсом я уже не раз пытался это сделать, и мы действительно обнаружили множество отправных точек для такого рассмотрения; например, в развитии глаза, развитии печени, развитии почек. Действительно, Бог геометризует не только снаружи, но также и в человеческом эмбрионе, в человеческом зародыше. Это неимоверно сложно, и только гениальный математик и геометр, вместе с некоторыми эмбриологами, смог бы взяться за нечто подобное.

Существует также возможность — и это просто замечательно — изучать эмбриологию с точки зрения психологии. То есть учиться все лучше и лучше понимать развитие сознания ребенка в теле матери. Относительно этого уже сегодня имеется большое

количество наблюдений. Например, мы знаем, что ребенок (то есть эмбрион, или, вернее, зародыш) третьего-четвертого месяца намного живее, имеет гораздо более пробужденное всеохватывающее сознание, нежели в тот момент, когда он начинает барахтаться и стучать ножками в утробе матери. И то, что поначалу у эмбриона глаза открыты, и закрываются веками лишь позднее, является показателем того, что будущий ребенок вначале погружается в глубокий сон, и только потом уже начинает постепенно пробуждаться.

Эти точки зрения я представляю вам для того, чтобы вы понимали, что способ нашего рассмотрения не является единственно возможным. Например, всю эмбриологию можно было бы рассматривать как процесс чисто физиологический и биохимический. В этой области сегодня также имеется достаточно наблюдений. Правда, здесь больше спекуляций и гипотез, чем наблюдений, но и эту позицию можно было бы полностью пересмотреть и обосновать. Да, дорогие мои друзья, делалось бы все это разумно — можно было бы обновить всю физиологию целиком; ведь именно в зародыше как нигде более очевидно наблюдается, что, например, не сердце приводит в движение кровь, а наоборот — кровь приводит в движение сердце. В зародыше имеется огромное количество циркулирующей крови еще до того, как к этим циркуляциям подключается сердце. Подумайте только о том, что сердце возникает над будущей головой, и лишь постепенно опускается в тело через переднюю часть головы! И даже тогда оно еще долго остается не включенным в процесс циркуляции крови. Но кровь, тем не менее, течет, кровяные сосуды растут, и все это циркулирует, а сердце хоть и бьется, но покоится еще в самом себе, совершенно независимо от втекающей и вытекающей крови.

Теперь я должен обратить ваше внимание также на то, что в продолжении последних 50-55 лет прилагалось немало усилий для развития так называемой экспериментальной эмбриологии. Из этих экспериментов мы узнали необычайно много. Мы узнали, например, что развитие отдельных органов взаимосвязано, что один клеточный комплекс, из которого, скажем, должна образоваться определенная часть глаза, отнюдь не по воле случая соединяется с

другим клеточным комплексом, из которого образуется зачаточный орган глаза, — они глубочайшим и существеннейшим образом влияют друг на друга. Были сделаны сотни, тысячи таких наблюдений, которые описаны во многих книгах об экспериментальной эмбриологии, и с которыми, если к тому есть интерес, всегда можно познакомиться. Кроме того, вполне возможным является также изучение эмбриологии в связи с историей развития Земли. И все это — я упоминаю об этом вновь — является лишь небольшим фрагментом той истинной всеохватывающей эмбриологии, которая может состояться в будущем.

Теперь же, прежде чем мы сделаем следующий шаг и немного расскажем об истории эмбриологии, необходимо взглянуть на два столпа, ^{образующие} франкирующие² врата эмбриологии. Два столпа, представляющие собой ни что иное, как два направления мысли, с которыми подходят к рассмотрению процессов становления и развития. Одно из этих направлений носит название преформация (Präformation). Другое называется эпигенезом (Epigenese). Коллеги, способные воскресить в памяти свои студенческие годы, знают, что под этим имеется в виду. Для остальных я попытаюсь дать некоторые объяснения.

Становление может быть рассмотрено с двух точек зрения. Мы можем рассматривать становящееся с убеждением, что форма последнего с самого начала заложена в зародыше, что оно только растет, формируется в своем росте, уже существуя изначально. В XVIII веке, например, в неверно понятом пиеизме³, а также и в среде естествоиспытателей, это привело к убеждению, что в яичнике Евы уже содержались все будущие люди, — крошечные, в зародыше, но в миллионах форм. А затем то, что заложил добрый Бог, стало просто развиваться. Это и есть преформация. Другой столп — эпигенез. В эпигенезе речь идет о том, что как бы из ничего, из хаоса, через становление и развитие образуется некий космос. Будь этот космос человеком, мышью, рыбой, плодом — это уже другой вопрос.

Таковы эти две точки зрения. Но мы оказались бы в полном заблуждении, если бы подумали: конечно же, эпигенез верен, а преформация ошибочна. Естественно, в том смысле, что в Еве были

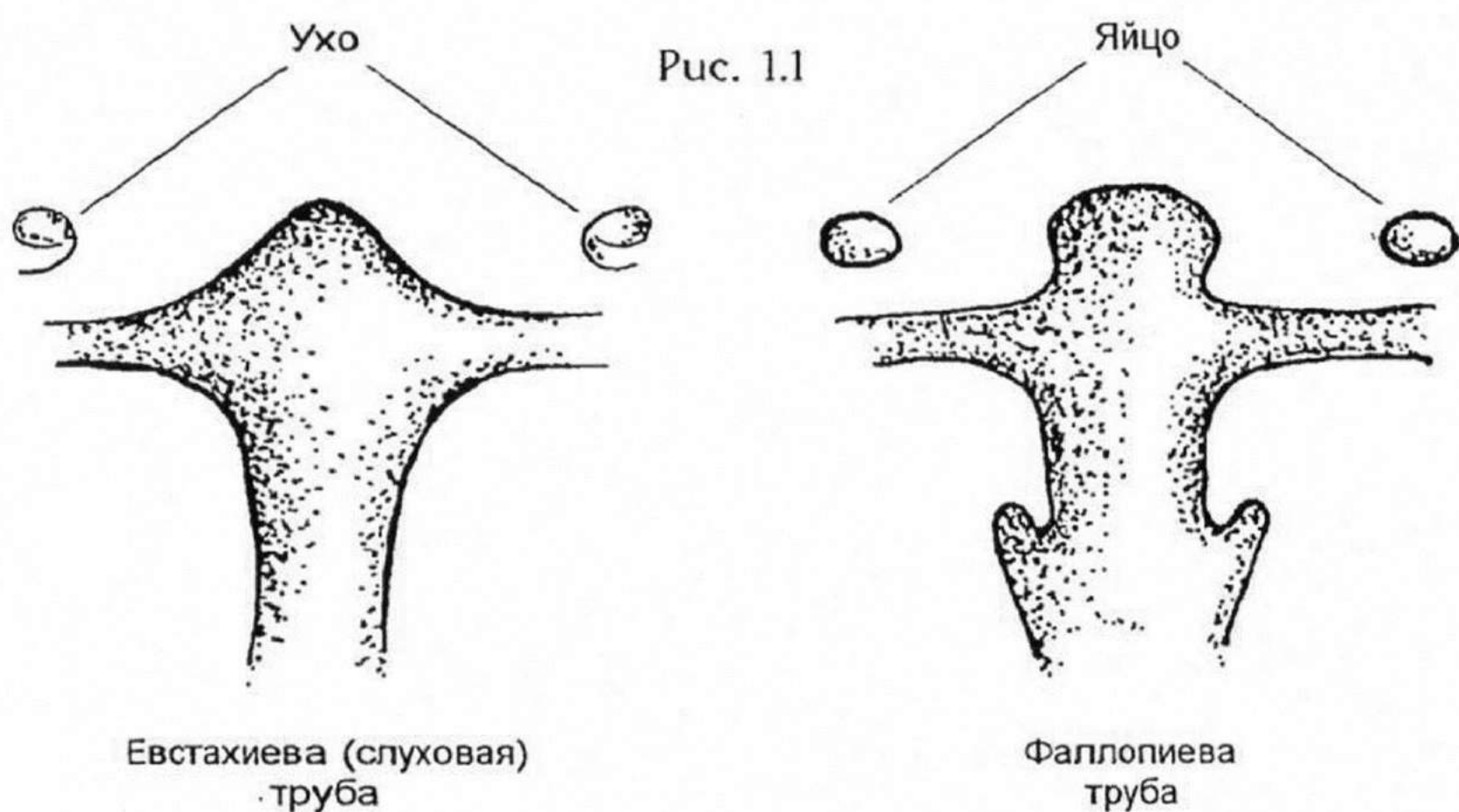
преформация — это форма заложена с самого начала в зародыше
эпигенез — из ничего, из хаоса, через становление и развитие образуется некий космос

заложены все люди будущего, физически, — это неверно. Но если взглянуть с другой точки зрения, то это покажется не таким уж и смешным. Подумайте-ка только: ведь сегодня, за последние десять лет, мы скатились в такую злополучнейшую (хотя и не распознанную) преформационную теорию, что хуже и представить себе нельзя. Поскольку с тех пор, как мы, согласно нашим представлениям, поняли истинную химию хромосом и ген, и не только химию, но и строение сложнейших генных молекул в виде гениально сложенных спиральных структур со всевозможнейшими вариантами, которые управляют наследственностью, — с этих пор мы уже имеем в яйце и семени преформацию, и теперь речь идет только о том, чтобы это в какой-либо форме кибернетически верно развилось. Таким образом, нам сегодня нечем гордиться и полагать, что мы находимся в пространстве эпигенеза. Это вовсе не так. Оба направления должны пересекаться, одно должно дополняться другим. И если мы продолжим наше рассмотрение дальше, в область мирового развития, то мы увидим, что здесь также сформировались две основные точки зрения, которые 130 лет назад во французской академии представляли, с одной стороны, *Кювье*, а с другой — *Жоффруа де Сент-Илер*. Так, *Кювье* говорил о том, что становление Земли происходило не постепенно, а эволюционными скачками, что с каждым таким скачком осуществляется новый акт творения, и что все окружающее нас животное и растительное царство представляет собой ни что иное, как результат продолжающихся актов творения. Это типичная земно-историческая преформация. *Жоффруа де Сент-Илер*, с другой стороны, полагал (и Гёте в своих беседах с Эккерманном с ликованием приветствовал эту идею), что все возникающее есть результат постепенного развития. Но также и здесь, несмотря на ранние тексты Рудольфа Штайнера, было бы неверным и преждевременным вставать на сторону только эпигенеза и свысока поглядывать на преформацию.

Если мы теперь спросим себя, в каком же году родилась эмбриология, то можно сказать, что это произошло где-то в промежутке между 1522 и 1524 годами. Из курса истории мы знаем, что это время Лютера, Карла V, Парацельса, Николая Кузанского и многих

других. О них здесь, конечно, нет необходимости рассказывать. Но следует упомянуть, что в 1522-1524 годах, друг за другом, родились три итальянских исследователя. В 1522-ом — Улисс Альдрованди, в 1523-ем — Габриеле Фаллопий, и в 1524-ом — Бартоломео Евстахио. Это в высшей степени интересно, поскольку эти личности стали, по сути, основателями исследования зародыша человека и животных. Альдрованди впервые сделал то, что для нас стало теперь повседневностью: разбив куриное яйцо, он решил посмотреть, как в действительности формируется и развивается эмбрион. И тут он увидел, что никакой маленькой курицы внутри нет, а присутствуют совершенно необычные и неизвестные формы, постепенно развивающиеся из почти хаотичной массы.

Это был величайший шаг в наблюдении. Чуть позже Фаллопий, исследуя человеческий эмбрион, обнаружил, что после рождения остается плацента, детское место, что эмбрион обернут в оболочку, и что детское место и оболочка плода каким-то образом (как именно — он тогда еще не установил) соединены с кровеносными сосудами будущего ребенка. Это был второй шаг. А Евстахио, особо интересовавшийся областью рта, исследовал эмбрионы животных, стремясь узнать, как, собственно, развиваются зубы.

Таким образом, вы можете взглянуть на это с исторической перспективы: Коперник революционизирует нашу картину мира и видит Солнце в центре и планеты, вращающиеся вокруг него. А трое итальянцев, Альдрованди, Фаллопий и Евстахио, наблюдают космос с другой стороны, начиная постигать его чудеса изнутри. Дорогие друзья, о таких вещах надо бы книгу написать, поскольку за ними скрыты еще и другие факты, о которых здесь следовало бы упомянуть. Один из них, например, заключается в следующем. Все описанное выше произошло потому, что как раз в двадцатых годах XVI столетия вступил в свои права архангел Гавриил. С этим и началась история эмбриологии. Ведь он был тем, кто возвестил рождение Иисуса. Духовно научно это связано. Но за этим стоит и нечто другое. Дело в том, что Фаллопий (и это известно из анатомии) открыл женскую трубу, то есть проход, ведущий из внутреннего пространства матки (Uterus) в область, прилегающую к яичнику (Ovarium). А Евстахио, в свою очередь, стал известным благодаря тому, что он открыл другой проход (я уже говорил, что его больше интересовала область рта), а именно: проход, ведущий из глотки к уху. И если вы посмотрите теперь на схему человека (рис. 1.1), то увидите, что глотка, от которой идет вверх слуховая (евстахиева) труба, продолжается дальше до области внутреннего и среднего уха. Если же вы посмотрите на нижнюю область женского организма, вы увидите здесь фаллопиеву трубу, матку, вагину, а на месте, соответствующем расположению уха — яичник.

Все это совсем не пустяк, ведь за тем, что здесь перед нами выступает, проглядывает некий *праобраз*, о чем при рассмотрении эмбриологии нужно помнить постоянно. Мы должны помнить, что слушание и зачатие представляют собой, по сути, один и тот же процесс, поскольку в Начале было Слово. Слово, творящее наше человеческое слово, и создающее все необходимое для формирования человеческого зародыша. А в мистериях Эфеса (Ephesus) то, что я вам сейчас представил, раскрывали в другой форме, более образной, более непосредственной, более спиритуальной. Там учили: «Человек! Говори — и через тебя откроется становление мира». Становление мира, которое открывается в эмбриональном разви-

тии; становление мира, которое открывается, когда человек говорит. Видите, это — *рождение эмбриологии*. В скрытом виде это было заложено (*hingehemmt*) в истории через сто лет после того, как начала говорить душа сознательная. Теперь должно осуществиться человеческое самопознание. Последнее же может осуществиться лишь в том случае, если будет познано становление человека.

Сорок лет спустя, в 1563 году, впервые возникла секция беременности, и это стало началом нового этапа в развитии эмбриологии, связанного с применением анатомического исследования беременных женщин. Конечно, подобные попытки предпринимались и раньше некоторыми гениальными личностями. Историки искусства знают, что уже *Леонардо да Винчи* в одну из туманных ночей пробрался на майландское кладбище и эксгумировал умершую беременную женщину, чтобы посмотреть, что же там происходит. Но в официальных кругах, где полиция при этом не принимала участия, впервые аутопсия и анатомирование беременной женщины были осуществлены лишь в 1563 году. Это была первая крупная историческая волна, которая потянула за собой множество других. Приходит XVII век, и так же, как телескоп для астрономов, в распоряжении анатомов (эмбриологов тогда еще не было) оказывается микроскоп. Для тех, кто в курсе, достаточно назвать такие имена как *Сваммердам* и *Левенгук*.

Левенгук был первым, кто рассмотрел под микроскопом клетки спермы. Но тогда, дорогие друзья, никто еще ничего не знал о сущности оплодотворения. Тогда еще ничего не знали о человеческом яйце и в основном исходили из представления Аристотеля, который считал, что зародыш человека образуется из смеси мужского семени и менструальной крови. Первые шаги в этом направлении осуществлялись вслепую. Великий *Уильям Гарвей*, открыватель замкнутого кровообращения в человеке, открыл также и *плацентарное кровообращение*. Но идеи становления мира, идеи некоего постоянного, скажем так, целенаправленного развития не существовало еще и в помине. И как раз в XVIII веке, после открытий *Левенгука*, *Сваммердама* и *прочих*, снова вернулись к идее *преформации*.

Продолжалось это до того момента, когда эмбриолог Каспар Фридрих Вольф осуществил прорыв к эпигенезу эмбрионального становления. Вольф был одним из тех, кого высоко ценил Гёте, кто понял прарастение Гёте, и о котором Гёте писал: «я рад признаться в том, что более 25 лет имел возможность учиться с ним и у него». И чтобы пойти в нашем рассмотрении дальше, наряду с этими двумя именами мы должны вспомнить еще об одном человеке — Хердере, поскольку именно через них в тогдaшнее знание об эмбриологии и развитии мира было внесено нечто совершенно новое. Правда, в этом случае ведущим был не Гёте, а Хердер. Именно в нем пробудилась идея об эволюции. В нем была предрасположенность для этого, и сам он с детства был убежден в своем призвании к свершению чего-то великого. Я не буду описывать вам жизнь Хердера, но хочу рассказать об одной необычайно важной встрече, состоявшейся в 1770 году в Штрассбурге, в гостинице «К духу», между Хердером и Гёте. Тогда молодой Гёте (ему было лишь 21 год) встретился с не менее молодым, но все же уже получившим жизненный опыт и известным Хердером, работающим тогда над одним трудом, который имеет прямое отношение к теме нашего дальнейшего разговора. Это был труд для берлинской академии, называвшийся: «О возникновении языка». Юный Гёте проявил к этой работе необычайный интерес, поскольку в ней впервые была представлена идея об эволюции, идея о становлении, идея о развивающемся, раскрывающемся человеке, рождающем из себя, из своей души, язык. У Хердера эта идея являлась всеохватывающей мировоззренческой позицией. И эту позицию перенимает Гёте, но он распространяет ее уже на область *органического мира*. И мы с полным основанием можем сказать, что *истоки гётевского научного исследования природы* нужно искать в Штрассбурге, в этой встрече с Хердером.

Они вышли из эволюционной идеи. И это совершенно ясно видно из слов Гёте, с которыми он на закате своей жизни, 2 августа 1830 года, приветствовал во французской академии спор между Кювье и Сент-Илером. Он говорит Эккерману: «Теперь Жоффруа де Сент-Илер встал на нашу сторону, а вместе с ним также все ученики и приверженцы Франции. Такой результат представляет для меня

совершенно невероятную ценность. И я по праву и с ликованием встречаю победу того, чему я посвятил свою жизнь». Никогда Гёте не говорил так экзальтированно. Отсюда видно, насколько глубоко он был связан с идеей эволюции, с идеей эпигенеза, насколько эта идея, благодаря посредничеству Хердера и духу времени, стала для него чем-то само собой разумеющимся.

Дорогие друзья, в то время, когда разгорелся вышеупомянутый спор, имело место еще одно очень важное событие. В это время, в возрасте двадцати одного года, на судне «Бигль» совершает кругосветное путешествие Чарльз Дарвин. И как раз эти годы, проведенные на «Бигле», приводят его к тому новому взгляду на мир, который в качестве идеи начал рождаться еще в Хердере и Гёте. Дарвин совершает шаг к рационализации того, что в форме идеи об эволюции начинало пробуждаться в их воззрениях, он находит теорию отбора, он находит борьбу за существование. В то же время, за год до выхода в море Дарвина, Карл Эрнст фон Баер — вероятно, значительнейший из всех эмбриологов, которых мы знаем, — опубликовывает в 1828 году основополагающий для всех последующих поколений эмбриологов труд «О развитии яйца курицы». Читать эту книгу даже сегодня — одно удовольствие. Удовольствие потому, что там еще объединены индивидуальное участие, энтузиазм, душа сознательная и объективное наблюдение. Без этой книги трудно себе представить дальнейшее развитие эмбриологии.

Через сто лет после рождения Каспара Фридриха Вольфа, два года спустя после смерти Гёте, родился Эрнст Геккель, который, будучи еще молодым человеком и учеником Иоганнеса Мюллера, увлекается идеями Дарвина и превращает их, в свою очередь, из рационального воззрения во всеохватывающее мировоззрение. Именно у Геккеля впервые возникает идея родословной, и в связи с этой идеей он вновь возвращается к тому, что ранее, в двадцатых годах, уже зарождалось в качестве идеи анатомом Меккелем и затем было полностью забыто, а именно: к основному биогенетическому закону.

Дорогие друзья, когда мы слышим об этом законе, для нас это звучит уже обыденно. Формулировка того, что онтогенез, то есть

Этот генез — и у него и у нас, у старшего Карла Кёнига, и у младшего Космид.

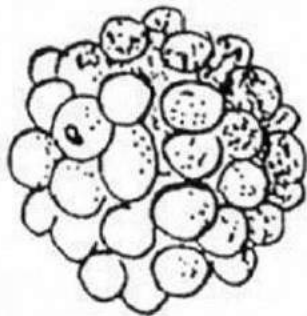
онтогенезу Ф. Э. эмбриональное развитие,
филогенезу, Ф. Э. родовое и мировое развитие

эмбриональное развитие, является повторением филогенеза, то есть родового и мирового развития, довольно привычна. Но связь онтогенеза и филогенеза, идея о том, что эмбрион, развивающийся в теле матери (человека или животного), связан с развитием Земли, и что в развитии любого зародыша мы можем в большей или меньшей степени наблюдать то, что в продолжении тысяч, миллионов лет осуществлялось как эпигенез, принадлежит к величайшим идеям человечества. На это постоянно указывал *Рудольф Штайнер*, и вы можете сами познакомиться с цитатами из его книг, где он с такой непременной отдачей говорил о Дарвине, Геккеле и других представителях эволюционной теории. Он был тем, кто попытался помочь осуществить прорыв этих идей. И благодаря ему нам постепенно стало ясно, что, несмотря на возникшие из этого тенденции, такие личности, как Дарвин и Геккель, несомненно содействовали обновлению христианства. Это совершенно явно выводится из его первой лекции цикла о Пятом Евангелии, прочитанной в Христиании⁴.

Яйцо

Морула

Бластула

Гастроула

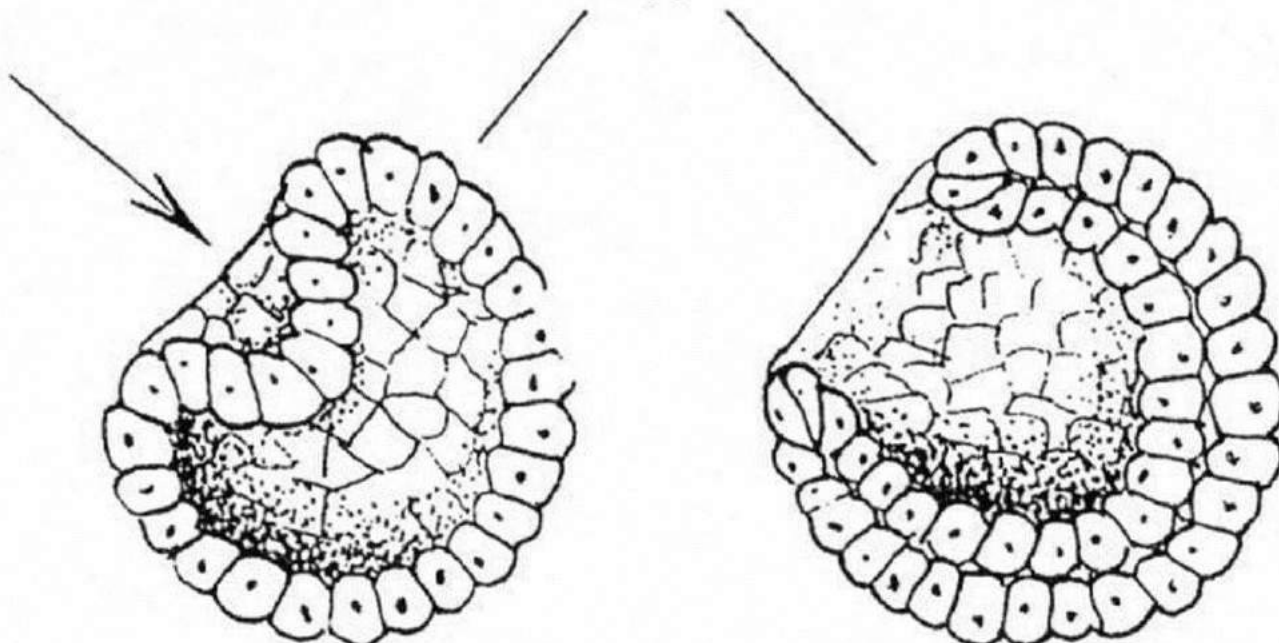

Рис. 1.2

Эта идея, эта формулировка основного биогенетического закона, до появления концепции «мировой загадки», то есть до конца XIX столетия была основной также и для многих других наук, она еще зажигала сердца, — пока затем, в начале столетия, не подверглись исследованию первые эмбрионы человека, обезьян и высших животных. И при этом увидели, что дело, собственно, обстоит не так просто, как это себе представлял Геккель. Не так, что при развитии зародыша вначале непременно возникает морула, затем из морулы развивается гастрюла, а из гастрюлы постепенно формируются отдельные органы. То есть, если у нас здесь ¹⁾ оплодотворенное яйцо (Рис. 1.2), то из этого яйца посредством деления клеток, как полагают, развивается ²⁾ морула: некая форма, напоминающая ягоду туютовника или ежевики. Далее развитие протекает таким образом, что в пределах этой группы клеток скапливается вода, а сами клетки располагаются только ³⁾ снаружи, вследствие чего возникает некое полое пространство — ³⁾ бластула. И далее, посредством выворачивания наизнанку одной из сторон, из бластулы формируется ⁴⁾ гастрюла, и эта ⁴⁾ инвагинация ⁵⁾ становится потом зачатком рта и первичным кишкой. *Эмбрион развивается*

Такая картина, послужившая в качестве протобраза онтогенеза, сложилась после первых примитивных исследований, произведенных Геккелем. И, исходя из этой картины, он полагал, что вначале возникают одноклеточные организмы. Из одноклеточных развиваются простейшие многоклеточные, а в результате выворачивания — что-то вроде простейших растений и животных. Однако при исследовании эмбрионов человека, обезьян и других высших млекопитающих выяснилось, что дело обстоит совсем не так. Все происходит как раз совсем в другом направлении, и поэтому заключили, что основной биогенетический закон есть ни что иное, как красивая гипотеза. Я сам был свидетелем того, как все это происходило. Тогда я был демонстратором в венском институте эмбриологии. Это были 1925-1927 годы. Я помню, какое это было для всех нас потрясение: изучать с помощью микроскопа первые человеческие зародыши на второй-третьей неделе эмбрионального развития. Это было совершенно непостижимо, ведь нам открывалось нечто полностью противоположное тому, о чем мы думали рань-

1. 15 марта

ше. Оказалось, что в первые полторы недели зародыша, как такового, вообще не видно, он не развивается! Вначале развиваются лишь полые органы, и только когда они сформируются до определенной степени, неожиданно, словно ни из чего, появляется сам эмбрион! Тогда это было потрясением. Сегодня это уже привычно, но привычно только потому, что ни у кого нет ни мужества, ни желания, ни потребности спросить: что же все это означает?

Дорогие друзья, сегодня мы продвинулись настолько — и это можно сказать лишь с величайшим уважением и благодарностью, — что за последние тридцать лет стал известен весь ход эмбрионального развития человека. Нам известно состояние человеческого яйца, как мы его называем, в возрасте почти каждого дня: первого, второго, третьего и т.д. после оплодотворения. Мы знаем совершенно точно, сколько клеток образуется на четвертый день, сколько — на шестой, сколько — на восьмой и т.д. Мы знаем также, когда происходит имплантация яйца в матку. Нам известно и многое другое; например, тот факт, что человеческий эмбрион можно развить искусственно, и если бы не вмешался сам Папа (Иоанн XXIII), эксперимент был бы продолжен и после 28-го дня. Все это сегодня возможно. Неизвестно, что из этого выйдет, но в любом случае, тех возможностей, какие были сорок лет назад, больше не осталось, — все стало определенным. И мы это знаем. Начала эмбриологии лежат там, где благодаря деятельности Оскара Гертвига, его учеников и некоторых других было познано яйцо, были даны экспериментальные описания оплодотворения и смысла оплодотворения, и, наконец, пришли к выводу: теперь мы точно знаем, что каждый человек начинается как оплодотворенная клетка, и больше там ничего нет. Относительно этого существуют еще те или иные религиозные предубеждения, но для нас, людей науки, все это, в принципе, не играет никакой роли. Так почему же, собственно, нельзя экспериментировать с людьми так же, как и с животными? Тем более, ведь сегодня этому уже дан ход, и прежде всего как раз благодаря исследованиям в области наследственности.

Таким образом, мы стоим на пороге времен, когда тайна становится очевидностью, когда ее познают уже не как тайну, а как

нечто повседневное, банальное. И в каком же виде открывается нам эта тайна? Как клетка с 46 хромосомами. В этих хромосомах имеется много-много генов, на которые сегодня уже, в большей или меньшей степени, научились влиять, и чью биохимическую природу более или менее как бы познали, поскольку нашли их конструкцию — хотя и не реальную, но впечатляющую. И вот, человек представляет собой не больше, чем это. Этот взгляд теперь надо усвоить, его надо изучить, потому что простое его отрицание было бы неразумным. Ему нужно просто противопоставить что-то другое, не менее разумное. А противопоставить ему можно только одно: развитие иного взгляда на мир, где пытаются в каждом изученном явлении еще раз, заново, увидеть тайны становления. Об этом и пойдет речь дальше.

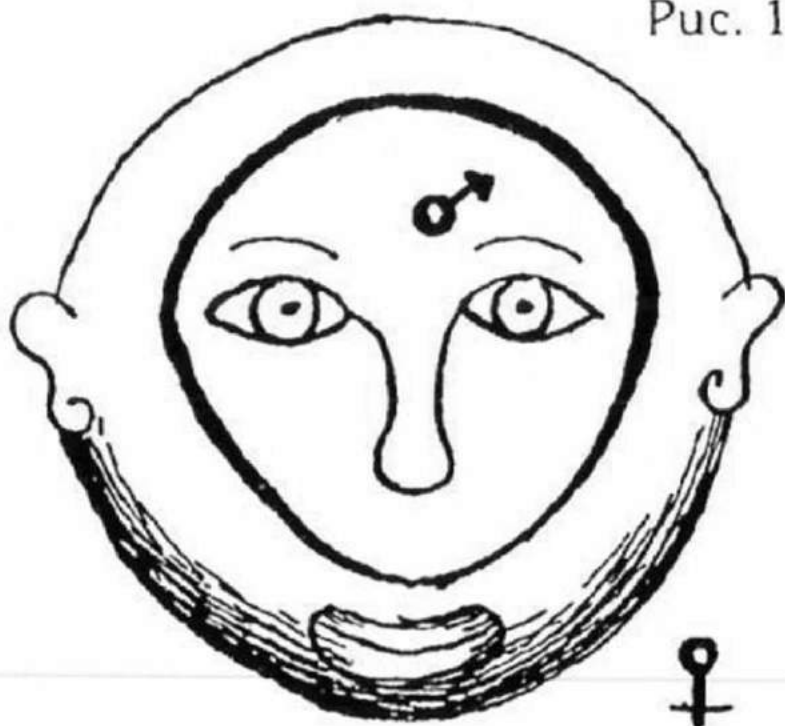
Второй доклад

Т Дорогие друзья!

То, о чем мы говорили до этого, было не более чем увертюрой. Теперь же мы попытаемся вступить в истинную «*medias res*» [лат. «в самую суть»]. Но сначала рассмотрим процессы, ведущие к оплодотворению, то есть предшествующие эмбриональному развитию, как таковому. Здесь, когда речь идет о людях, мы имеем два плодородителя: мужчину и женщину. И дело обстоит так, что оба они конституционально совершенно различны: у человека между мужчиной и женщиной лежит глубокая пропасть. Пропасть, которая отсутствует у животных, за исключением высших млекопитающих, получивших ее, в свою очередь, от человека. Это — два полюса человеческого существования, с которыми мы конфронтируем, и которые с момента их возникновения в достаточной степени стимулируют нашу деятельность. И положение вещей таково, что у каждого из этих двух полюсов различны и сами плоды: у женщины — яичник, а у мужчины — яички. Как анатомически, так и физиологически, яичник — орган более или менее неизменный. Яички же, начиная с момента полового созревания, представляют собой орган удивительно живой: то, что они производят, постоянно обновляется. В них непрестанно производятся миллионы семенных клеток. Это стабильный, бьющий ключом источник постоянно обновляющейся жизненности. Яичник же, напротив, уже с рождением девочки содержит в себе определенное количество зародышей, которые формируются в процессе жизни постепенно (и то лишь некоторые из них), и из которых только одно или несколько оказываются затем оплодотворенными. Видите,

стоит только взглянуть на эту полярность, с которой мы, конечно же, знакомы, как тут же бросится в глаза ее связь с другой. Яичник располагается внутри тела; он, так сказать, в большей или меньшей степени растянут в конце брюшной полости, но при этом находится в некоем взвешенном состоянии. Это жест женского пола. Яички, напротив, выступают из тела наружу, они прорывают внешнюю форму брюшной полости и опускаются вниз, то есть должны выдвинуться вниз, когда мужчина достигает зрело-

Рис. 1.3

Синтез головы

сти. Благодаря этому — и это, вероятно, будет звучать для вас странно — яички оказываются под влиянием сил тяжести. Они становятся, по сути, хотя и усеченными, но все же присутствующими конечностями. Это как бы намек на то, что в качестве формообразующих и физиологических сил лежит в основе этих двух органов. Это нечто парящее, постоянное, несущее, хранящее — в женском организме, и нечто бьющее ключом, но находящееся под влиянием сил тяжести, нечто выделяющееся из тела — у мужского воспроизводящего органа. Можно также сказать, сравнивая анатомически (вспомните ту картинку, которую я нарисовал вам ранее в связи с открытиями анатомов Евстахио и Фаллопия), что ухо с яичником и яички с глазом имеют глубокую родственную

связь. Существуют определенные заболевания глаз, встречающиеся только у мужчин, например, цветовая слепота (дальтонизм); а также и многие другие, поскольку глаза определяются мужским, а уши — сугубо женским. В голове, точнее сказать, в лице эти стороны объединены, но то, что удастся синтетической силе головы, не удастся аналитической силе тела. Я ссылаюсь на изложение Рудольфа Штайнера, данное в первом докладе лечебно-педагогического курса, где указано: то, что синтетически имеется вверху, аналитически распадается внизу, и величайший анализ из всех, имеющих в мире, — это как раз анализ в мужчине и женщине. Если я таким образом, в общих чертах, изображу структуру лица, то здесь, вверху (рис. 1.3), у нас будут уши, здесь — рот, а вместе они будут представлять собой нечто лунно-женско-воспринимающее. Внутри этого мы видим глаза и нос как нечто солнечно-оживляющее. Обе эти составляющие отделяются друг от друга, становясь мужской и женской силой.

Я говорю это для того, чтобы мы смогли получить первое ощущение происходящего в яичнике при подготовке к оплодотворению. С самого рождения, то есть с эмбрионального периода, яичник несет в себе огромное число так называемых примордиальных фолликул (Primordialfollikel), или первичных ооцитов (primäre Oozyten). Таким образом, в ткани яичника содержится определенной количество (насколько помню, на каждой стороне по 6000) таких яйцеклеток. Эти яйцеклетки поначалу очень маленькие, но постепенно они растут и зреют. И вот как раз этот процесс роста и созревания, имеющий место после пубертета и связанный с женской менструацией, мы теперь попробуем рассмотреть более внимательно и последовательно.

Мы говорили о примордиальных фолликулах. Это яйцеклетка с довольно крупным ядром, вокруг которой образуется скопление других, более мелких клеток (Рис. 1.4). Все вместе это и называется примордиальной фолликулой. В момент, когда начинается созревание, яйцо (Ооцит) немного вырастает, ядро становится менее заметным, но тоже растет, и вокруг этого яйца клетки становятся более кубическими. То есть фолликул начинает как бы разбухать. На этой стадии яйцеклетка уже видима. Когда она затем

Примордиальный фолликул

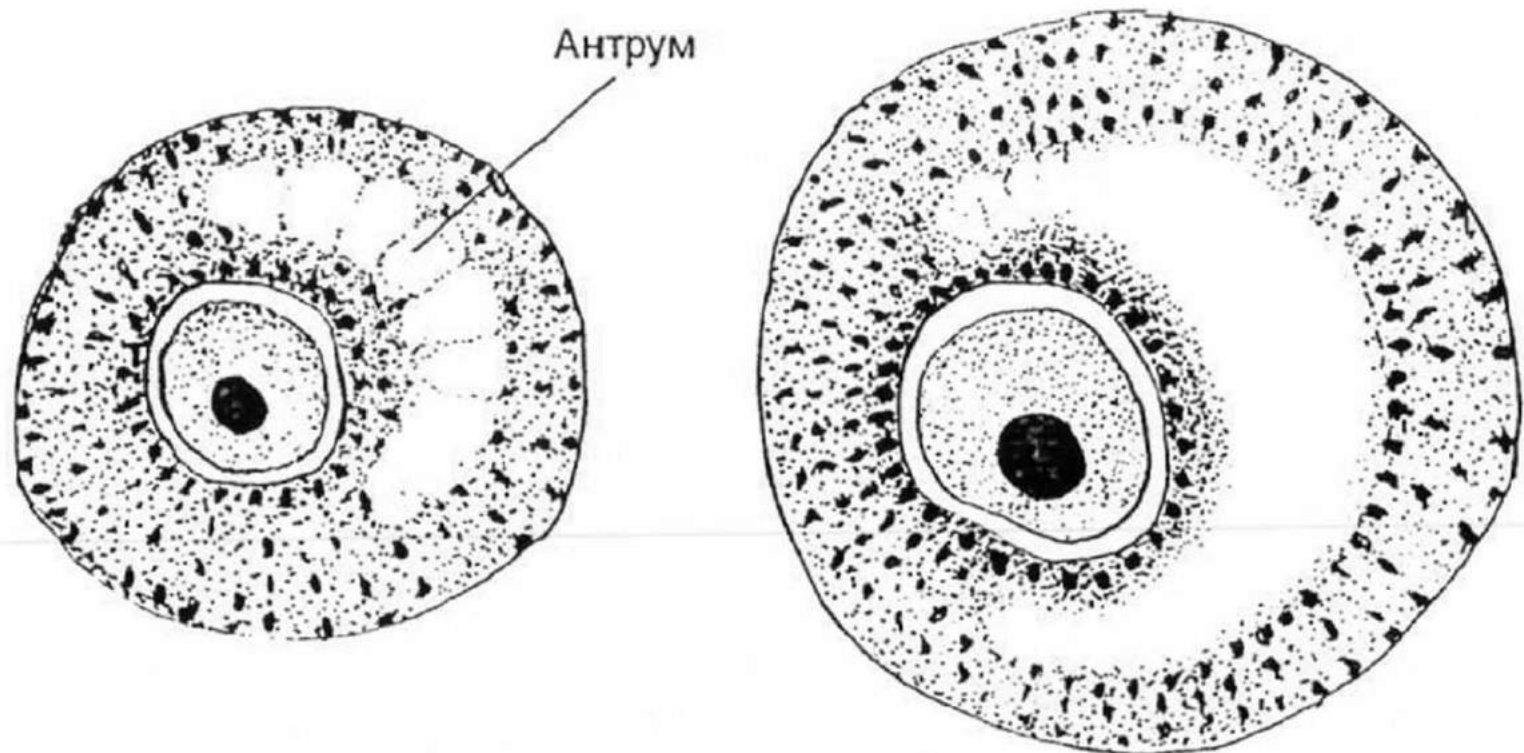
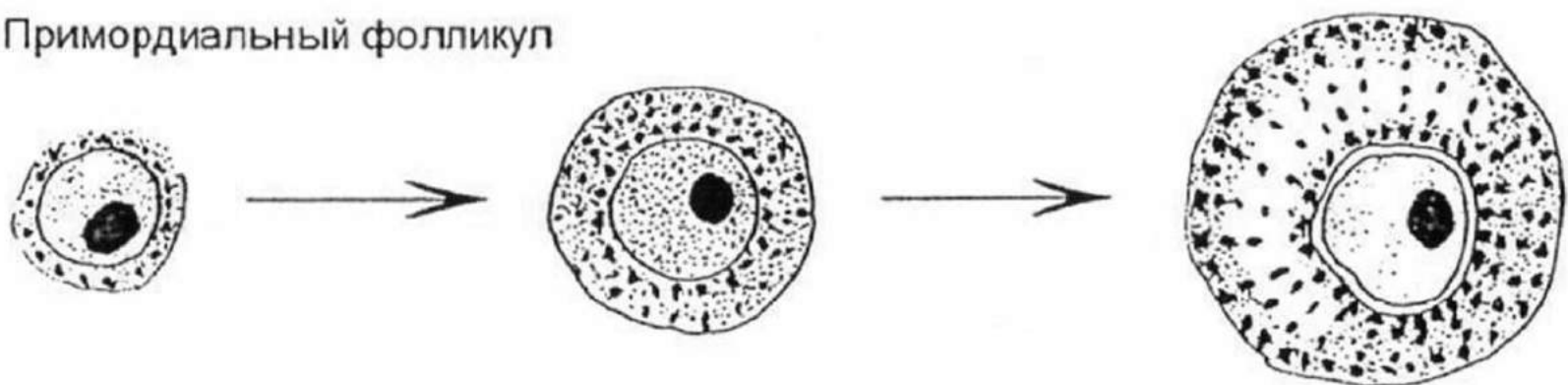

Рис. 1.4

Граафский фолликул

немного подрастет, она становится величиной примерно с игольное ушко, и ее можно увидеть невооруженным глазом. Эти клетки постоянно размножаются, и в дальнейшем образуют довольно сложный клеточный слой вокруг яйца. В дальнейшем яйцо с ядром становятся еще больше, а окружающий ее слой клеток, ставший уже более широким, несколько выпячивается в одну из сторон. Все это происходит в яичнике, но внутри него образуется теперь полость, так называемый антрум. Затем делается еще один шаг вперед. Антрум расширяется таким образом, что образуется своего рода луноподобное пространство с повсюду окружающими его клетками. Его называют граафским фолликулом (Graafschen Follikel), и впервые он был описан еще в VII веке голландцем де Граафом. Таким образом, формируется более крупное образование, в котором образуется полость, наполненная жидкостью, и в эту полость, наподобие полуострова, вдается яйцо, окруженное мелкими клетка-

5- Сатурн - и вообще имеет зародыши } Земля
① - Солнце - зародыш }
② - Луна - зародыш }

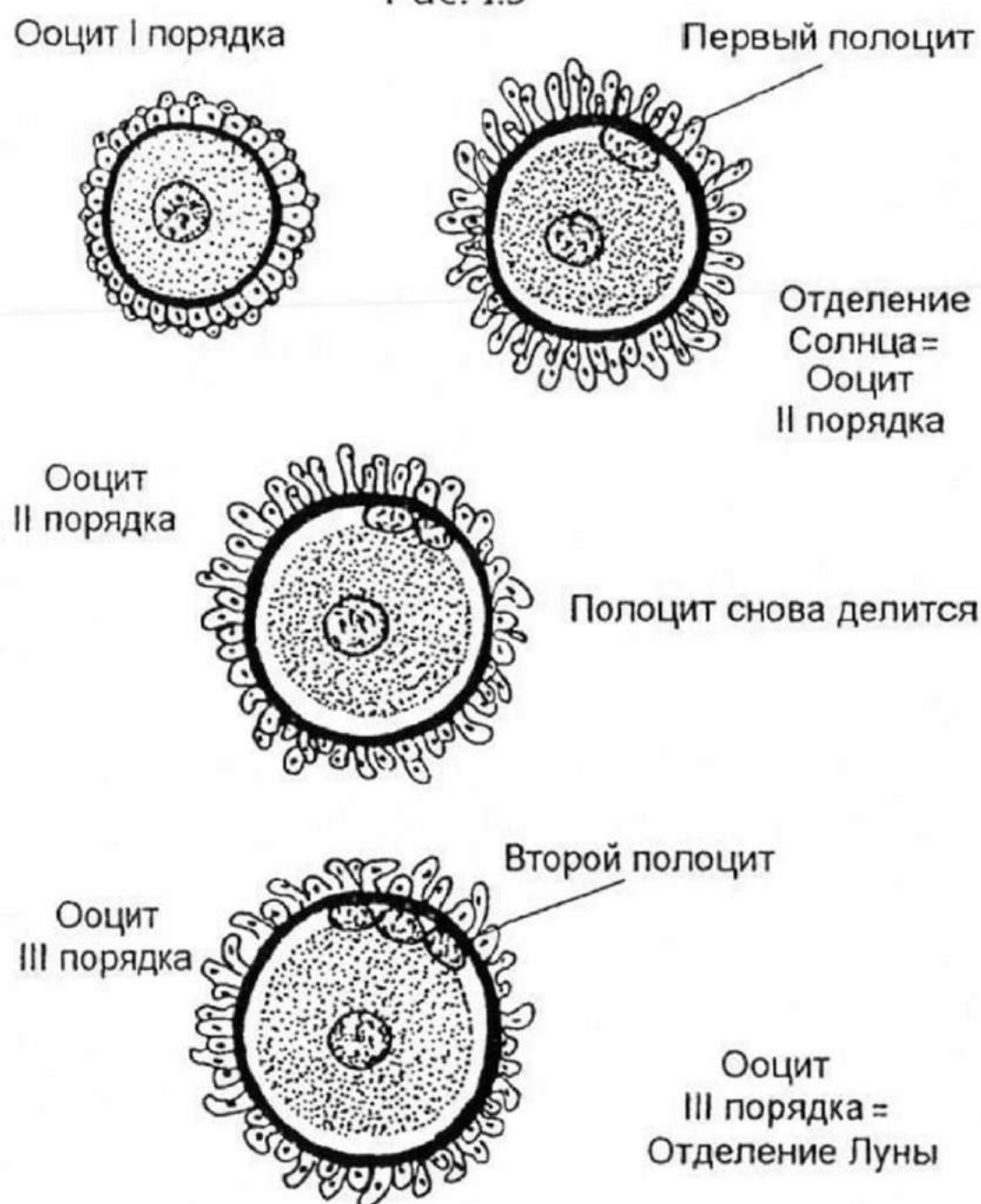
ми. Это в высшей степени интересно, ведь в этом образовании мы неожиданно узнаем примитивные уши и органы равновесия низших животных⁶. Снова некая связь, на которую я хочу обратить ваше внимание. По сути, любой орган равновесия анатомически выглядит точно так же, как граафский фолликул... Когда затем давление воды в пределах этого фолликула нарастает, яйцо выталкивается. Представьте себе: граафский фолликул прислоняется своим верхним краем к одной из поверхностей яичника, затем этот фолликул лопаётся, и яйцо вступает в фаллопиеву трубу. Как? Об этом известно не особенно много. Вероятно, конец этой трубы, располагаясь вокруг яичника, засасывает яйцо. Во всяком случае, сегодня уверены в том, что это яйцо лежит в трубе, что оно способно к оплодотворению (благодаря чему — мы еще рассмотрим), и что сама эта предварительная стадия ведет к оплодотворению.

Дорогие друзья, я должен объяснить вам все эти вещи в точности, поскольку без этого мы не сможем прийти к верным точкам зрения. Теперь, когда мы все это рассмотрели, давайте подумаем, о чем же нам это говорит? Итак, перед нами — клетка, и эта клетка окружается множеством других клеток, а затем все это, как целое, начинает расти. После чего внутри образуется жидкость, эта жидкость принимает некую луноподобную форму, и наконец, оттуда выделяется яйцо. Здесь, дорогие мои друзья, перед нами ни что иное, как отражение подготовительной стадии земного становления, где еще раз в миниатюре повторяются этапы развития на Сатурне, на Солнце и на Луне. Вдумайтесь-ка: однажды началось становление всего земного, начало творения, когда из тепла, как древний Сатурн, возник и сформировался человеческий зародыш. Последний проходит различные стадии развития (вы знаете их по «Тайноведению»), по завершению которых он впадает в пралаю⁷, возникает снова, проделывает вторую, солнечную инкарнацию, становясь на этот раз воздухообразным, светообразным, присваивая и усваивая другие, эфирные субстанции. Затем отступает, сворачивается — и появляется снова. Начинается лунное развитие, и после его окончания и прохождения состояния пралаи начинается становление Земли. Рудольф Штайнер в своем

«Тайноведении» описывает это следующим образом: «В конце междувременья (то есть по завершению состояния пралайи, имеющего место между периодом лунного развития и периодом начинающегося земного развития) существа, принимавшие участие в предыдущих, сатурнианских, солнечных и лунных процессах развития, выступают с новыми способностями. Существа, стоявшие над человеком, благодаря своим предыдущим действиям достигают способности развить человека дальше так, что в продолжение земного периода он становится способным достигнуть более высокого уровня сознания, стоящего на одну ступень выше того образного сознания, которого он достиг на Луне. Но прежде человек должен был быть подготовлен к восприятию того, что ему должны были дать. В продолжение сатурнианского, солнечного и лунного развития он вчленил в свое существо физическое, эфирное и астральное тела. Но эти члены содержали в себе только те силы, которые делали его способным жить в образном сознании; у него еще отсутствовали органы и необходимая форма, позволяющие воспринимать мир внешне чувственных предметов, присущих ступени Земли. Это формирование происходит в три этапа. На первом этапе преобразуется физическое тело, поднимаясь настолько, что оно становится в состоянии принять форму, которая может стать основанием для предметного сознания. Этот подготовительный этап земного развития можно назвать повторением на более высоком уровне сатурнианского периода. Поскольку в этот период, так же как в сатурнианский период, высшие существа работают только над физическим телом. Если последнее продвинулось в своем развитии достаточно далеко, то все существа снова должны перейти в более высокую форму бытия, до того, как жизненное тело получит возможность развиваться дальше. Физическое тело должно быть как бы заново отлитым, чтобы при своем повторном проявлении быть в состоянии принять более развитое жизненное тело. После этого посвященного более высокой форме бытия промежуточного этапа происходит своего рода повторение солнечного периода (тоже на более высокой ступени развития) для формирования жизненного тела. И снова, после очередного промежуточного этапа, наступает аналогичное повторение лунного развития для астрального тела».

Дорогие друзья, только взяв эти слова Рудольфа Штайнера за основу, мы вообще сможем понять, почему здесь идет речь о подобных вещах. Поскольку просто для понимания процесса выталкивания яйца во всем этом вовсе нет необходимости. Ведь оно могло бы двигаться прямо у поверхности, быть принятым трубой, и все. Но реально происходит вначале одно, потом второе, потом третье, и это — закон, поскольку за этим стоит то глобальное развитие, которому мы обязаны нашим существованием. Тут начинаешь догадываться, о каких процессах в действительности идет речь, когда мы изучаем простейшие подготовительные этапы, постоянно происходящие у каждой женщины в период между пубертетом и старением. Но здесь нужно понять одну вещь. У мужчины такого развития не происходит,

Рис. 1.5

редуцирование - переход от сложного
к простому

потому что мужчина не является носителем прошлого Земли. Женщина же, так сказать (и я выражаю это образно, для доходчивости), несет в себе земные воспоминания. История развития Земли запечатлена в женщине вплоть до уровня физического тела, это записано так, что стало эхом прошлого и связало человеческий организм с теми праначалами, из которых он возник. Но это лишь одно. Теперь, спрашивается: как же развивается само яйцо? Каким образом это происходит, как все это осуществляется?

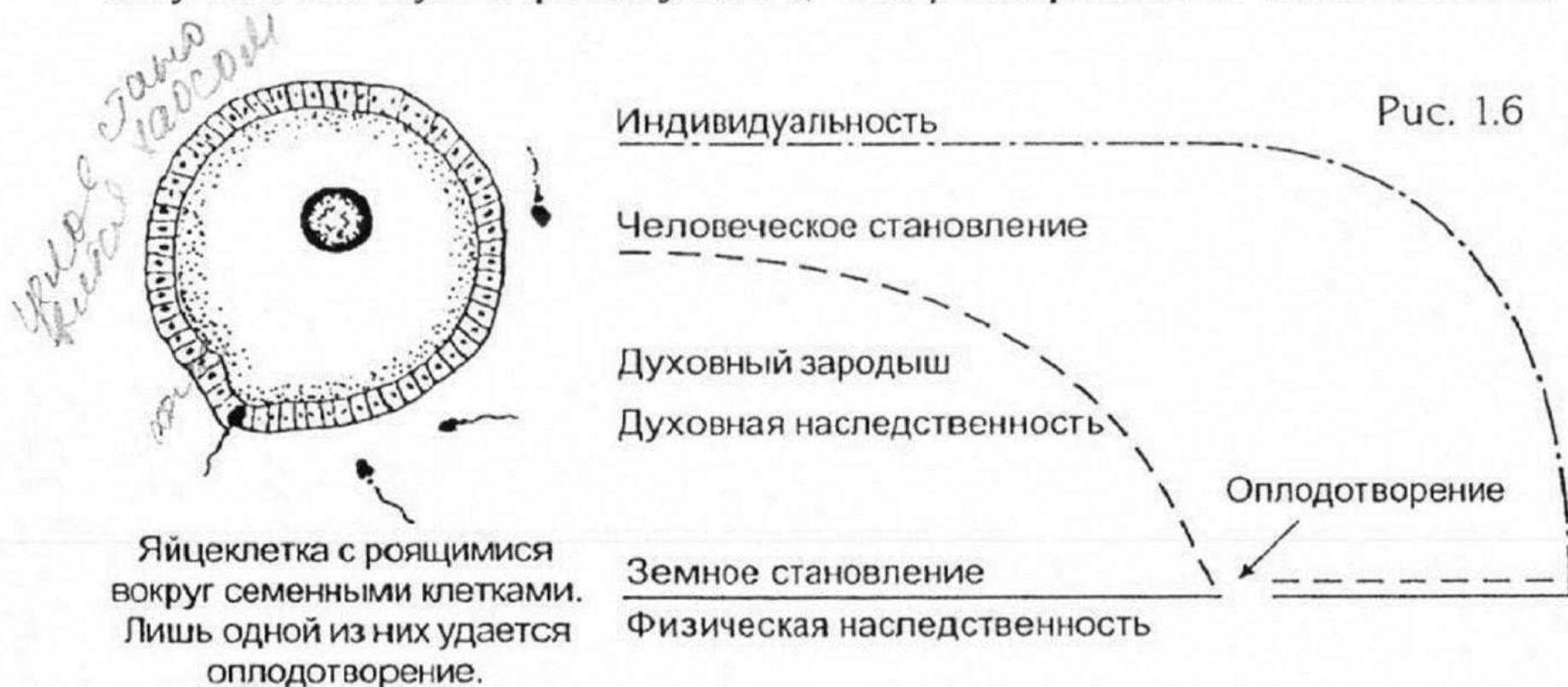
Итак, если у нас здесь ооцит (Рис. 1.5), и внутри него ядро, то дело обстоит так, что в процессе развития, только что мной описанного, все сводится к делению. От начального ооцита первого порядка отделяется одна маленькая самостоятельная, но значительно редуцированная клетка с ядром, — так называемый первый полоцит. В момент, когда выделился первый полоцит, мы уже имеем ооцит второго порядка. Затем полоцит снова делится на две маленькие клетки. Ооцит же продолжает свое развитие и еще раз образует полоцит — уже второй. В этот момент мы получаем ооцит третьего порядка. И только этот ооцит становится уже способным к оплодотворению, поскольку с образованием второго полоцита осуществляется так называемое редукционное деление, и ооцит содержит тогда не 46 хромосом, а 23. Это одна сторона, с которой можно взглянуть на целое.

Итак, мы видим, что в процессе развития яйцеклетки сначала образуется первый полоцит, затем второй полоцит, или полярное тельце. Но что же здесь в действительности происходит? Дорогие друзья, взглянув на это с несколько иной точки зрения, можно легко заметить, что перед нами вновь отражение того же самого, о чем говорил Рудольф Штайнер при описании становления Земли. Он показывал, что вскоре после осуществления повторения развития древнего Сатурна, древнего Солнца и древней Луны Земля все больше и больше становится местом обитания развивающегося, но еще полностью сверхчувственного человеческого существа. Человеческие души смотрят на все происходящее еще целиком через тепловое и световое. Свет еще невидим, тепло еще не воспринимается; все протекает еще в том астральном мире, в кото-

рый мы вступаем, переходя через врата смерти. Но на этой стадии становления Земли, когда начинает возникать твердое и жидкое, уже происходит первое крупное изменение: это отделение Солнца от Земли. Эмбриологически мы можем сказать так: последний отголосок того, что тогда осуществилось как отделение Солнца, — это образование первого полоцита. Все это происходит в крошечном масштабе, выглядит смехотворно маленьким, но все же является последним эхом тех великих событий; событий, связанных с тем, что высокие земные существа должны были подойти к следующей ступени развития и со своей собственной субстанцией, со световой, звуковой и жизненной субстанцией отделиться от Земли, образовав Солнце. Из-за этого, однако, начинается процесс отвердения, из-за этого происходит то, о чем Рудольф Штайнер писал: «Если бы теперь развитие в таком виде продолжалось бы и дальше, Земля под влиянием твердого элемента затвердела бы окончательно. Направленному в прошлое ясновидящему взгляду открывается, как покинутые душами человеческие тела отвердевали бы все больше и больше. И через некоторое время возвращающиеся на Землю человеческие души не нашли бы никакого употребительного материала, с которым они смогли бы соединиться. Тут наступает событие, изменяющее направление всего развития. Все, что в твердом земном веществе могло способствовать необратимому отвердению, было выделено. Тогда наша теперешняя Луна покинула Землю. А то, что до этого способствовало остаточному формообразованию непосредственно на Земле, стало действовать опосредовано, в ослабленном виде, с Луны». Это второй крупный шаг, это шаг образования второго полоцита, поскольку теперь произошло редуционное деление, и яйцо только теперь стало способно к оплодотворению. И двумя предложениями дальше в «Тайноведении» вы сможете прочесть: «Благодаря этому телесные человеческие формы начинают отличаться друг от друга, что, в свою очередь, становится началом разделения на мужской и женский пол. Тонкоматериальные человеческие существа, жившие на Земле до этого, благодаря совместному действию обеих сил (зародыша и оживляющих сил) в них самих, позволяют через своих потомков образовать новые человеческие формы. Теперь эти по-

томки изменили форму. И в этой группе потомков действовала зародышевая сила (Keimkraft) духовно-душевного».

Зародышевая сила духовного! Вот о чем говорил Рудольф Штайнер, раскрывая, что теперь на Земле, освобожденной от Луны, человеческие тела стали зародышевой силой. И эти силы (рис. 1.6) принимают теперь спускающиеся души, которые до этого должны были находить убежище на окружающих планетах, поскольку на Земле подходящих тел они не находили. Кто когда-нибудь видел в микроскоп толпы семенных клеток, приближающихся к яйцу, тот получит точную картину того, что разыгрывалось когда-то: сот-

ни тысяч душ снова устремляются к Земле. И теперь состояние процесса оплодотворения таково, что эмбриональное развитие вообще только начинается. Оно начинается только теперь — понимаете?

Сторонники преформации убеждены в том, что теперь, когда обе клетки сливаются, уже имеется все необходимое для развития эмбриона. От Рудольфа Штайнера мы знаем другое. Мы знаем, что в тот момент, когда семя входит в яйцо, целое становится хаосом, и из этого хаоса лишь постепенно образуется космос.

Дорогие друзья, теперь мы подошли к тому моменту в развитии мира, когда человеческие существа благодаря формированию на Земле пластической телесной субстанции снова смогли вернуться на нашу планету. Человеческие души снова смогли проникать в

2 семенными клетками зародышевой силой, но Земле освобожденной от Луны

тела. В «Тайноведении» это описано так: «Благодаря отделению Луны, человеческое тело стало на некоторое время гибким; но чем дольше оно находилось на Земле, тем сильнее завладевали им силы отвердения. Под конец, души все меньше и меньше могли принимать участие в формировании тела. В то время как душа восходила к душевно-духовному образу бытия, последнее (душа) приходило в упадок». То есть, вы видите, что, собственно, и сейчас еще чего-то не хватает, и должно вступить в силу нечто новое. «Можно проследить, как силы, которыми шаг за шагом овладел человек в продолжении сатурнианского, солнечного и лунного развития, постепенно вступают в действие в вышеописанном процессе формирования Земли. Поначалу это — астральное тело, еще содержащее в себе в растворенном виде жизненное и физическое тела, которое воспламеняется земным огнем. Затем это астральное тело делится на более тонкую астральную часть — душу воспринимающую, и более грубую, эфирную часть, которая теперь соприкасается с земным элементом. Так появляется эфирное, или жизненное тело. И в то время как в астральном человеке формируется душа разумная и душа сознательная, в эфирном теле выделяются более грубые части, восприимчивые для звука и света. В момент, когда эфирное тело уплотняется еще больше, так что от светового тела оно переходит к огненному, или тепловому телу, начинается та ступень развития, когда, как мы описывали выше, в человека входят части твердого земного элемента». Вы видите: все это находится еще за пределами твердого, в области мира эфирного — в огне, в свете, в звуке, в жизненном. «Раз эфирное тело уплотнилось до огня, то, благодаря силам физического тела, оно становится в состоянии соединяться также с тонкими, находящимися в аналогичном состоянии субстанциями физической Земли. Но, став при этом более твердым, оно не могло больше самостоятельно вводить в себя воздушные субстанции. И потому тут, как было сказано выше, вступают в действие более высокие существа, обитающие на Солнце, и вдыхают в него воздух. В то время как человек, благодаря своему прошлому, обладал силой пронизывать себя земным огнем, воздушное дыхание направляли в его тело более высокие существа». Сам человек этого делать уже не мог. В мир

Коллекция - коллекция отам для альбома -
она

вступает нечто новое, в развитие вмешиваются высшие существа. В Библии это отражено словами о том, что Иегова вдохнул в человека дыхание, или вечную душу (Odem).

Дорогие друзья, мы должны представить себе все это. Ведь, не правда ли, речь идет теперь о том, чтобы от описания подготовительной стадии становления Земли, которым мы занимались до этого, перейти к описанию становления физического человека. О нем еще не было сказано ничего. Только теперь мы подходим непосредственно к человеку. А подготовка к становлению человека должна была осуществляться так, чтобы в него могло втекать дыхание небесного. Это значит, что человек самостоятельно воплощаться больше не мог. Прибавляется нечто новое, некое божественное влияние. И мы можем сказать, что первые шаги в развитии человека заключались в том, чтобы повторить то состояние, которое наступало для предотвращения гибели человека на Земле. И это первичное состояние заключается в том, что теперь его развитие приобретает определенную направленность, а именно: эмбрион получает плаценту, детское место. Это то, в чем он теперь нуждается. Ведь эмбрион сам больше не в состоянии вдохнуть в себя дыхание, оно должно войти через представительницу тех сил, которые отвечают за земное становление. А это и есть беременная женщина. Все развитие должно теперь ориентироваться только на то, чтобы возникло детское место, плацента; не просто как питательный орган эмбриона, но орган, который примыкает к чему-то более высокому. Можно даже сказать: солнечный орган. Поскольку только когда это произойдет, человек, инкарнирующий человек, сможет найти для себя место.

Чтобы сделать еще один шаг вперед, я позволю себе обратить теперь ваше внимание на очень интересную линию (рис. 1.6), которую Рудольф Штайнер обозначает как «духовный зародыш» («Geistkeim»). Духовный зародыш, дорогие друзья, — это тот структурный партнер нашего индивидуального существования, который в момент оплодотворения соединяется с физическим зародышем. При этом я должен уточнить, что духовный зародыш — это не человек, не индивидуальность, не астральное тело и не эфирное тело, а исходная форма (Grundgestalt) физического тела человека.

духовный зародыш - это исходная форма физического тела человека.

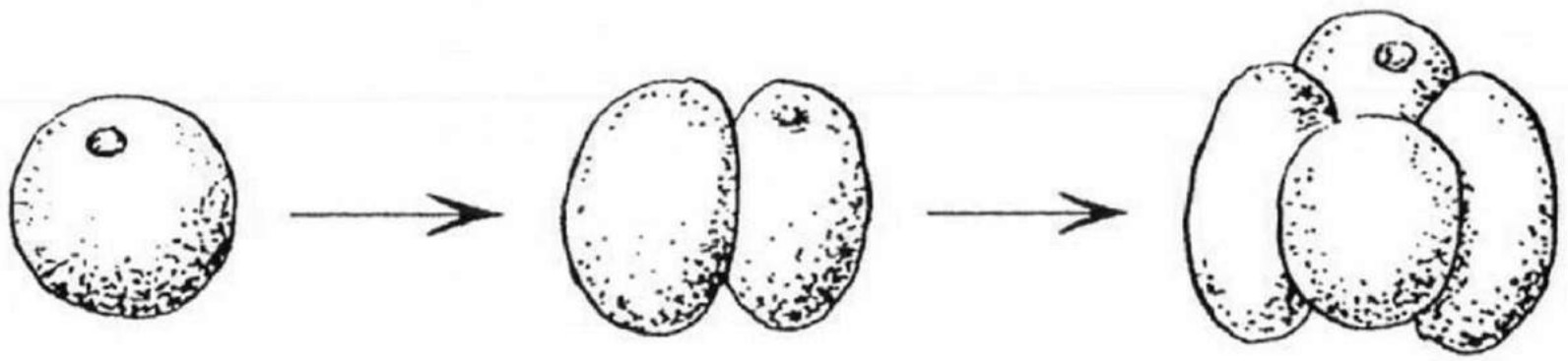
Это, конечно, тесно связано с кармой, поскольку, например, цвет моих волос, моих глаз, строение моего тела и т.п. хоть и зависит немного от наследственности, но это зависит также и от моей личности. Тут встречаются как бы два типа наследственности: мое духовное, которое приношу я, и другое — то, что я получаю от моих родителей. *И мои родители — два типа наследственности*

Вообще, только теперь вещи начинают усложняться. Что такое духовный зародыш? Дорогие друзья, духовный зародыш — это форма бесконечной величины. Поначалу он так же велик, как сам мир. И этот духовный зародыш рождается, формируется и обучается мной, вернее, той индивидуальностью, которая остается после перехода мной за порог смерти, когда я просматриваю свою прошедшую жизнь, прохожу Камалоку и нижний Девахан⁸. И вот то, что остается после этого как вечная индивидуальность, примерно в полуночный час между смертью и новым рождением начинает плести духовный зародыш. В этом процессе участвуют все иерархии, все души, которых мы встретили в нашей прошлой жизни, и те, которых мы еще встретим. Они плетут нашу форму, но эта форма — сверхиндивидуальна, она — ни что иное, как человеческая форма. Если бы не было ничего, кроме духовного зародыша, мы все были бы совершенно одинаковы. Но это не так. Ведь духовный зародыш соединяется затем с нашей вечной индивидуальностью и с астральным телом в лунной сфере. Здесь имеются теперь «Я», астральное тело и духовный зародыш. Оттуда также мы ищем наших будущих родителей, пытаемся свести их вместе, придать себе заранее установленную констелляцию. В тот же момент, когда происходит физическое оплодотворение, духовный зародыш спускается вниз и соединяется в своей человеческой форме с физическим зародышем. Теперь оба, духовный зародыш и физический зародыш, нашли друг друга. Но там, где раньше находился духовный зародыш, образовался вакуум, и в этот вакуум устремляются теперь силы, формирующиеся в эфирное тело. Эфирное тело потом, в свою очередь, индивидуализирует общую форму человеческого духовного зародыша и раскрывает принадлежащую нам карму. Эти трое — «Я», астральное тело и эфирное тело — являются теми, что спускается затем на семнадцатый день. Но в

этот день развитие должно достигнуть того уровня, когда для этой троцицы уже готов дом, который они могут занять.

Вернемся же теперь к оплодотворенной яйцеклетке и исследуем то, что происходит внутри материнского организма. Мы знаем, что примерно спустя один или два дня после оплодотворения яйцо через фаллопиеву трубу погружается в пространство матки. В то же время яйцо начинает делиться: вначале на две части, затем на четыре, и т.д. Весь этот процесс называется бластогенезом (Blastogenese). И этот процесс с самого начала является двоичным: с одной стороны, возникает клеточная структура эмбриобласта (Embrioblast), а с другой стороны — клеточная структура трофобласта (Trophoblast) (рис. 1.7). Разница между ними в следующем. Эмбриобласт представляет собой такую клеточную структуру, из которой постепенно развивается эмбрион. Трофобласт — структура, дающая эмбриону возможность, так сказать, расширяться, чтобы улечься в субстанцию материнской матки. Об этом образовании, которое у нас теперь имеется, можно сказать, что оно

клеточная структура

Деление клеток

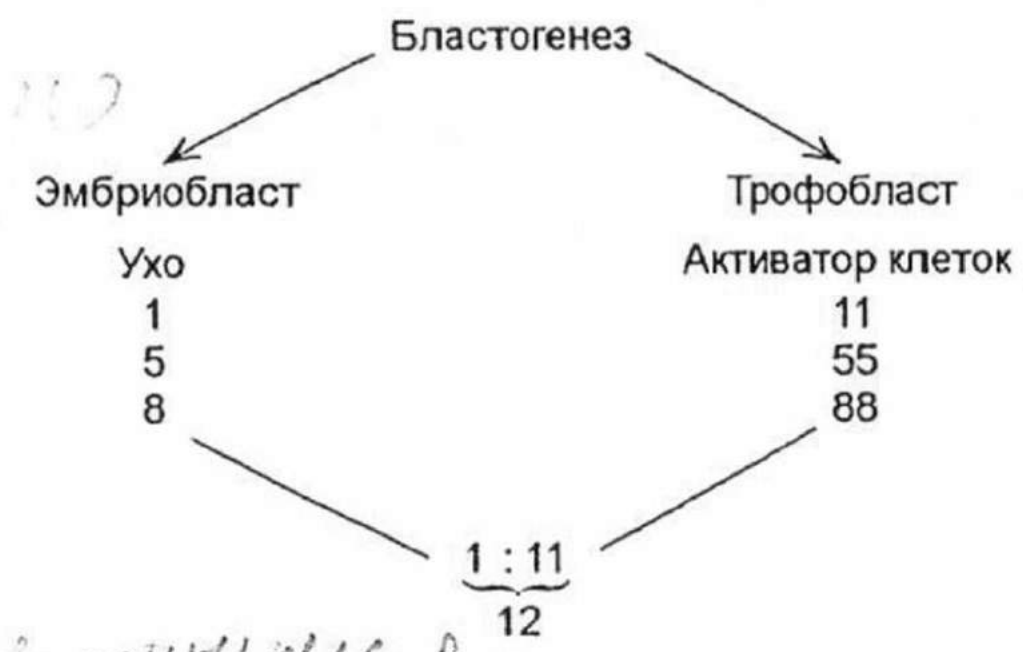

Рис. 1.7

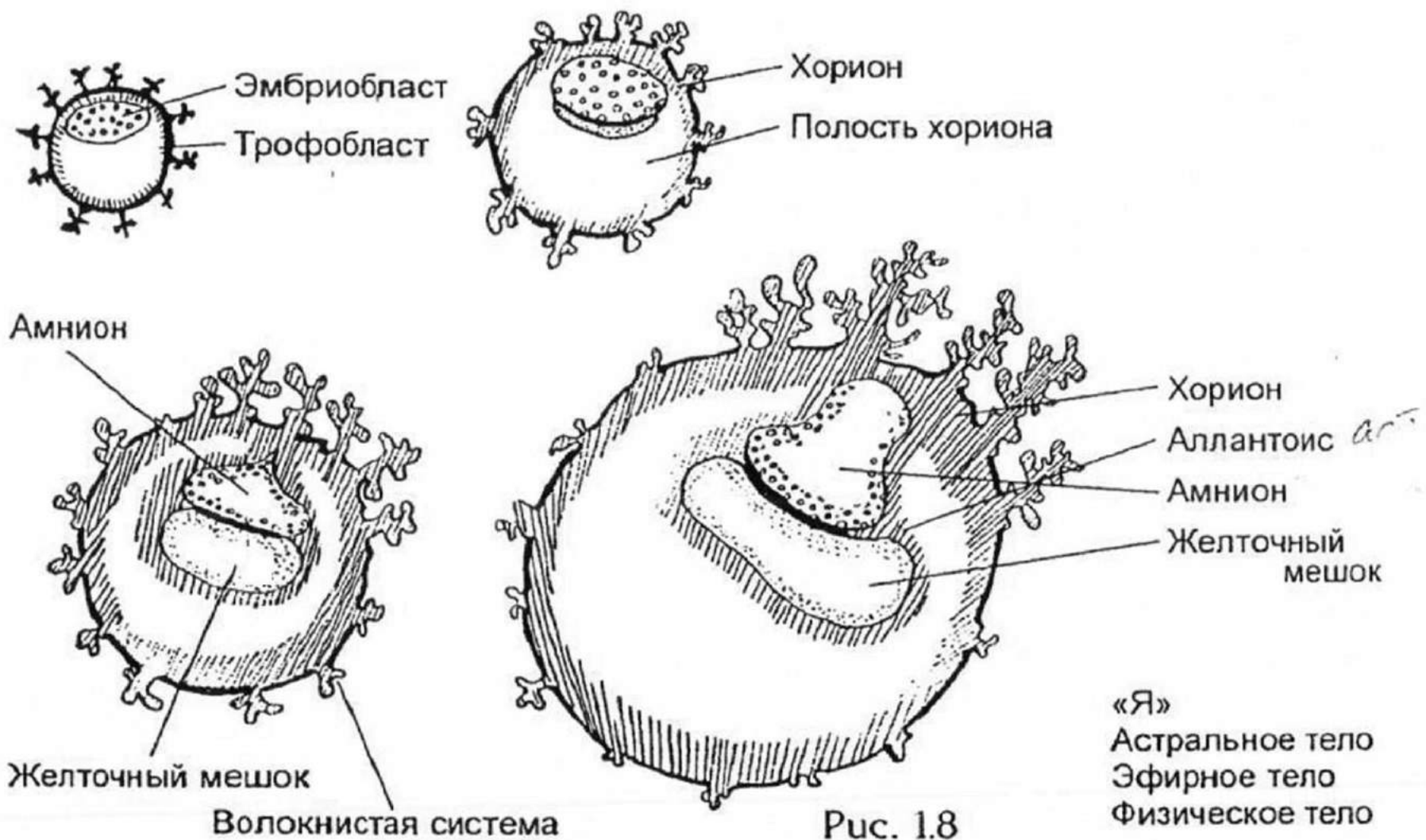
активатор эмбриона

активатор

активатор эмбриона
ухо

становится активным (поскольку, как выразился Рудольф Штайнер, оживляющая зародышевая сила течет через семена). Оно теперь начинает разрастаться, и снова трофобласт здесь является активатором, а эмбриобласт — прислушивающимся, скажем так, ухом. На сегодняшний момент мы продвинулись так далеко, что, например, можем сказать, сколько клеток содержится в эмбриобласте и в трофобласте в такой-то день. И для того, кто обладает минимальным математическим и геометрическим чутьем, здесь выявляется нечто исключительно интересное. Через 72 часа во всем образовании имеется не больше 12-ти клеток: 12 бластомеров, как они называются, из которых 1 эмбриобласт и 11 трофобластов. К началу пятого дня имеется уже 5 эмбриобластов и 55 трофобластов. Это похоже на то, что существует постоянное отношение 1/11, что в сумме составляет 12. Точно ли это, правильно ли — я сказать не могу; я могу только вычитать это из документов, которые с научной точки зрения совершенно верны и справедливы. Таким образом, можно себе представить, что уже в делении клеток обнаруживается некий строгий закон. Но на этом дело не кончается, и постепенно между эмбриобластом и трофобластом возникает явное различие. Оно образуется примерно на седьмой день, и примерно в то же время происходит имплантация будущего зародыша в стенку матки. До этого он еще спит в жидкой области маточной полости. Но теперь он присасывается, и трофобласт разрушает материнскую ткань, проникая в нее все дальше и дальше. Это выглядит примерно так: здесь у нас эмбриобласт (рис. 1.8), который уже также обладает небольшой полостью, а вокруг него образуется трофобласт. Все это, как целое, окружено, пронизано, наполнено духовным зародышем. Тут действует человеческая форма. Несколько дней или даже несколько часов спустя на одной из сторон клетки эмбриобласта начинают развиваться интенсивнее, полость становится больше, и вокруг этой полости в виде очень мелких, нежных ворсинок растет трофобласт. Эту полость, которая здесь возникла, называют полостью хориона (Chorionhöhle = ворсиночная область). А вокруг этой полости формируется некое белое образование — хорион. И хотя они теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом, хорион и трофобласт — это все же две разные вещи.

Трофобласт → полость хориона → хорион (белое образование)

Теперь пойдём дальше. Вы видите, что пока еще о самом эмбрионе, о начале эмбрионального развития и речи нет. Пока мы замечаем лишь то, что эмбриобласт начинает делиться на два маленьких пузырька: верхний пузырек и нижний пузырек. Все это также может принимать различные формы; главное, вы не должны упускать из виду целое. В полости хориона теперь возникает волокну́стая система. И теперь это уже не просто полость, наполненная жидкостью, — в этой жидкости возникает некоторая структура. В ней начинает появляться некая форма, и верхний пузырек становится амнионом. Амнион — это та оболочка, в которой позднее во взвешенном состоянии будет содержаться эмбрион. Нижний пузырек развивается в так называемый желточный мешок (Dottersack). При этом об эмбрионе до сих пор еще речь не идет, а мы ведь уже на тринадцатом, четырнадцатом дне развития!

Дальше все становится еще больше, и на желточном мешке образуется выпуклость (Рис. 1.8): из клеток создается некое уплотнение, и то, что вокруг аллантоиса уплотняется, образует

так называемый *примитивный канатик* — начало того, что позднее станет *пупочным канатиком* (пуповиной). Таким образом, мы наблюдаем следующее: за короткие недели *трофобласт* окружает *эмбрион*, и зародыш на время как бы исчезает, обнаруживая себя лишь как *плацента*, к которой ведет пупочный канатик. О чем здесь идет речь? Дорогие друзья, посмотрите (рис. 1.8): у нас есть *хорион*, *аллантоис*, *амнион* и *желточный мешок*. Они образуют *четыре оболочки эмбриона*. Эти оболочки полностью формируются на 17-ый день. И формируются для того, чтобы в этот день с этим *выстроенным домом* смогла соединиться индивидуальность человека. *Потому что в хорион спускается «Я»*, в *аллантоисе* находит жилище *астральное тело*, в *амнионе* живет *эфирное тело*, а *желточный мешок* образует, так сказать, основу *физического становления*, о чем мы еще будем говорить. Это нечто такое, что нужно запомнить прежде всего. Что из этого затем образуется, как образуется, и как это связано с *филогенезом* и *становлением мира* — все это мы и будем рассматривать дальше.

Третий доклад

И Дорогие друзья!

Так, мы более или менее подходим к предварительному завершению тех вопросов, которые мы здесь вместе пытались проработать. И я думаю, это действительно всего лишь предварительное знакомство с данной темой, всего лишь начало, которое, будем надеяться, когда-нибудь найдет свое продолжение. Ведь вы уже заметили: все, что я пытался вам здесь представить, в действительности было лишь попыткой, попыткой более широкого рассмотрения затронутых вопросов.

Теперь же мне хотелось бы сказать вам об этом еще нечто личное, поскольку, ведь так было принято, что исследователь при опубликовании своего труда обязательно приводил что-нибудь из своей жизни. Почитайте Карла Эрнста фон Баера, почитайте Карла Густава Каруса и прочих великих мужей — и вы увидите, что они всегда приписывали также что-нибудь и о себе. А в этом году исполняется как раз 40 лет с того момента, как я, будучи в то время ассистентом в венском институте эмбриологии, начал заниматься тематикой основного биогенетического закона в связи с ранним эмбриональным развитием. Можете мне поверить, что эта тематика сопровождала меня постоянно, периодически то уходя, так сказать, в подполье, то являясь снова, а затем снова исчезая. Но в продолжение этих сорока лет я уяснил для себя одну важную вещь, и мне хотелось бы этим поделиться с вами, мои дорогие друзья и коллеги, а особенно с теми, кто еще молод и только начинает свой творческий путь. Пожалуйста, не думайте, что существует *одна единственная* интерпретация — в действитель-

ности всегда имеется множество интерпретаций. И если я вам сегодня представлю в общих чертах что-то одно, или другое, или третье, то это вовсе не означает, что первое лучше, чем второе, а второе хуже, чем третье. Все зависит от угла зрения, под которым вещи рассматриваются. И далее, занимаясь органическими формами, нельзя забывать одно основополагающее открытие, сделанное в начале этого столетия в Праге. Вначале принадлежавшее к области философии, затем оно было отнесено и к психологии; но, к сожалению, ему не придали должного значения, хотя оно актуально и сегодня. Я имею в виду гештальт-теорию⁹. По сути, это скорее даже не теория, а просто открытие мультиплетности человеческого «Я», способности человека видеть вещи явленного мира самым различным образом в зависимости от того, с какого положения смотрит на вещи его «Я». Мы можем смотреть на нечто одно и то же с точки зрения происхождения человека, с точки зрения возникновения мира, с точки зрения физического, эфирного тела или «Я». А ведь те образы и формы, которые запечатлены в будущем эмбрионе, никак не фиксированы, они представляют собой лишь как бы некий призыв. Призыв учиться мыслить в истинном понимании, имагинативно. Это не значит, что мы должны фантазировать, — нет, мы должны учиться смотреть, и из самой структуры, из формы увиденного неожиданно услышать, воспринять то, что эта форма начинает говорить, петь, высказывать. Об этом нельзя потом больше спорить. Подумайте о том, как это прекрасно! Ведь если кто-то что-то сказал, а мне это видится по-другому, тогда можно лишь улыбнуться: прекрасно, я снимаю шляпу, потому что прав не я и не ты! — просто мир так многосторонен, а человеческое сознание так ограничено, что нет ничего страшного (это даже прекрасно), что в одном, или в другом, или в третьем постоянно отражается трансформация имагинативного, многообразия имеющихся интерпретаций и взглядов, но только лишь именно взглядов, а не возможностей. Сегодня, ведь, это просто катастрофа с так называемыми учениками Рудольфа Штайнера, которые считают, что в их руках — догма, и тот, кто эту догму не признает — глупец. Мол, с такими не стоит даже говорить. Но как раз это и глупо, поскольку это идет в разрез с

тем, что Рудольф Штайнер действительно от нас хотел. Ведь он говорил о том, чтобы мы из собственного «Я», из собственной индивидуальности не повторяли что-то, а *творили*. И тот, у кого для этого не хватает мужества, не должен называть себя учеником Рудольфа Штайнера. Простите меня, что я говорю так резко, но как раз в отношении эмбриологии это чрезвычайно важно. То, что я предварительно рассказал вам до этого, а именно, о подготовке к семнадцатому дню, об образовании четырех оболочек — хориона, амниона, аллантоиса и желточного мешка, — все это было поначалу лишь теологической абстракцией. Но нужно же было в какой-то форме начать. Я говорил о том, что сначала должны сформироваться четыре оболочечных органа, образующих жилище для спускающихся физического тела, эфирного тела, астрального тела и Я-организации. Затем я абстрагировался и просто попытался подойти к цели семнадцатого дня. Между тем, я кое-что вспомнил об этом семнадцатом дне. Об этом я знал уже давно, но лишь сейчас я снова наткнулся на тот самый фрагмент седьмой главы Первой Книги Моисея, который просто взывает к семнадцатому дню: «В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяце, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились» [Быт. 7, 11]. А затем, в восьмой главе, когда потоп уже закончился, вновь появляется это число: «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских» [Быт. 8, 4]. Здесь дважды в тексте неожиданно всплывает семнадцатый день, и это очень важно. Я опять-таки не могу сказать точно, почему именно семнадцатый день, но если Моисеем в Бытии было упомянуто такое число, значит, в древних мистериях (к сожалению, мы не можем в этот момент задать вопрос Рудольфу Штайнеру) оно, вероятно, играло очень важную роль. И наверное, мы еще услышим о семнадцатом дне во время дискуссии, что, вероятно, также будет очень интересно.

Итак, друзья мои, это — абстракция, но она привязана к обсуждаемому здесь вопросу. Нас интересовало, что происходит до семнадцатого дня, то есть до того дня, когда «Я» вместе с астральным и эфирным телом последовали за уже спустившимся духовным зароды-

шем. Духовный и физический зародыши уже повлияли друг на друга, выстроили четырехчленную форму, и теперь со своими сверхчувственными оболочками туда опускается вечная сущность человека, она заполняет эту форму, живет поначалу как эфирное в пределах амниона, живет как астральное в месте крепления аллантоиса, и как «Я» вступает в хорион, окружая его. Вокруг же активно внедряется в материнскую ткань матки трофобласт. Я пытаюсь сейчас это представить образно. Но это пока еще только передний план. Все это вместе, дорогие друзья, согласно основному биогенетическому закону, также является повторением того, что уже было однажды. То есть, если мы смотрим на это не как на онтогенетический образ, а в свете филогенеза, то в этих клеточных образованиях, в амнионе, желточном мешке, аллантоисе, экстраэмбриональном мезодерме и хорионе нам предстанет нечто совершенно иное.

Видите, это не просто развивающийся и обусловленный онтогенезом образ, но здесь, имея в виду прошлое мира, нужно представить себе, так сказать, прачеловека. Теперь позволительно спросить, как же выглядел этот прачеловек? Оставим пока этот вопрос без ответа, и попытаемся вначале оживить нашу абстракцию четырех оболочек. Между всеми этими оболочками, или оболочечными органами, в момент их возникновения и формирования мгновенно и повсюду появляется кровь. И если бы вы меня спросили, каким же способом эта кровь появляется, мне пришлось бы снова сказать: разными способами. Видите ли, у взрослого человека, как и у новорожденного, кровь возникает почти исключительно в костном мозгу. Это, так сказать, конечное состояние, поскольку, в принципе, даже то, что принимает форму прачеловека, формируется из кровообразования. Вы теперь спросите, что же из крови возникает в первую очередь? Я должен буду ответить: то, что здесь возникает — кровяные тельца, капилляры и кровяные сосуды, сыворотка крови, — все это еще неразличимо друг от друга, все это еще настолько подвижно, настолько пребывает в процессе формирования и действует настолько стремительно, что кровяные сосуды постоянно изменяются, трансформируются в кровяные тельца, кровяные тельца — в сыворотку, сыворотка — снова в кровяные тельца и в кровяные сосуды. Так что каждая часть является еще кровообразующей. Вплоть до самого позднего

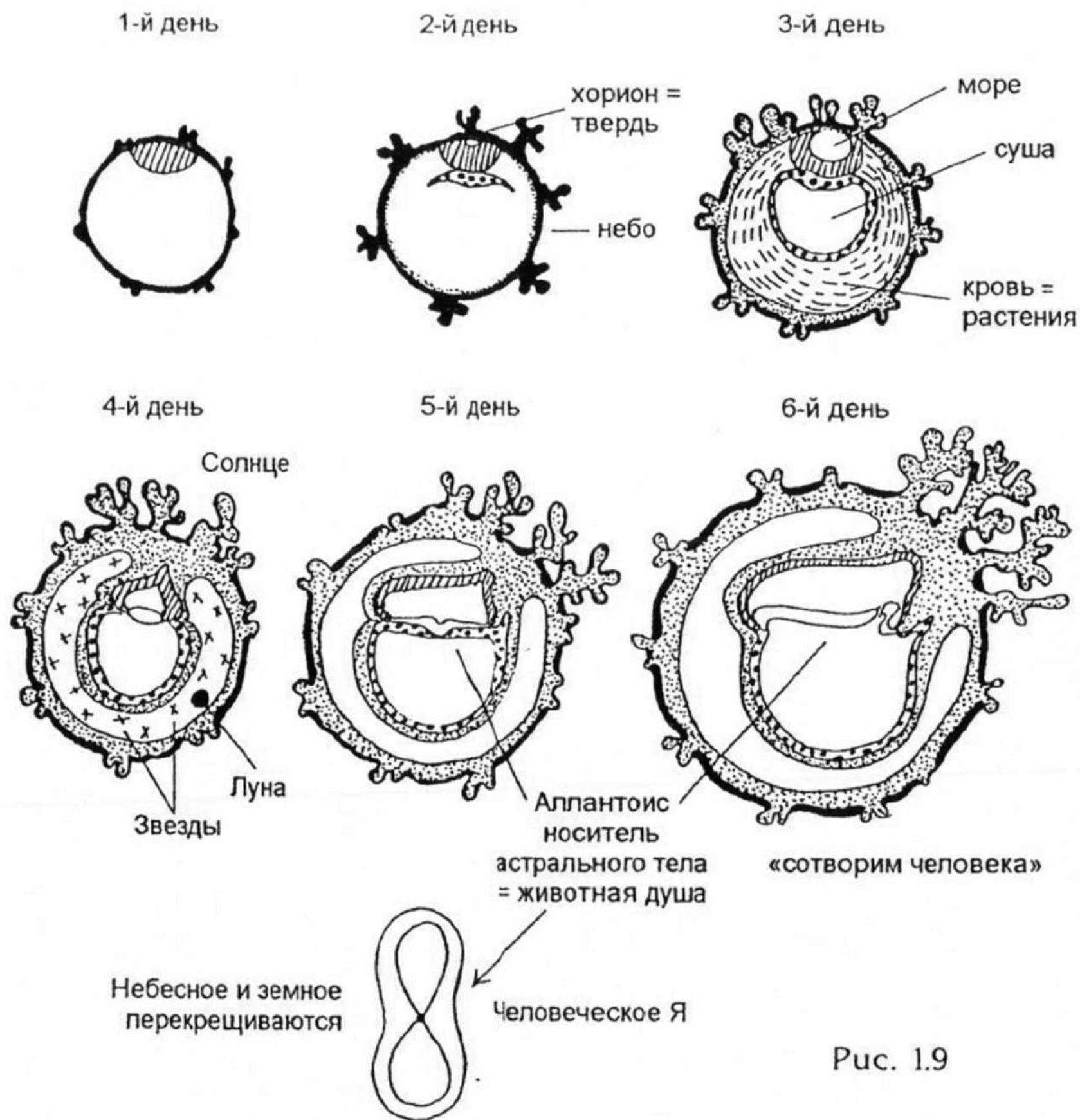
ошибка правее

эмбрионального периода печень, мозговые оболочки и прочие органы строят кровяные клетки, поскольку они сами, так сказать, образовались из крови. Но эту кровь, о которой я сейчас говорю, вы должны представлять себе не как органически материальную субстанцию, а как действие силы крови. И из этой крови, так сказать, кристаллизуется хорион и все остальное, и то, что затем воздействует на материнскую ткань через трофобласт, представляет собой ни что иное, как силу крови.

А теперь представим себе весь этот процесс с самого начала. Итак, здесь у нас яйцеклетка (рис. 1.9), из которой формируются клетки эмбриобласта и трофобласта, причем в соотношении 1/11. И мы говорили об этом как о стадии морулы, или стадии Сатурна. Теперь же мы можем пойти дальше и сопоставить с этой стадией строки о сотворении мира: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» [Быт. 1, 1-2]. Поскольку то, что проникнуто духовным зародышем, человеческой формой, безвидно и пусто. Это день первый.

Затем звучит призыв. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» [Быт. 1, 3-5].

Конечно, все наши усилия установить, что является светом, окажутся тщетными. Однако в тот момент, когда мы видим возникновение крови, мы скажем: и стал свет. И возникла кровь... Дорогие друзья, насколько это поначалу может показаться имагинативным, настолько мы должны сопоставить это с фактами. И тут мы должны представить себе не ту кровь, которая струится у нас в жилах, а ту, что находится еще по ту сторону «особенного сока», ту всеохватывающую кровь, которая лишь позднее оседает и разделяется на человеческую, животную или растительную; это та кровь, в которой хлорофилл и гемоглобин еще представляют собой единую субстанцию, которая затем дифференцируется на магnezия- и железосодержащие части. Это и есть та тайна света, в которую мы до сегодняшнего дня еще едва ли проникли; тайна того, что свет превращается в хлорофилл, и что из крови

может родиться наш собственный свет, внутренний свет. И до тех пор, пока в крови как в общедействующей силе не будут видеть света, и во всем, что начинает расти, не будут слышать отзвуков слов: «Да, будет свет!», — до тех пор нельзя будет увидеть того, что происходит в действительности.

«И отделил Бог свет от тьмы, и назвал Бог свет днем, а тьму ночью» [Быт. 1, 4-5]. Это еще не означает их чередования в привычном для нас виде. Это лишь образ, где на одной стороне — живая,

парящая, деятельная, постоянно формирующаяся кровь, а на другой стороне — тьма. И теперь вы можете формировать, структурировать, теперь вы можете рассматривать формирующийся трофобласт, формирующуюся эмбриобластную клеточную ткань, где хоть и очень нежно, в жидко-воздушном, но уже проявляется *отверждение*. Затем, во *второй* день, значит: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро» [Быт. 1, 6-8]. Хорион — это теперь твердь. Поскольку теперь под этой твердью будет, можно сказать, ткаться человек; как прачеловек. Над этой твердью, то есть по ту сторону этой тверди, находится то, что древние называли кристалльным небом; здесь процесс идет в направлении образования *небесного*, а именно: все рождающей, все согревающей, несущей материнской матки, которая становится небом.

А теперь, прислушайтесь: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо» [Быт. 1, 9-10]. И посмотрите: тут внутри, в особых местах, возникает вода, то есть амнион, а внизу образуется суша, желточный мешок — это земля. Тут, вверху — амнион, а внизу — желточный мешок. И теперь у нас есть уже море и суша, и вся атмосфера вокруг. И все это заполняется той волокнистой системой, о которой я уже говорил. А далее повсюду появляется свет, то есть кровь и кровяные сосуды, — идет стремительное, непрерывное разбухание жизни. И теперь возникает нечто совершенно особенное, поскольку эта кровь начинает образовываться вокруг желточного мешка. Что же это? — читаем дальше историю творения третьего дня (не забывайте, вы ведь должны учиться думать имагинативно). «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» [Быт. 1, 11]. Нет, это не только цветы. Это весь тот всеохватывающий растительный мир, что возникает в то время, когда в атмосфере, пронизанной кремнем, появляется и снова исчезает зелень, и где

растительные сущности делают свои первые пробные шаги в образующейся земной атмосфере. Это еще и кровь, это еще и человек, это еще и животное, это земная всеохватывающая сущность, в которой шаг за шагом возникает то молоко, что всех нас когда-то насыщало. Видите, теперь все это приходит в движение, и вы поймете, наверное, почему я говорил, что до этого речь шла лишь об абстракции. Теперь постепенно это становится понятным.

А на четвертый день: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной ... чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды» [Быт. 1, 14-16]. Дорогие друзья, если вы посмотрите на эти волокна, о которых я говорил выше, то для смотрящего они действительно выглядят как звезды. Позже я еще покажу, что с этим связано. А теперь необходимо указать на нечто совершенно необычное, что наблюдалось экспериментально всего лишь несколько раз (я думаю, раз 18 или 20). Из желточного мешка выделяется небольшой пузырь и становится, так сказать, Луной на этом звездном небе, и на этой стадии образуется также все то, что становится креплением (Haftstiel), которое все больше приближается своим видом к Солнцу плаценты. Чего вы хотите больше? Тут образуются эти двое.

Эктодерма

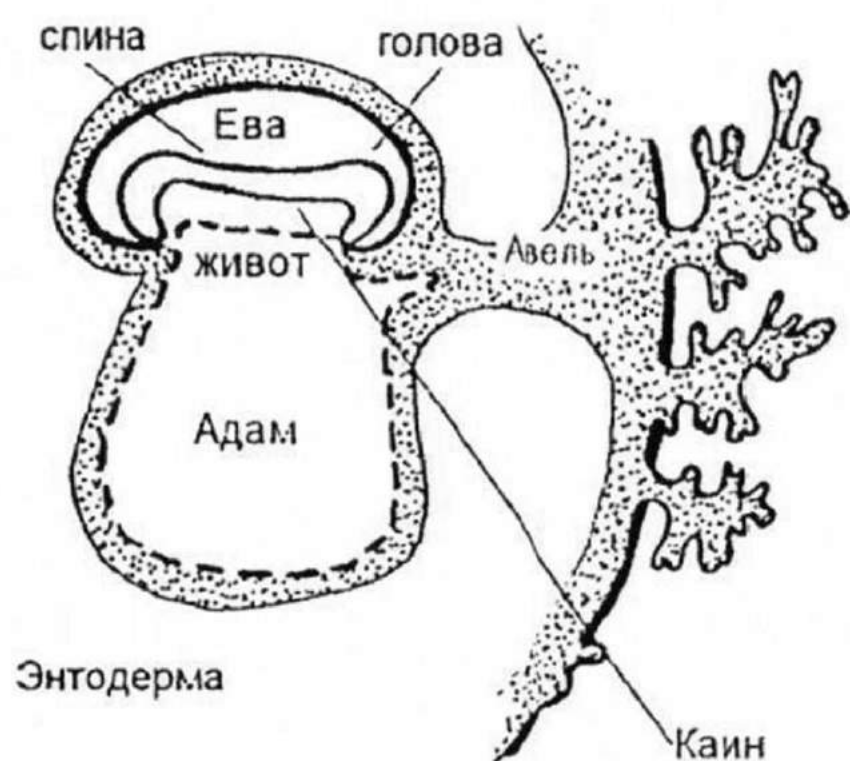

Рис. 1.10

Дальше наступает пятый день, и здесь мы читаем следующее: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» [Быт. 1, 20]. Теперь появляются все животные. На это можно взглянуть точно так же, как на возникновение растений: здесь появляется аллантоис, который является носителем астрального тела, и потому тесно связан с животным миром. И если вы проследите за аллантоисом у эмбрионов животных, например, у птиц, у амфибий или рептилий, то вы заметите, что этот аллантоис действительно представляет собой такое образование, в котором мы сможем обнаружить праобразы всего животного.

Затем приходит шестой день, который начинается как раз словами о появлении животных. А затем, как пастух среди стада, выступает одно из этих животных, и Бог говорит: «Сотворим человека» [Быт. 1, 26]. И так появляется человек. Но этот человек, в тогдашнем состоянии, представляет собой ни что иное, как праобразную форму, которую мы уже рассматривали. Это та двойная фигура, та лемниската, в которой соединяются земное и небесное, пересекаясь в одной точке. И точка этого пересечения формируется затем вплоть до физического плана, проявляясь в качестве так называемой примитивной ямки (Primitivgrube), и как раз в эту ямку вступает затем на семнадцатый день человеческое «Я».

Все это — интерпретация того, что можно рассматривать как развитие прачеловека, земли, неба и всего бытия. И я не случайно взял для этого не «Тайноведение», а Библию, поскольку в «Бытии» в сжатом виде, образно, можно найти все то, что постепенно, ступень за ступенью раскрывается в «Тайноведении».

Дорогие друзья, теперь мы еще раз возвратимся назад к тем праобразам, которые мы рассматривали ранее, и я хотел бы здесь изобразить на доске несколько крупнее амнион и желточный мешок. Мне могут возразить, что во многих учебниках формы этих органов представлены несколько иначе. Да, это так, но я изображаю их именно в таком виде не потому, что мне об этом не известно, а потому, что при фиксации таких объектов их форма искажается и может предстать в совершенно ином виде. Теперь же вернемся вновь к тому моменту в Писании, где Бог произносит

слова: «Сотворим человека». Что же за этим стоит? Представим себе ту форму примитивного узла, о которой мы говорили. Эту формацию мы воспримем здесь как нижнюю стенку амниона. Примерно здесь образуется примитивная ямка, которая называется также бластотор (Blastotorus). Эта примитивная ямка теперь прорывается и, продолжая развиваться, становится неким стержнем. Это — примитивный отросток или, как его еще называют, примитивная полоска (Primitivstreifen). Снизу образуется также некоторое утолщение. И эта примитивная полоска, вышедшая из ямки, теперь делается полой, становясь трубкой. Но не думайте, что она действительно представляет собой трубу; просто внешняя субстанция становится немного плотнее, чем внутренняя. Так что, по сути, мы имеем здесь следующее: в полости между амнионом и желточным мешком растет, так сказать, некий палец. Это «Я», это I⁰. Им определяется человеческая форма. Поскольку здесь возникнет голова (я изобразю это так, поскольку ее еще в целом нет), здесь — спина, здесь — живот. Человек, как праобраз, формируется исключительно благодаря этой фигуре. И если вы теперь спросите: что же это такое? — то, опять-таки, существует не один ответ, а несколько, поскольку происходящее здесь представляет собой процесс не односложный, он включает в себя очень и очень многое. Если вы до конца дочитаете первую главу Бытия, а затем наберетесь терпения и начнете вторую, то наткнетесь на нечто такое, что для священника, а тем более для теолога, прозвучит просто убийственно. Там стоит следующее: «Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал ... Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо. И всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла» [Быт. 2, 1-5]. То есть, в начале Бог создал все растения, а потом вдруг оказывается, что деревья и травы еще не росли.

Видите, точно также обстоит дело с теми вещами, о которых мы говорим. Я стираю сейчас те рисунки, которые мы рассматривали ранее. И теперь, проникая немного глубже, можно сказать:

ведь перед нами прачеловек, в том виде, как он предстанет перед нами позднее. Это Адам, это Ева. Лишь вместе, вдвоем, они составляют целого человека, в котором они еще не отделены друг от друга. Поэтому-то я всегда был против того, что в сегодняшней эмбриологии обозначается уже как эктодерма и энтодерма. Смотрите, ведь то, что можно назвать праначалом человека, возникает только тогда, когда примитивная ямка расширяется до примитивного канала, и из этого примитивного канала образуется хордовый канал (хордовый канал представляет собой ни что иное, как зачаток позвоночника, то есть то, что после рождения дает нам выпрямляющую силу). Таким образом, все это означает, что в тот момент, когда между Адамом и Евой, между аллантоисом и желточным мешком рождается нечто третье (я не настаиваю, чтобы оно называлось Каином), — с этого момента в этой двойственности впервые начинает проявляться *тройственность*. И эта тройственность указывает на то, что мы со временем назовем: *эктодерма, энтодерма и мезодерма*.

Теперь, если мы говорим об Адаме и Еве, то естественно, возникает вопрос: «А где же тогда Авель?» Само собой разумеется, если Писание верно, то вы правы, и Авель уже здесь. Он представляет собой то, чье дыхание воспринимается сверху, — то, что делает возможным вмешательство божественных сил (вспомните, что я говорил вам ранее). Они присоединяют его к Солнцу. Его убивают только внизу, а вверху он начинает жить. Так на это можно взглянуть. Но можно взглянуть и совершенно по-другому. Ведь вы знаете, что первое творение сменяется вторым, что в этом втором творении речь идет о рае, и что в этом рае имеется четыре реки, четыре потока. Если вы теперь будете изучать развитие кровеносной системы в эмбрионе, вы снова обнаружите четыре потока, а именно: поток, идущий от хориона, поток, идущий от желточного мешка, затем вы обнаружите все потоки, которые огибают амнион, и затем — первые зачатки непосредственно эмбрионального потока. Почитайте как-нибудь обо всем этом. Ведь было бы просто замечательно однажды прочувствовать эти вещи. «Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтека-

ет всю землю Хавила, ту, где золото» [Быт. 2, 10-11]. Это как раз тот свет, который еще совершенно не дифференцирован, которому еще только предстоит стать кровью, растением, животным, человеком. «И золото той земли хорошее; там бдолах (Bedellion) и камень онукс. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю мавританскую землю (Mohrenland). Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассирией. Четвертая река Евфрат» [Быт. 2, 12-14]¹¹. И продолжается, дорогие мои друзья, точно так же. Нужно только понять теперь все это на языке образов, имагинаций. Каждый раз эти образы можно интерпретировать заново, ведь это все только намеки; я просто выделяю сейчас то, что мне хотелось бы вам представить. И я представляю вам это, поскольку чувствую, что это может и должно стать отправной точкой для дальнейшего развития темы нашего семинара.

Не правда ли, мы постоянно говорим о трехчленности человека. Но при этом мы, на мой взгляд, недостаточно ясно осознаем, что эта трехчленность (в том виде, как мы ее представляем) имеется только у уже рожденного человека. А как же в этом смысле обстоит дело у эмбриона? Что получится, если мы взглянем на эмбрион и зададимся вопросом: где же его трехчленность? Ведь здесь мы не сможем сказать, что тут — голова, тут — ритмическая система, а тут — система конечностей. Это совершенно невозможно, и это было полностью неверно. Если мы действитель-

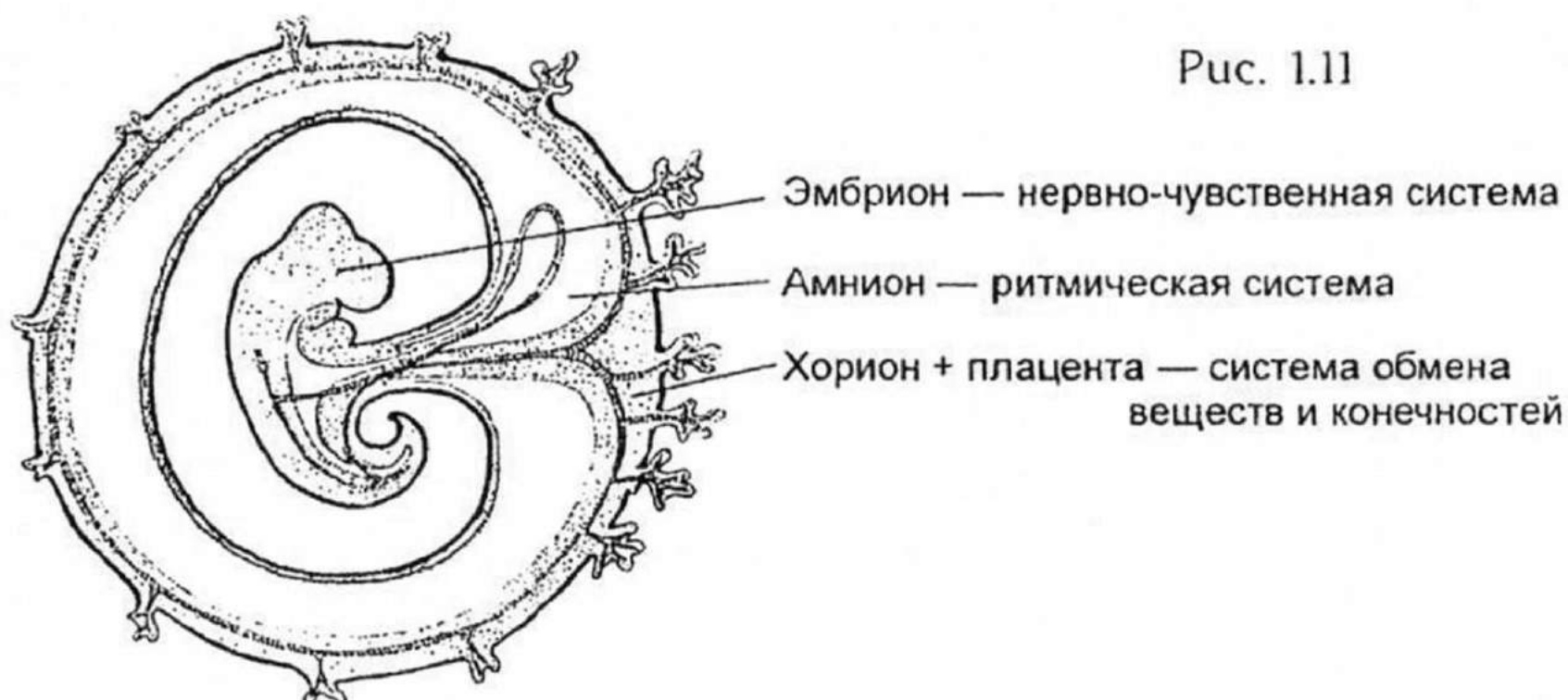

Рис. 1.11

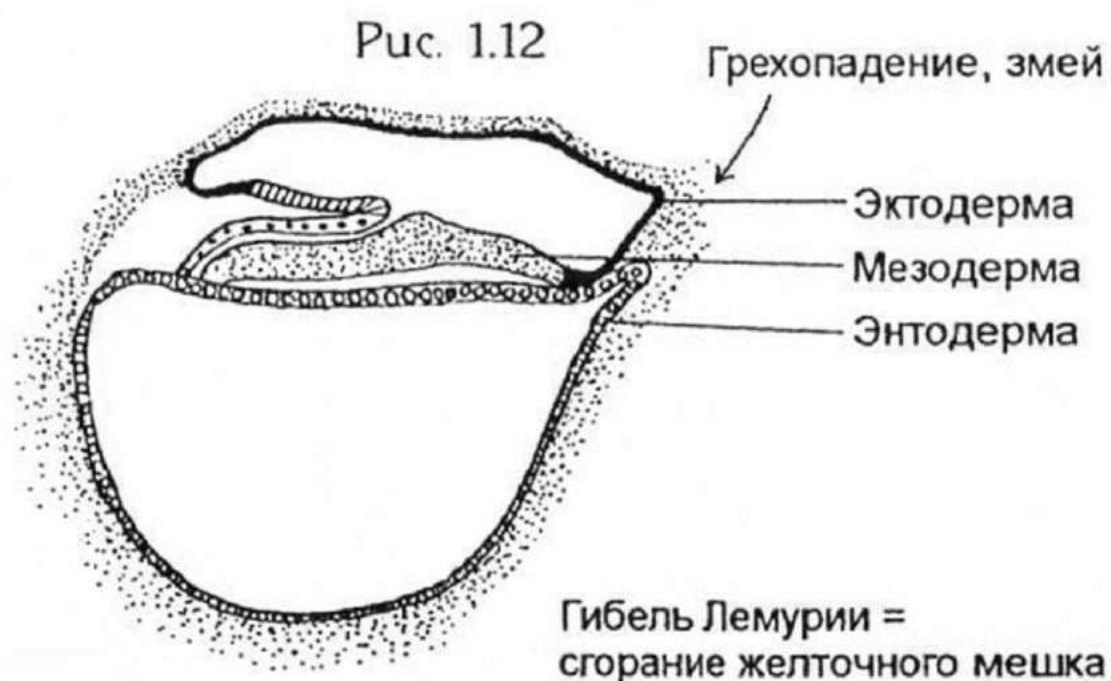
сердце — ритмическая система (сердце, легкие)

но зададимся целью получить картину эмбриона (забудьте сейчас пока все, о чем мы говорили, и просто возьмите эмбрион в конце седьмой или восьмой недели), то, прежде всего, мы увидим, как мощно раскрылся амнион. Здесь уже возникла плацента, а хорион остался голым, поскольку все теперь стягивается сюда. Отсюда же возникает пуповина, которая врастает в эмбрион, а сам эмбрион находится теперь внутри. Начинают развиваться конечности, большая голова, громадный нарост сердца, возникла печень, кровеносные сосуды, — все более или менее присутствует. А вокруг все это окружено амнионом и амнионовой жидкостью. Если мы рассмотрим это таким образом и еще раз поставим вопрос о трехчленности эмбриона, тогда мы увидим: сам эмбрион, как форма, соответствует нервно-чувственной системе, вокруг этой системы, как сердце, пульсирует амнион. Перед нами теперь не просто среда, находящаяся в покое; эта среда уже сплошь подвижная, пульсирующая, постоянно обновляющаяся, и теперь ее можно назвать дышащей, пульсирующей организацией сердца и легких. Так что амнион теперь снова становится чем-то новым — он становится ритмической системой. А хорион и плацента, по сути, представляют собой систему обмена веществ и конечностей. Почему я это говорю? Опять же, для того, чтобы показать, что в эмбриологии царят те же законы «трехчленности»; просто здесь эти закономерности должны быть рассмотрены по-другому.

Представьте себе, что ваша голова с закрытыми еще органами восприятия, с совершенно иначе функционирующими нервными органами немного опустилась, так что грудная организация расширилась, начала пульсировать вокруг головы, а вокруг стала действовать питающая отцовская сила обмена веществ и моторики. И вы можете непосредственно испытать, что тут должно царить совершенно другое сознание, нежели то, которое мы имеем в своем обычном бодрствующем состоянии. Видите, здесь внутри не только темно, но и нет воздуха для дыхания, и нельзя пить и есть. Только после рождения свет разбудит нервно-чувственную систему, и благодаря наличию воздуха и земных веществ ритмическая система и система обмена веществ вместе с системой конечностей станут тем, чем они являются для новорожденного. Из

Хорион - плацента - обмен веществ, конечности

света, воздуха и земли развиваются, соответственно, верхняя, средняя и нижняя организации. Видите, только начиная с этого момента становится ясно, что основой нервно-чувственной системы является эктодерма (эпибласт), ритмической системы — мезодерма, а системы обмена веществ и конечностей — энтодерма. Как известно, эктодерма в основном концентрируется в головной организации, в то время как энтодерма и мезодерма соединяются друг с другом.

Вернемся теперь снова назад к картине: амнион, желточный мешок и то, что мы теперь знаем как желточный канал (и который можно было бы назвать Каином). С этого момента в круг нашего рассмотрения попадает следующее: начинает утолщаться нижняя сторона амниона, начинает утолщаться верхняя сторона желточного мешка, и из примитивного желобка возникает теперь все более и более разветвляющаяся миомерная система, то есть возникают отдельные пра-позвонки. Видите, перед нами теперь эктодерма, энтодерма и мезодерма. И мы можем сказать, что когда между Адамом и Евой появляется Каин, «в Начале»¹² начинает формироваться тот трехчленный человек, который после многих недель эмбрионального бытия благодаря свету, воздуху и земле становится системой головы, груди, обмена веществ и конечностей. Тогда из нижней системы выступает выпрямляющая сила, из средней системы — речь, а из верхней — мышление. Все это начи-

нает происходить именно в этом месте. И если вы меня спросите: в каком же месте начинается свое происхождение Земля? — тогда имеется один единственный ответ: там, где происходит грехопадение. Там становится видимым змий. И там, где образуется «Я», где образуется тот самый «палец», сразу же, в тот же момент, чтобы его скрыть, утаить, возникает нервная система. Тогда же замыкается кишечник. Некоторое время он еще держит желточный мешок. Но затем, когда кишечник замыкается полностью, — что же происходит с желточным мешком, куда он девается? Он сгорает в огненной катастрофе *Лемурии*. И когда все это подходит к концу, и все уже сформировалось: и нервная система, и кишечник, и мезодерма, и позвоночник, когда уже начинает расти печень и закладывается селезенка, когда здесь, за ушами, образуются почки (предпочки), когда извне внедряется сердце, — тогда этот человек повторяет переход к *Атлантиде*, и вся эмбриология, следующая за этой стадией, представляет собой ни что иное, как полное повторение атлантического развития. И когда бьет час родовых схваток, ребенок, словно новый Ноев ковчег во время истечения вод из матери, появляется на свет. Каждый новорожденный, по сути, ковчег, в котором человек в процессе своего становления может собрать себя снова.

Вот так, собственно, все это и следует рассматривать. Я думаю, этим уже задается определенный временной промежуток для того, что мы называем «филогенез» и «онтогенез». Мы видим грехопадение, мы видим гибель Лемурии, мы видим все атлантические периоды и их расы. Но то, что делает Ной, и что происходит во время потопа, по сути, снова осуществляется при каждом рождении. И ребенок, начиная свой рост в древней Индии и являясь поначалу таким же мудрым, как семь Риш¹³, постепенно становится таким же глупым, как и все мы, ставшие уже взрослыми.

Фрагменты дискуссии

Доктор Кёниг:

— Духовный зародыш поначалу не имеет выраженного пола, его физическая форма как бы женско-мужская. Но в тот

момент, когда мы, вступая в жизнь, в соответствии с определенным законом становимся женщиной, мы притягиваем к себе эфирно-мужское, то есть, преимущественно, тепловой и световой эфир. Если же мы вступаем в мир как мужчина, мы притягиваем к себе эфирно-женское, то есть, преимущественно, жизненный и звуковой эфир.

Участник:

— Во время паузы мы кратко коснулись философии. И можно было заметить, что в рассказанном Вами мы постоянно сталкиваемся с новыми шагами разделения и некой поляризации. Например, мы рассматривали, как «твердь», окружая себя хорионом, выделяется из общего, как разделяются небо и земля, свет и тьма. Мне кажется, что нечто похожее имеет место и в философии, когда одна закономерность сменяется противоположной, чтобы в результате обе смогли взаимодействовать по-новому. В связи с этим я хотел спросить: существует ли некий процесс, противоположный процессу мирового развития? Некий возврат, наподобие, допустим, возврата Луны и Солнца на Землю? Ведь параллельно с эволюцией имеет место и инволюция. Можно ли обнаружить нечто подобное в живом мире, в эмбриологическом процессе?

Доктор Кёниг:

— Мне кажется, это интересное дополнение к нашему рассмотрению. Я бы сказал, на это и нельзя взглянуть никак иначе. Ведь все, что мы привнесли в нашем разговоре, — это тоже мысли и идеи, они просто представлены в образах. Но ведь это божественные мысли и идеи. И они присутствуют как раз у философов-идеалистов. Вспомните Гегеля или Шеллинга, вспомните гегелевские понятия тезы, антитезы и синтеза — там уже все это есть. Да, естественно, инволюция осуществляется постоянно. И здесь, в эмбриологических процессах, она также имеет место. Ведь что-то одно может сфор-

мироваться лишь тогда, когда отступает что-то другое. Например, аллантоис — это, так сказать, инциатор крепления (Haftstils), если выразиться абстрактно. Он является также естественным пробразом всего животного становления. Но он ведь исчезает. Пупочный пузырек, вокруг которого образуется мощная система собственного кровообращения, исчезает, полностью растворяется. За счет этого, однако, расширяется амнион, который обволакивает целиком весь эмбрион и становится, так сказать, его сердцем, поскольку он пульсирует, он проглатывается, входит в организм матери, формируясь заново. И это — постоянный приход и уход, где с рождением ребенка приходит конец этого процесса. Только животные так умны, что съедают собственные оболочки. Человек этого не делает, поскольку он из них выходит. И это происходит непрерывно. Образования закладываются, изменяются, расформируются. Посмотрите, например, как образуется система кровеносных сосудов. Вначале она выглядит как лира, здесь так много кровяных сосудов, одинаково располагающихся по правую и по левую сторону; затем все они соединяются на одной стороне. И формируется только другая сторона — система становится асимметричной. Так продолжается непрерывно: кровяные сосуды появляются и исчезают. Это необычайно отвратительно, неэкономично, это транжирство строительных материалов и идей, но только благодаря этому что-то получается.

Участник:

— В самом начале Вы сказали, что геккелевская идея о связи филогенеза с онтогенезом после более глубокого изучения эмбрионального развития была признана ошибочной. Однако мы видели, что в результате деления клеток образуется морула, что весь этот отрезок развития называется бластогенезом, и потом мы говорили об эн-

тодерме и эктодерме. Не указывает ли это, таким образом, на то, что должна возникнуть и гастрюла?

Доктор Кёниг:

— Она, однако, не возникает. Все это на редкость странно, конечно. Но говорить о повторении филогенеза, в общем, сложно. Сейчас ведутся разговоры лишь о сравнительной анатомии. Но это уже нечто совсем другое. То, что и энтодерма, и эктодерма, и некоторые другие образования в одинаковой форме присутствуют и у человеческих, и у животных эмбрионов — это еще не филогенетическое объяснение, это просто значит, что имеется одинаковая субстанция, одинаковая форма и одинаковая структура. А вот почему? — этого мы не знаем.

Участник:

— Я хотел бы внести краткое дополнение к разговору о математической феноменологии числа 17. Известно, что правильный треугольник, четырехугольник и шестиугольник можно построить с помощью циркуля и линейки. А затем, странным образом, этот ряд продолжается только семнадцатиугольником. Получается ряд чисел, определяемый формулой $2^n + 1$, причем числа должны быть только простые: 3, 5, 17, 257.

Доктор Кёниг:

— Не правда ли, отсюда вытекает еще кое-что. $17 = 3 + 2 \times 7$, и $17 = 5 + 12$. Здесь в первом случае мы имеем пространственный аспект, связанный с человеком, а во втором случае — временной аспект. Тут уже начинает кое-что проглядываться.

Участник:

— Сегодня существуют вещества, которые в состоянии препятствовать созреванию яйцеклетки. Однако, что же при этом происходит? Таким образом ведь стирает-

ся память (*Rück-erinnern*). Возникает вопрос: как это влияет на тело и на человека?

Доктор Кёниг:

— Ну, не думаю, что в данный момент я способен сказать об этом нечто существенное. Но, полагаю, из-за действия этих противозачаточных веществ «упражнения в духовоспоминании», о которых говорил доктор Вернер, становятся невозможными, и эта формулировка может послужить отправным пунктом для дальнейшего поиска. Ведь это касается нас всех, так что мы непременно должны понять: что произойдет, если прервать эволюцию яйца из первичного фолликула в граафский (везикулярный) фолликул? И что произойдет, если эволюция будет осуществляться так, как это имеет место сегодня, когда пятимесячных (*Fünflinge*), семимесячных (*Siebenlinge*) «выбрасывают», и они больше не рождаются? Все это вопросы, перед которыми мы стоим сегодня.

Участник:

— *Вследствие стирания памяти в физическом, достигается цель Аримана¹⁴. Доктор Штайнер говорил об этом в своей пасхальной имагинации, что Ариман привязывает человека к Земле. Вследствие этого он оказывается отрезанным. Не только в сознании, но и в земном.*

Доктор Кёниг:

— Да, это очень существенное дополнение. Благодаря подобным вещам происходят гораздо более глубокие воздействия, чем мы полагаем.

Эмбриология и Возникновение мира

Часть II

**Семинар, состоявшийся
12 и 13 марта 1966 года.**

Karl König
Embryologie und Weltentstehung
Wochenendseminar 12 und 13 März

Король К. - формирующие
необходимые условия
история ато - история зарождения
история ато - история зарождения
с. А. А. А. А.

Первый доклад

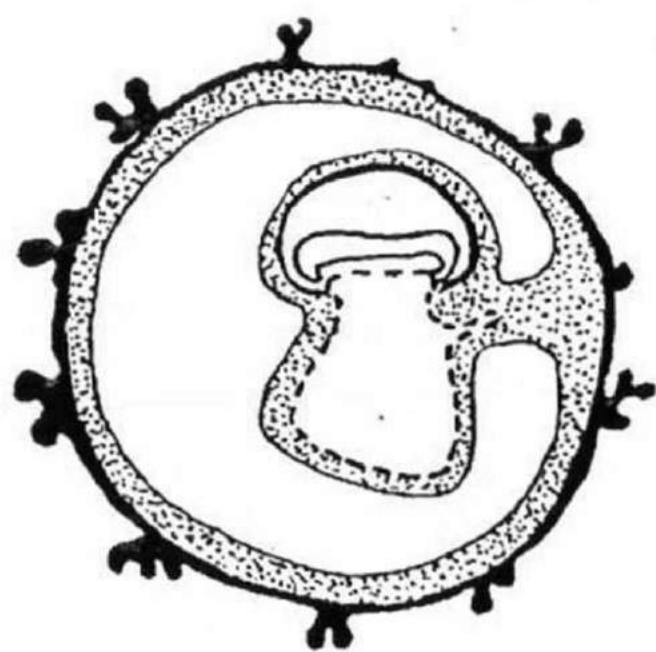
Я

Дорогие друзья!

очень рад, что мы теперь имеем возможность продолжить курс, начатый нами ранее. Ведь то, что я пытался представить до этого, является лишь первым этапом уникального процесса, связанного с рождением человека. Этот процесс можно было бы сравнить с некой великой драмой, состоящей из четырех актов; и то, что мы рассматривали ранее, является лишь первым актом этой драмы. Но теперь я хочу вместе с вами проработать то, что представляет собой как раз второй акт. Впрочем, если мы затронем также и третий акт, и даже четвертый, нам все равно не удастся рассмотреть все нюансы, необходимые для полного представления об эмбриональном развитии.

Итак, первый акт, как вы помните, связан с формированием эмбриональных оболочек. Но эти оболочки еще ничего не говорят о самом эмбрионе, они лишь формируют окружение, в котором последний может жить и развиваться. И это ведь вообще общий закон развития, когда вначале возникает окружение, и лишь затем благодаря ему формируется центральное, но никак не наоборот. Я хотел бы это подчеркнуть особо, поскольку люди сегодня об этом постоянно забывают, считая, что они формируют себя сами. Однако это величайшая глупость, ведь не мы формируем себя, а окружение — нас. И если вы думаете, что эмбриональные оболочки — единственное, что нас окружает, то вы ошибаетесь. Потому что в момент рождения ребенок, покидая одни оболочки, сразу же оказывается погруженным в другие: в оболочки социального бытия. Это семья, родственники, народ, это все человечество. Он должен во все это погрузиться, чтобы стать человеком. И первый акт эмбриологии как раз говорит нам: «О, человек, взгляни на свое

окружение и попытайся понять, что именно ему ты обязан своим появлением!» Подумайте, ведь это просто чудо, что эмбрион человека вовсе не возникает с самого начала, как это происходит у большинства животных. Животные как будто были слишком поспешны, и из-за этой своей поспешности оказались теперь несовершенными и чрезмерно специализированно вписанными в мир. Человек же хочет подготовить себя для дальнейшего, для будущего. И теперь из этого оболочечного организма рождается нечто новое — наступает второй акт.

Entocyst

Амнион
(Ева)

Желточный мешок
(Адам)

Крепёж

Рис. 2.1

Можно видеть, что зародышевые листки являются первичной фиксацией эмбриональной субстанции; вместе с ними начинает формироваться человеческое тело. Тут еще далеко до образования отдельных органов. Зародышевые листки являются общими строителями, из которых затем сформируются специальные органы. И лишь потом из этого первичного образования возникает крошечная, едва заметная форма, окруженная оболочечным аппаратом. Об этом мы уже говорили ранее, и теперь лишь вкратце повторим.

Приблизительно к концу второй недели, то есть на четырнадцатый или пятнадцатый день, возникает некая форма, которую схематически можно изобразить так (рис. 2.1): здесь окружность хориона, здесь мы видим ворсинки, размещенные в маточной ткани матери, а здесь внутри — инкубационное пространство (Brutraum). Это пространство полностью занято мезенхимной субстанцией, представляющей собой, по сути, ту первичную субстанцию, из

которой возникает все остальное. А здесь, внутри — Entocyst, в котором можно отчетливо различить два пузырька: верхний — амнион, и нижний, более плотный — желточный мешок. Таким образом, перед нами — внешняя оболочка, которую мы можем назвать небом, и Entocyst — земля (земной человек). Все это обособилось друг от друга настолько, что верхнее и нижнее являются теперь отдельными. Если вы будете погружаться в этот образ снова и снова, если вы сделаете его, так сказать, материалом для медитативного, имагинативного мышления, то вы проникнете в

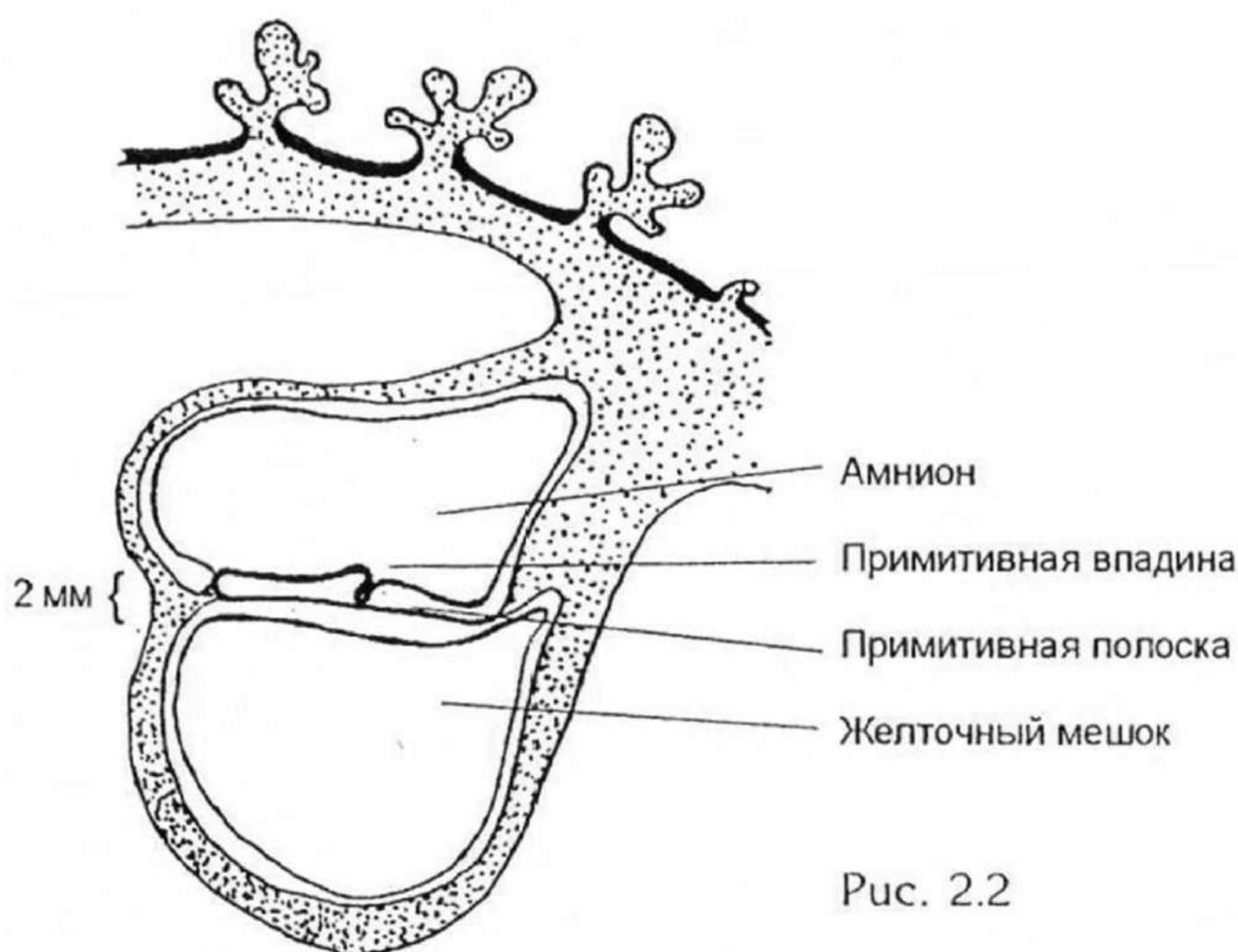
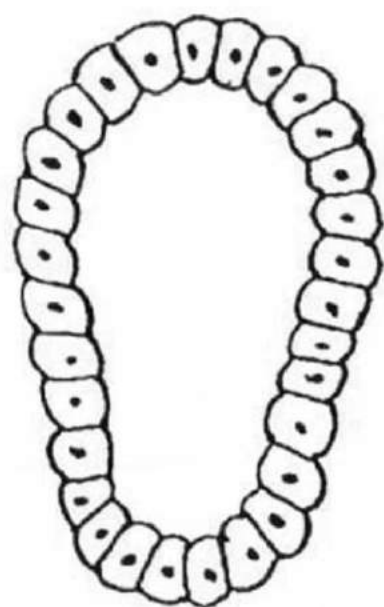

Рис. 2.2

становление мира. И то, что обоих держит вместе, — это еще вовсе не пупочный шнур, это то, что обозначается как крепёж (Haftstiel), соединяющий небо и землю.

Вернемся вновь к амниону и желточному мешку (Рис. 2.2). Теперь мы уже на шестнадцатом-девятнадцатом дне эмбрионального развития, и промежуток между ними составляет приблизительно 2 мм. Затем здесь возникает так называемая примитивная ямка, из которой развивается примитивная полоска, тянущаяся между амнионом и желточным мешком. И как раз здесь, как я уже говорил,

возникает зародыш. Можно сказать, именно здесь в своей первой форме закладывается человек. И прекраснейшей имагинацией того, что здесь происходит, является картина Микеланджело, на которой палец Бога касается Адама, — этот жест символизирует человеческое становление. Человек, так сказать, совершает свой первый жест на эмбриональной стадии — образуется «i»-форма. И если мы теперь внимательно взглядем в амнион, мы обнаружим то образование, ту форму, которая называется эмбриональным щитом (Embriionalschild). И хотя поначалу эта форма выглядит как простая полоска, в ней уже заложен праобраз человека, поскольку после того, как она станет толще, из нее образуется тот ствол

Примитивная полоска становится дорзальной хордой, образуя трубу («железный жезл»)

Рис. 2.3

(Chorda dorsalis), вокруг которого в дальнейшем будет заложен первичный позвонок. При этом примитивная ямка преобразуется затем в трубку, то есть в полую палочку (Рис. 2.3).

Если перейти на язык образов, это — жезл Моисея, который превращается в змею, когда тот грозит фараону, и который выбивает из скалы воду; это тот стержень, благодаря которому мы остаемся людьми, и который дает нам возможность сказать себе «я».

В тот момент, когда человек совершает грехопадение и берет на себя ответственность за это, завершается первый акт драмы человеческого развития. Теперь, в лемурийский период, мы подходим ко всему тому (и сейчас я возвращаюсь в более ранние времена земной истории), что осуществляется в связи с грехопадением.

Лемурийский континент гибнет в огне, и человек вновь появляется в *Атлантиде*. История зародышевых листков — это второй акт, это история перехода от Лемурии к Атлантиде. Таковы исторические параллели. А теперь попытаемся понять, что же представляют собой зародышевые листки.

Узнать о том, когда появилось это название, не так-то легко, — история эмбриологии об этом умалчивает. Я склоняюсь к тому, что это выражение, вероятно, обязано своему появлению Эрнсту Геккелю, который в своей *Gastraea*-теории попытался представить, как в земной истории были образованы эти зародышевые листки. Я сразу же хочу отметить, что, как и все теории, *Gastraea*-теория имеет сегодня как приверженцев, так и противников. Она представляет собой ни что иное, как просто гипотезу, выражение тех представлений, которые были в ходу в XIX столетии. В этой теории Геккель предпринимает попытку разобрать вопрос, который для него является основным (и который, кстати, остается актуальным и сейчас), а именно: вопрос о том, каким образом в развитии мира из одноклеточных организмов возникли многоклеточные. И он приходит к идее, что различные клетки — так же, как, например, животные-растения (*Cölienteraten*) — объединяются в клеточное состояние, образуя, таким образом, единый клеточный слой. Как раз этот переход, на его взгляд, и ведет к образованию гастролы.

Итак, у нас уже имеются два зародышевых листка, а именно: снаружи в качестве основы — эктодерма, и внутри в качестве первичной кишки — энтодерма. В дальнейшем они развиваются в примитивную первичную кишку и телесное покрытие (*Körperbedeckung*). Этим характеризуются оба основных зародышевых листка. У человека они развиваются однако совершенно иначе. И здесь я должен сказать кое-что очень важное. Дело в том, что оболочки, формирующиеся на первом этапе эмбрионального развития, имеют место только у высших животных; тогда как у животных-растений и у беспозвоночных они образуются иначе и имеют совершенно другую форму. Но зародышевые листки проходят через все животное царство и царство человека. (Рис. 2.4).

Впрочем, помимо одноклеточных (которых ведь, по сути, нельзя назвать животными; это нечто вторичное, формы жизни, возникшие в земном развитии значительно позже, путем распада), некоторые животные также не имеют эктодермы и энтодермы. У них есть нечто внешнее, покрывающее, охватывающее. Но это не оболочка, а скорее кожа, телесное покрытие, — то, что замыкает. Замкнутое же развивает внутри некую основу, нечто внутреннее, и в месте перехода эктодермы к энтодерме возникают клетки, в которых это внешнее и внутреннее встречаются, и из этой полярности образуется нечто новое. Здесь образуется третий зароды-

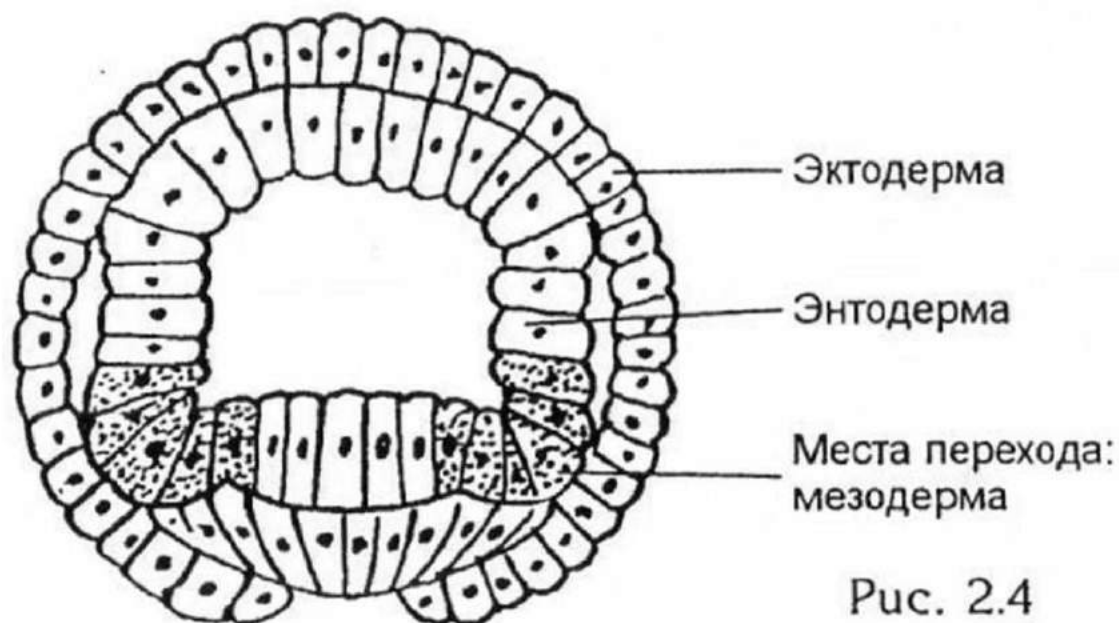

Рис. 2.4

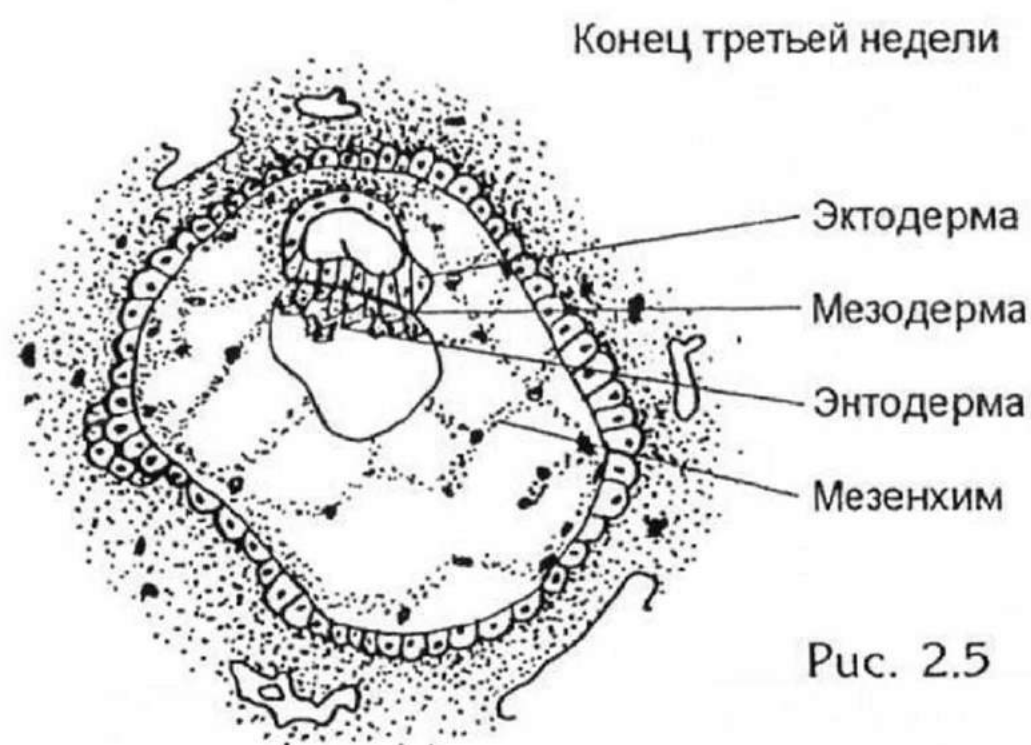
шевый листок — мезодерма. Это три зародышевых листка, наличие которых свойственно большинству животных, и я сказал бы даже, всем животным, в том числе и растениям-животным. Мезодерма — это, так сказать, дитя, образующееся из соединения эктодермы с энтодермой. Если пользоваться языком современной зоологии и психологии, я сказал бы, что это эrogenные зоны, из которых формируется мезодерма. Эту точку зрения сегодняшней эмбриологии и зоологии можно отнести, конечно, только к животным. Но ведь точно также можно описывать и все живое. Однако у человека все это происходит не так, и у многих высших животных это происходит не таким примитивным образом, как это повсюду описывается в учебниках по эмбриологии и зоологии. Конечно, если придерживаться воззрения, что вначале появились низшие животные, то на примере рыб и рептилий можно проще всего

увидеть, как это происходит. Но чтобы понять, что происходит в действительности, нужно сделать следующий шаг.

Если вы вспомните лекции Рудольфа Штайнера, прочитанные им в декабре 1923 года, где он говорил об эфесских (ephesischen) мистериях и где описывал Землю до грехопадения, то там это представлялось примерно так: земной мир был еще полностью атмосферным, он был окружен некой плотной субстанцией, которую мы могли бы описать словом «молоко» или «белок». И эту субстанцию словно дождем орошали капельки кремния. Именно в этот момент появилась первая зелень; все начинало зеленеть, затем зелень исчезала, затем снова возникала и снова исчезала. Это было первое появление растительного мира. И если вы хотите получить истинный образ амниона, вы должны представить себе это кремне-зеленеющее бытие. Тогда формировались, однако, и кальциевые субстанции. Слово дождь, кальций вторгнулся в эту молочно-белковую атмосферу, конденсируя ее и образуя первые, так сказать, комки животных. Если теперь то, что мы сейчас описали, взять не просто как материал для рассмотрения, а как знание о том, что был мир, и мир был — человек, и человек был — мир, тогда вы увидите, как из этого состояния развилась примитивная полоска, которую мы назвали зародышем.

Теперь на нижней стороне амниона образуется утолщение. На верхней стороне желточного мешка также образуется утолщение. И в момент, когда этот процесс уже завершен, мы подходим к концу третьей недели эмбрионального развития. В этот момент в первый раз позволительно говорить об энтодерме в человеческом эмбрионе, — это верхняя сторона желточного мешка, и об эктодерме — а это нижняя сторона амниона. Этим мы впервые указали на то, что в человеческом эмбрионе возникает как эктодерма и энтодерма. Таким образом, это нечто совсем иное, нежели то, что происходит в гастрале. Гастрала — лишь отображение этого. Здесь из, так сказать, зеленеющего растительноподобного формируется нечто внешнее, и из желточного мешка, утолщаясь, уплотняясь кверху, формируется энтодерма, и в ней образуется мезодерма. А мезодерма представляет собой все то, что образуется в связи с хордой. Теперь у нас есть эктодерма, энтодерма и мезодер-

ма, а здесь (см. рис. 2.4-2.5) у нас мезенхима¹, то есть все то, что образуется в пределах хориона. И с этого момента у нас теперь в наличии четыре зародышевых листка. Кроме того, у нас есть мезофил (Mesophyl) — то, что присутствовало в качестве субстанции с самого начала формирования эмбриона. Но мезофил — это общее. Из этого общего в виде слабых контуров возникают формы, оболочки. И лишь после того, как эти формы найдены, из мезофила, так сказать, зачаточно, — все это еще текуче, не

дифференцировано, — возникает *кровь*: белая, красная, общая кровь, кровяные сосуды, кровообращение. Это зачаточная жизнь. И в нас остается еще многое от этой зачаточной жизни. То, что в нас, например, образуется как кровообращение, как кровь в костном мозгу, то, что мы носим в себе в качестве промежуточной субстанции, — все это еще формирующийся мезенхим. Если образуется рана, мезенхим, представленный миллионами своих составляющих, устремляется туда, поскольку он еще владеет первичными силами. Он владеет этими силами как раз потому, что он остался всеобщим, не специализированным. В самом начале, когда образуется мезофил, возникают амнион, желточный мешок, примитивная ямка и примитивная полоска. И то, что эмбриологи преждевременно называют зародышевым листком, представляет собой не зародышевый листок, а еще не специализированный мезофил, несущий в себе весь потенциал становления до того момента, пока не все-

лится «Я». В этот момент в определенном месте возникают эктодерма, энтодерма, мезодерма, и остается сам мезофил — как мать, родившая трех младенцев. Что же получается из этих первичных организаторов, что получается из эктодермы, энтодермы и мезодермы? Из эктодермы образуется кожа, но она становится также большей частью органов чувств и, следовательно, всей нервной системы. Таким образом, мы можем сказать, что из эктодермы возникает телесное покрытие, чувственная организация и вся нервная организация человека. Это делает Ева. Из энтодермы возникает все, что связано с пищеварением; я не говорю «с обменом веществ». Все, что связано с пищеварением, от рта до анального отверстия, весь кишечник — все это образуется из энтодермы. Рот, небо, пищевод, желудок, кишечник и задний проход. Сюда же относятся различные пищеварительные железы, такие, например, как поджелудочная железа, также печень и — нечто совершенно особое — легкие. Таким образом, вы выберете ложный путь, если будете полагать, что из энтодермы образуется нижняя система трехчленного человека, а именно, система обмена веществ. Этим мы бы все слишком упростили, что непозволительно. Мезодерма формирует, так сказать, все, что остается. Из мезодермы образуется вся костная и мышечная система, все связки, суставы, кровяные сосуды. Но из мезодермы возникает также весь почечный аппарат, весь сексуальный аппарат. Только представьте себе, какую важную миссию выполняет мезодерма! Теперь остается мезофил, который, так сказать, формирует заново все то, что в нас циркулирует: лимфу и кровь. Мезофил отвечает за возникновение лимфы и возникновение крови. Правда, еще не совсем установлено, мезодерма или мезофил образует лимфу и лимфатические узлы. Да, это для меня большой вопрос: не может ли вообще все возникнуть из мезофила? Только представьте себе: у нас теперь здесь один плюс три зачаточных листка. Эктодерма, энтодерма и мезодерма — это, так сказать, синоптические² зародышевые листки. И затем остается нечто общее, и это мезофил, и он соответствовал бы в Евангелии от Иоанна — не непосредственно, но примерно — тому, что указывает на происхождение Слова.

Теперь подумайте о том, что в человеке заложена предпосылка стать трехчленным существом. То, что лишь в наше время впервые сформулировано Рудольфом Штайнером, является великой тайной развития человечества. Раньше этого не замечали; разве что рассматривали лишь мифологически. Но ведь то, что человек состоит из нервно-чувственной системы, ритмической системы и системы обмена веществ или системы конечностей — это ведь величайшая научная формулировка не только нашего столетия, это относится ко всем временам. И теперь, в связи с рассмотренным выше, мы можем сказать: чувственно-нервная система без сомнения образуется из эктодермы. Эктодерма — это, так сказать, великий организатор формирования кожи, органов чувств и нервов. Система обмена веществ происходит, однако, не из энтодермы, а из некоего энто-мезодермального. А ритмическая система, состоящая из кровяных сосудов, вен и легких, возникает из мезо-энтодермального. Это мы должны запомнить; мы должны избегать упрощений, полагая, что здесь у нас трехчленность, а здесь — три трансформации. Это как раз неверно, поскольку эти три зародышевых пласта указывают еще и на нечто такое, что, так сказать, было божественным замыслом, когда боги только начинали творение. Тогда еще подразумевался точно разграниченный трехчленный образ человека. Этот замысел был одновременно и творением, поскольку был пронизан волей. И творение было замыслом, поскольку было пронизано светом божественной мысли. Но это изменилось; изменилось из-за грехопадения, в результате которого произошло формирование энто-мезодермального и мезо-энтодермального. Благодаря этому возникло четкое подразделение на чувственно-нервно-головную организацию, с одной стороны, и телесную организацию — с другой стороны. Если на эти вещи не обращать внимания, если из этих перераспределений не суметь вывести того, что когда-то имело место, невозможно прийти к ясному пониманию облика земного существа. Мы ведь не только трехчленные существа, мы также и двухчленные. Мы являемся двухчленными потому, что у нас, действительно, есть голова, и эта голова представляет собой ни что иное, как законченную метаморфозу всей телесной организации. Все, что у нас здесь внутри, в голове,

сконцентрировано, закрыто, округлено, — все это мы же и сформировали и вложили в эту двойственность. И в эту двойственность вдвигается трехчленность, вследствие чего и образуется возможность для того, чтоб мезо-энтодерма стала носителем воли, энто-мезодерма — носителем чувствования, а эктодерма — носителем мышления. Таково становление человека.

Дорогие друзья, если бы сегодня был основан университет, представляющий нашу точку зрения, — а возможно, наш семинар и послужит импульсом для его возникновения, — то в этом университете эмбриология должна стать основным предметом для общего рассмотрения человека. Оно должно тогда, конечно, осуществляться не кастовыми эмбриологами, а должно опираться на то, что представляет собой сам эмбрион, поскольку он тоже знает, о чем здесь идет речь, — о той замечательной тройственности.

Мышление	Чувственно-нервная система	Орел	Эктодерма
Чувство	Ритмическая система	Лев	Мезо-энтодерма
Воля	Система обмена веществ	Телец	Энто-мезодерма

Рис. 2.6

Теперь, после того, как мы со всем этим познакомились (а это действительно не больше, чем первое знакомство), мы можем спросить, что же все-таки представляют собой зародышевые листки? Ведь это просто потрясает, что всеобщее оупение охватило именно специалистов, которые полагают, что эктодерма возникает путем размножения клеток. И поскольку эти клетки размножаются, они должны объединяться и образовывать выемку, из которой получается нервная труба (Neuralrohr). Это значит, что вначале клетки решили размножиться, а затем из образовавшегося нароста сделать выемку. А затем из выемки каким-то образом получается труба. И внезапно все это — никто не знает как! — начинает мыслить. Это как раз то, что в общем виде

представляет нам сегодня наука. Скажешь что-то другое — и ты уже романтик. Но все-таки, представьте себе: в эмбрионе, на третьей неделе развития, закладываются зачатки организаторов, из которых образуются чувственно-нервная система, кожа, кишечник, железы, легкие, кости, мышцы, нервы, кровь.

Взгляните, дорогие друзья, на эту таблицу (Рис 2.6). Как вы думаете, что это такое? Ну что иное, как то, что представляли собой четыре пра-организатора формирования всего человека. Видите, египтяне это тоже знали и даже изобразили. Эти образы — Орел, Лев и Телец, олицетворявшие принципы формирования четырех праобразов человека, — были объединены в Сфинксе. А Сфинкс — это просто возвышенный образ четырех зародышевых листков, поскольку лик, проглядывающий через него, — это лик человека. Тут стекаются с небес, излучаются, формируют и образуют силы Орла, из которых получаются кожа, перья, чешуя, но также и органы чувств, глаза и уши, нервная система. Все это в нас — Орел. С противоположной стороны действуют силы Тельца. Из них получается все, что является пищеварением. Они становятся кишкой, печенью, но также и легкими, поскольку легкие восходят, собственно, к животному виду и занимают его ритмическую систему, поскольку Земля стала слишком твердой. Затем ритмически, формообразующе действует Лев: кости, мышцы, система крови. Но он же несет в себе и то, что продолжает жизнь: сексуальную систему. Как все это выглядит в деталях, мы будем говорить дальше.

Обсуждение

Участник:

— *Что же во всем этом процессе, который мы рассматривали, представляет собой наследственность?*

Доктор Кёниг:

— Слово «наследственность» до сих пор мы еще не упоминали. Но было бы сущим вздором просто заявить, что наследственности нет. Мы точно знаем, что наслед-

ственность существует; но вопрос в том, где она действует, и имеет ли она вообще какое-либо отношение к молекулярной спирали, так гениально найденной в составе хромосом? Ведь это уже предубеждение, если мы говорим, что тайна наследственности заключена в ядре клетки, и мы эту тайну уже почти раскрыли, поскольку раскрыли сами эти связи. Я думаю, что лишь отделив наследственность как явление от того, что действует в пределах хромосом, можно прийти к какому-то реальному представлению о происходящем. И чтобы понять это лучше, мы должны вспомнить следующее. В экспериментальной эмбриологии последних сорока лет было раскрыто, на мой взгляд, нечто чрезвычайно существенное и важное. В момент, когда две ткани или субстанции, содержащие эмбриона, соприкасаются друг с другом, они начинают воздействовать друг на друга, и таким образом из эктодермы возникает, так сказать, становящееся лицо. Если глазной бокал изнутри задевает внешнюю стенку, то это действует непосредственно так, что эктодерма вдавливается, закрывается и образует железу, как бы заглядывая в этот глазной бокал. Видите, это только один пример, который неотвратно повторяется на всех местах эмбриона. Вы можете произвести все возможное, что-либо имплантируя в определенные места, в определенные части, в определенные центры. Вы можете срастить нерв и руку, просто присоединив руку к нерву, или же, произвольно меняя местоположение почек руки (Armknospe) или ноги, сделать так, что на месте руки будет нога. Если, однако, процесс зашел так далеко, что рука уже образовалась, тогда этот нерв, отвечающий за движение ноги, будет приводить в движение руку так, будто она и есть рука. То есть, вы можете индуцировать (induzieren) всё. Это было доказано экспериментально, на мышах.

Но ведь все эти вещи, на мой взгляд, имеют дело не с наследственностью, а с формообразующей структурой хромосом. Хромосомы представляют собой те чувстви-

тельные осцилляторы, которые то, что действует в качестве формообразующей силы, вводят в отдельные части эмбриона. Это означает, что в клетках мезенхима имеется, так сказать, раскодированная система, содержащая любые возможности. В тот момент — я снова приведу здесь один пример, — когда клетки мезенхима становятся клетками мезодермы, спектр этих возможностей, точно так же, как и у эктодермы и энтодермы, сужается, оставляя все же за собой все возможности организатора, которые позволяют, например, в эктодерме образовать органы чувств, нервы, кожу и прочее. Если в образовавшейся кодировке что-то не так, то есть, например, нерв прирос не к той конечности, вся система снова раскодируется, обобщается, и лишь затем снова специализируется. Только так я могу смотреть на все это. Наследственность, сама по себе, — это совсем не то, что можно обнаружить в хромосомах. Извините, что я говорю об этом так радикально. Наследственность — это просто субстанция, которую родители предоставляют становящемуся эмбриону. Я несу в себе субстанцию моего отца и моей матери. Этим, однако, уже дается нечто такое, что в этом потоке — который, являясь лишь субстанцией, соединяет мое индивидуальное и, благодаря этому, расово, семейно и географически воздействует на него — втекает в меня, затемняя мое «Я». Хромосомы же представляют собой те регуляторы, которые служат мировому развитию и, благодаря этому, делают человеческий зародыш телом. В этом заключается первый пункт для ясного понимания этих вещей.

Участник:

— Если взглянуть на все то, что Вы сказали, выявится одна особенность. В сегодняшней биологии присутствуют, собственно, все феномены, побуждающие мыслить динамически-функционально. Одно воздействует на другое, и наоборот. Странно, однако, что основная мас-

са биологов придерживается чисто механически-логического мышления. Выражаясь языком математики, в своем мышлении они остались в рамках геометрически ограниченной системы, в то время как для действительного понимания явлений необходима функциональная высшая математика, позволяющая представить явления реально... Теперь я хотел бы еще раз вернуться к трехчленности человека. Как Вы здесь уже показали, основной задачей для разума является не только диагностика болезни, которая становится затем неизменной и чересчур сложной, но и терапия. Нужно только достаточно далеко вернуться назад, собственно, в эмбриологию, чтобы получить возможность понять, почему почка или печень ведет себя через 30-40 лет так или иначе. Как мы видим, человек в самом начале представляет собой еще двухчленное существо. Постепенно развивается эктодерма и энтодерма, и они представляют собой два великих динамических начала. Один формирующе действует в космосе кварца, в кварцевом процессе, как эктодермальный принцип. Второй — в энтодермальном, образующем вещество энтодермальном кальциевом процессе. Один был бы, таким образом, более принципом Орла, а второй — Тельца. Этим, создаются предпосылки для двух полярно противоположных групп болезней. Одна из них формируется еще до рождения, но продолжает и в дальнейшем нести эктодермальный нервно-чувствительный импульс, сильно влияющий на формирование. Точнее говоря, для телерешного существа человеческого «Я» друг против друга стоят способствующие отвердению, пробуждающие свинцовые процессы и образующие, вводящие в сон серебряные процессы. Эктодермальные импульсы — для того, чтобы человек оставался здоровым, — не должны переходить в энто-мезодермальные процессы, а они должны, так сказать, встречаться в дыхательном среднем регионе. На одной стороне стоит группа всех болезней, ведущих к состоянию повышенного

бодрствования, артриту, склерозу. На другой стороне стоит группа болезней, ведущих к различным воспалениям, вплоть до туберкулеза. Если же, напротив, образующая субстанция — так же, как и актуальная ситуация состояния сознания — разрушает этот мезодермальный дыхательный средний регион (свинцово-кварцевым, эктодермальным импульсом сверху, или серебряно-кальцевым, мезо-энтодермальным импульсом снизу), тогда мы приходим к карциноме³, или мании, как их понимал Рудольф Штайнер. Обе эти болезни, таким образом, выпадают из процесса обычного развития, как мы его понимаем здесь, в эмбриологии. Как относительно образования субстанции, так и относительно ситуации сознания. В одном случае — повышенная пробужденность и субстанциональная «твердость», в другом — сонливость и субстанциональная мягкость; заключенное в субстанции духовное выходит наружу. Человек становится подверженным иллюзиям и даже галлюцинаторно-маниакальным. Он полностью замыкается в своем внутреннем мире. Психологи должны ясно представлять эти связи, если они хотят прийти к действительному душевному целению. Из этого знания исходит также рациональная терапия.

Между этими двумя полюсами располагается дыхательная, или ритмическая система. Сегодня легкие постоянно рассматривают как органы дыхания (par excellence). Но уже из представленной классификации отчетливо видно, что они, во всяком случае, являются не только органами дыхания. Разумеется, легкие соотносятся с дыханием, но они вполне соотносятся также и с питанием, и это подтверждается множеством клинических наблюдений, это видно также из физиологии — вплоть до анатомического разветвления сосудов. Печень, почки и голова тоже дышат, хотя это и недоступно чувственному восприятию. В этом смысле их можно было бы отнести к области Льва и, учитывая их различное духовно-субстанциональные строение — мо-

дифицированное, благодаря собственно индивидуальному, — положить в основу наших различных чувственных качеств. В этой области встречаются уже названные полюса. Уже в исходном двухчастном членении, которое Вы описали, в «Адаме» и «Еве», стоят друг против друга полярные возможности заболеваний. Это, таким образом, видно уже из эмбриологии. И если после этого рассмотрим среднюю часть, из которой позднее образуется позвоночник (etcetera), тогда можно приблизиться к пониманию того, что затем выступает перед нами — в смешанном, индивидуализированном виде — как больной человек. Но такой способ рассмотрения должен дать нам и указания к терапии.

Доктор Кёниг:

— Да, я думаю, очень важно указать на эти вещи. Это не должно повиснуть в воздухе, а должно влиться в основы врачебного и общечеловеческого знания. Было бы не лишним, конечно, поговорить об этом подробнее. Только тогда мы могли бы закрепить то, что было представлено здесь пока схематически.

Участник:

— Я хотел бы указать на то, что в специальной медицинской литературе говорится об образовании отдельных органов уже на третьей неделе.

Доктор Кёниг:

— То, что говорится об этом в этих старых книгах, совершенно неверно. Сердце с самого начала, как я вам уже показал, развивается снаружи, но это еще не сердце. На 13-ый день начинается невероятный рост, и то, что поначалу находилось рядом друг с другом, входит теперь друг в друга. Здесь начинается второй акт, и он невероятно многосторонен. Но Штарк в своем учебнике по эмбриологии представляет это совершенно точно. Вы дол-

жны его прочесть, это лучший учебник эмбриологии, которым мы сейчас располагаем. Там все описано хотя и механистически, но очень точно.

Участник:

— Я хотел бы вернуться назад к Вашему описанию развития животных. В тот момент, когда возникает энтодерма, мы имеем «внутри-снаружи». Из этого должно следовать то, что у животных, продолжающих развивать эту полярность, должна быть внутренняя жизнь, что эти животные, пусть в ограниченной степени, должны обладать своего рода внутренней жизнью. Поэтому я хотел бы знать, как обстоит дело с классификацией органов в процессе развития? Какие органы у каких животных образуются в тот момент, когда возникает энтодерма? Мне кажется, существа, имеющие почки, должны быть осязающими животными, поскольку почки являются теми органами, которые в потоке чисто живого позволяют зародиться осязающему. Интересно также, что если, например, мы возьмем человека с больными почками, то в тот момент, когда верхний процесс в почках, а именно, формирующая тенденция, становится слишком преобладающей, у него наблюдается повышенная чувствительность. Тогда говорят о неврозе, то есть о повышенной пробужденности такого человека, он все воспринимает преувеличенно, и результат этого — повышенное кровяное давление. Те же, у кого почки слишком живы, напротив, не в состоянии преобразовать это в ощущение, как раз потому, что они больны. Таким образом, все, что развивается в направлении воспаления почек, вплоть до туберкулеза, всегда сталкивается с проблемой выхода из этого водянисто-живого к определенному ощущению. Они продолжают спать в нем. Теперь, я хотел бы знать, когда в процессе развития животных эти почки осуществляют переход от чисто биологического к осязающему?

Доктор Кёниг:

— Прежде всего, я должен сразу же сказать, что в нашем рассмотрении животных почки являются, вероятно, самым сложным органом, с которым мы знакомы. Как вы знаете, существует пронефрос (Pronephros), который преобразуется в мезонефрос (Mesonephros) и переходит затем в то, что представляют собой почки, а именно, в метанефрос (Metanephros). И все это тоже почки. Они начинают развиваться у человека в голове. А именно, на уровне уха, шеи возникают крошечные каналы, которые связаны (я не могу вам это сейчас объяснить точно, поскольку врачи это уже не знают, а не-врачи — еще не знают) с брюшной полостью, и из этой брюшной полости принимают отходы (переработанные субстанции). Но все это имеет место только в эмбрионе и нигде больше, а затем мезонефрос опускается — и лишь тогда становится теми почками, которые мы знаем.

Таким образом, речь идет о некоем процессе, осуществляемом в направлении сверху вниз. Часть этого образования мезонефроза становится затем сексуальной организацией, и об этом я здесь снова лишь упоминаю, поскольку в деталях представить это было бы слишком сложно. Но все это почки, и эти почки поначалу — а у низших животных, соответственно, в результате — представляют собой небольшую, но постоянно повторяющуюся систему канальчиков, включающую в себя в какой-либо форме конечный орган, который засасывает и выделяет (Рис. 2.7). Вам знакомы растениевидные животные (Pflanzentiere)? Полипы, медузы. У них совершенно нет почек. Они состоят только из эктодермы и энтодермы. Я вам это даже нарисую (см. рис. 2.8), поскольку это ведь необычайно интересно; может быть, у вас появится потом желание прослушать курс по зоологии.

Смотрите, эти полипы, которые еще крепятся на одном месте, имеют некоторое продолжение, и в нем находится кишечник, или энтодерм. Тут могут образовываться

ся, но не всегда, половые почки (Geschlechtsknospen), которые оседают вниз. То есть, тут оседает вниз цветок или плод — как вам больше нравится. Но полип из них никогда не развивается. Полип развивается только в том случае, если он начинает давать новые побеги, отделяется и затем снова крепится. Если же он приходит к плодoобразованию, он умирает. И тогда развиваются первые

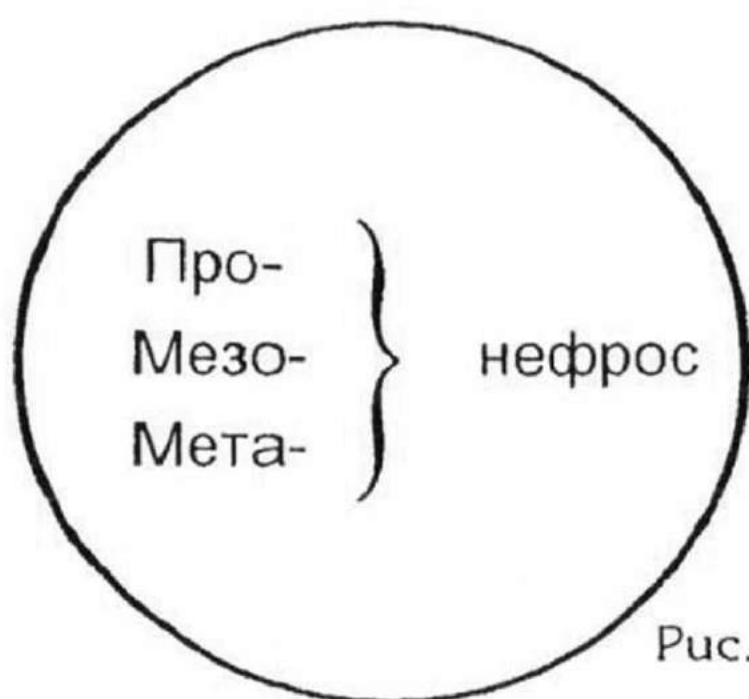
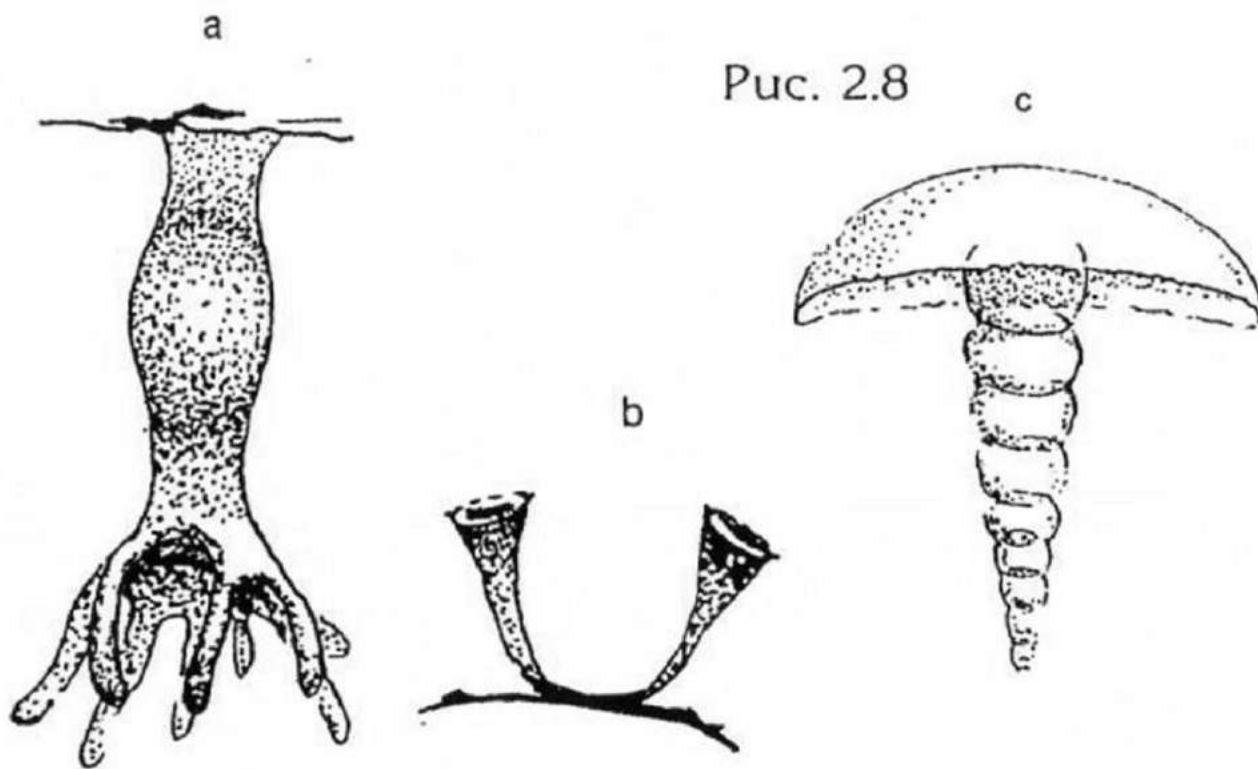

Рис. 2.7

ощущения системы чувств и системы пищеварения. Тут (Рис. 2.8, б) больше энтодерма, а тут (Рис. 2.8, а) больше эктодерма, поэтому здесь имеет место головное образование, а здесь — нет. Это, пожалуй, лучшие изображения для подобной иллюстрации. Здесь еще нет никаких почек, но в тот момент, когда начинает действовать новое, здесь, в шипе, впервые зарождается собственное движение. Полипы этого не делают, потому что прочно прикреплены, а медузы (Рис. 2.8, с) приводятся в движение снаружи, точно так же, как приводится в движение пыль. Здесь же зарождается самостоятельное движение. Это движение так называемой системы водяных сосудов. А система водяных сосудов представляет собой образ того, что затем в человеке становится внутренней жизнью. Движение, почки и внутренняя жизнь — это все единое. Нет почек там, где нет движения, и нет движения там,

где нет почек. И конечно, это еще и выделение (Entäußerung). Если у меня есть внутреннее, я выделяю это внутреннее, и выделяю я его в форме моторики. А то, что выделяет — поскольку это распад, — то функционирует. В этом лежит, так сказать, корень происходящего. С этого момента у всех животных есть почки, есть система водяных сосудов и так далее. Но все это еще далеко не такие почки, как у нас. Последние постепенно образуются лишь у высших млекопитающих.

Участник:

— Позвольте мне, как неспециалисту, задать следующий вопрос: не могли бы Вы для ясности картины подробнее описать развитие зародыша у растения?

Доктор Кёниг:

— Я думаю, это внесло бы только путаницу. Процесс настолько многосторонний, что рассмотрение чего-то одного было бы недостаточным. Об этом надо было бы говорить не меньше часа. Тогда нужно было бы говорить не о том, что представляет собой семя и яйцо, а о совершенно ином.

Другой участник:

— Я хотел бы еще раз спросить о следующем. Описанная картина развития почек может уже служить основанием для новых начинаний. Картина почек, как процесса, идущего сверху вниз. Например, при массаже и при симптомах различных болезней мы выделяем зоны, здесь вверху, в области шеи, где мы «обнаруживаем почки снова».

Теперь было бы, наверное, интересно, найти картину, например, для легких, как процесса, идущего снизу вверх. Как это выглядит в этом случае?

Доктор Кёниг:

— Я коснусь этой темы пока лишь вкратце. Легкие, вообще, оказываются в средней зоне лишь потому, что у человека и высших млекопитающих, хотя и не у всех, образуется диафрагма, которая разделяет живот и грудь. У большинства позвоночных корпус, то есть грудь и живот, представляет собой нечто единое. У них легкие простираются до низу, почки — до верху, сердце — вверху, и только с момента, когда в ходе эволюции образовалась диафрагма, сердце опускается, окружается легкими, и почки остаются внизу. Не думайте, что легкие поднимаются; легким просто нет пути назад, потому что опускаются почки. Если вы вспомните эмбриологию почек, как из мочевого пузыря поднимается мочеточник и охватывает метанефрос, тогда вы получите представление о том, что это значит, когда из про- и мезонефроса возникает метанефрос, а мезонефрос опрокидывается вниз и становится частью мужских половых органов. Все это, ведь, целая драма. Здесь у нас снова есть нечто, что должно опуститься, и есть легкие как противодействие тому, что опускается. Ведь легкие поднимаются именно потому, что опускаются почки, и есть поразительные доклады Доктора Штайнера о том, как Яхве предпринял ответный ход по отношению к падению Люцифера. Все это относится уже к третьему акту, поскольку происходит в более поздние атлантические времена.

Второй доклад

В

Дорогие друзья!

первой части нашего семинара мы старались прояснить ситуацию с зародышевыми листками, и в результате пришли к тому, что образование зародышевых листков представляет собой что-то вроде второго акта драмы эмбрионального развития. Затем мы попытались описать в общих чертах процесс формирования зародышевых листков, и из этого описания подошли к следующей картине: в эктодерме, мезодерме, энтодерме и мезенхиме нам являются те же формирующие силы, которые участвуют в общемировом процессе формирования человека. Это силы, которые в окультизме встречаются как Орел, Лев, Телец и Человек и представлены в древнем Египте в образе Сфинкса. Мы говорили об эктодерме-Орле, о мезодерме-Льве и об энтодерме-Тельце, и потому должны были охарактеризовать мезофил как нечто общее, нечто постоянно обновляющееся, зарождающееся, что представляет собой собственно человеческое. Все это первый шаг в рассмотрении зародышевых листков, по крайней мере, с одной точки зрения. Теперь мы пойдем дальше.

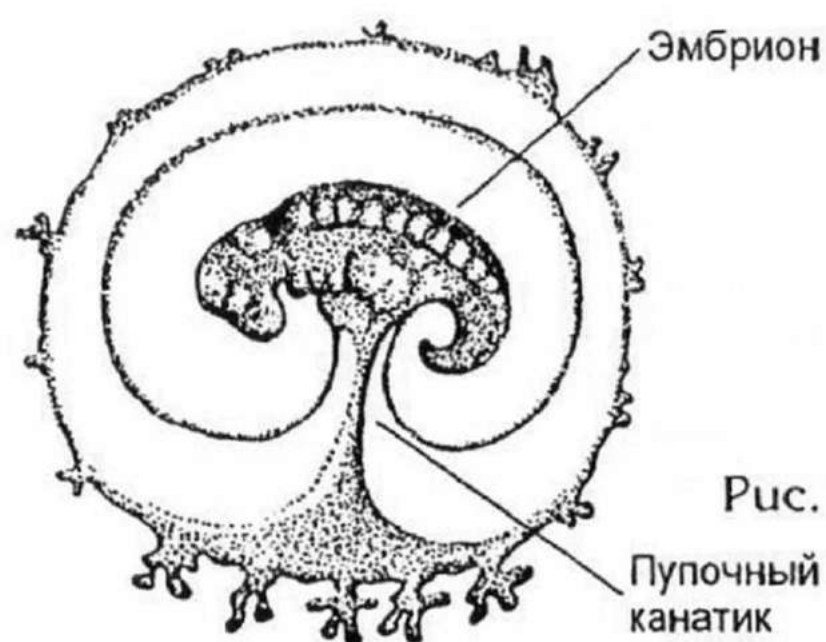
Прежде всего, надо попытаться все это объединить в одной картине, поскольку в том, что предоставляет нам сегодня наука, этого сильно не хватает. Там описываются простые клетки, общее положение клеток, формы, но все это никак не приведено к единому формирующему образу. То, что в большей или меньшей степени представлено нам как общий клеточный хаос, привести к единой картине должны мы сами. Но это не так-то просто. И я продвигаюсь с вами так медленно как раз потому, что для сегодняшнего человеческого мышления жить в образах стало очень трудно. Если кто-то и возвышается до образа, все говорят о том, что он в большей или меньшей степени «вымышлен».

Теперь, смотрите: если мы возьмем эктодерму-Орла, то это ведь лишь некая абстракция, если не дополнить ее тем, из чего она возникла. И только когда вы все обобщите и действительно попытаетесь представить, как эктодерма-Орел, в совокупности с мезодермой-Львом и энтодермой-Тельцом, развивается из чувств, нервов и кожи, — тогда вы получите некий образ, который теперь становится действенным в эмбриональном развитии. Я уже не раз указывал на то, что из тех частей, из которых развивается эмбрион, никогда не получится целостность. По сути, эмбрион составлен из сотни различных частей. И то, что с каждым часом, с каждым днем формируется некая целостность, — это величайшее чудо, происходящее в рамках эмбрионального развития. Ведь этот процесс выглядит так, будто со всех сторон света, со всех направлений бытия стекаются сила и вещество, форма и структура, создавая совершенно независимые друг от друга образования, создавая формы и вещества, поначалу не имеющие друг с другом ничего общего. И все же из этого многообразия постоянно формируется некая новая целостность. Одним из этих формирований является Орел-эктодерма, другим — мезодерма-Лев, который является целостностью, только если мы рассматриваем его вместе с аллантоисом. О последнем мы уже говорили; у человека это поначалу совсем незаметное образование. Но мы знакомы с ним из области рассмотрения птиц и рептилий, где он развивается и формируется особым образом. Затем у нас есть энтодерма-Телец, и эта энтодерма представляет собой целое только в том случае, если мы будем рассматривать ее вместе с желточным мешком, из которого она, так сказать, вылупляется, и от которого затем постепенно все больше и больше обособляется. И наконец, у нас есть нечто общее, постоянно обновляющееся живое, а именно, во все возможные направления ориентированный мезенхим, окруженный хорионом. Таким образом, мы здесь находим четыре формирующих принципа: Орла с амнионом, Тельца с желточным мешком, Льва с аллантоисом, Человека с мезенхимом и хорионом. Затем, при прослеживании эмбрионального развития, дело обстоит так, что эти четыре формирующих принципа развиваются полностью различным друг от друга образом. И прежде всего, я хотел бы указать здесь на следующее: смотрите, через несколько недель после оплодотворения,

уже на 6-8 неделе, обе оболочки полностью исчезают. Они отмирают, они, так сказать, перерабатываются и заглатываются становлением эмбриона. Вспомните предыдущий рисунок, где видно, как зачаточ-но представлен аллантоис, который является, собственно, ни чем иным, как направляющим образованием для развивающегося пупочного канатика, как он исчезает, и затем перед нами мезодерма уже без аллантоиса. А то, что было аллантоисом, переходит в мезодерму, и из мезодермы затем развивается на другой стороне в пуповину и плаценту. То есть, мы видим: аллантоис отмирает, но с новой силой развивается амнион, и вместе с мезодермой возникает пупочный канатик. Давайте посмотрим на это так, чтобы попытаться ощу-тить кости, кровеносные сосуды, мышцы, хрящи, сердце, связки, суставы, — во все это переходит аллантоис, и затем, так сказать, воскресает, например, в почечной и сексуальной системе. Похожим образом дело обстоит с желточным мешком. Кишка как кишечная трубка расширяется, и в этом формировании кишечника, становя-щимся все интенсивнее и интенсивнее, исчезает желточный мешок. Ранее я уже рассказывал, что в начале развития имелся один более или менее закрытый кругооборот веществ — кругооборот веществ желточного мешка. Он также полностью исчезает, но уже можно понять: то, что было желточным мешком, преобразуется в то, что действует как силы пищеварения в кишечнике и окружающих его железах.

Затем у нас есть еще третье, являющее собой нечто совершен-но иное: это амнион. Дорогие друзья, с амнионом происходит как раз противоположное тому, что осуществляется в аллантоисе и желточном мешке. Поскольку ни что другое в пределах эмбриона — я имею в виду весь зародыш — не растет так мощно, не стано-вится постоянно все больше и больше, как амнион. К концу вто-рого месяца дело доходит до того, что этот амнион, так сказать, заглатывает все. Представим себе эмбрион так — поначалу со-всем примитивно, — окруженным амнионом (см. рис. 2.9). Этот амнион теперь становится все больше и больше, и лишь одно избегает его хватки — это пупочный канатик. Вокруг, как и преж-де, располагается хорион. Но хорион полностью заполнен амнио-ном, то есть амнионной жидкостью или водой. Сюда же относит-

ся и эктодерма. Таким образом, аллантоис исчезает, желточный мешок исчезает, хорион остается в качестве оболочки, а амнион испытывает наибольшее и всеохватывающее развитие. Здесь мы должны спросить себя: что же это означает в общем процессе формирования? Почему происходит так, что равновесность некой четырехчленности превращается в переразвитость одного из членов — амниона? И что открывается нам в том, что эмбрион теперь все больше и больше окружается водой, что он находится

во взвешенном состоянии, в темноте, без нормального дыхания и света, но в окружении образующейся и разлагающейся воды?

Дорогие друзья, сегодня мы знаем, что этот амнион ни в коем случае не представляет собой воду в покое, а находится в состоянии непрерывной циркуляции, он не только ритмически пульсирует, но он также — неизвестно, за какой период, но определенно в продолжении нескольких дней — полностью обновляется. Как происходит это обновление, мы сегодня еще не знаем. Таким образом, мы должны себе представить образующийся и формирующийся эмбрион, который потерял аллантоис, но мезодерма продолжает развиваться. Зато все больше и значительнее становится пуповина как звено, связующее Землю и Небо, где Небо — это хорион, а Земля — эмбрион. Этот эмбрион уже потерял желточный мешок. Он окружен хорионом. Он практически не изменяется, а остается, как и мезенхим, вечно юным. Но теперь возникает сильно развитый амнион.

Обсуждение

Участник:

— Можно было бы себе представить, как это делается в сельском хозяйстве и медицине, что туда, где вода находится в движении, постоянно вливается нечто космическое. Таким образом, можно было бы себе представить, что эмбрион, окруженный водой, для своего формирования, наверное, нуждается в космическом воздействии.

Доктор Кёниг:

— Конечно, нуждается. Но, знаете ли, можно было бы также сказать: для того, чтобы мы могли затыкать пробками бутылки с вином, Бог создал пробковое дерево. В принципе, это одно и то же. Но за этим стоит гораздо большее. В одном отношении вы правы: то, что находится в воде, являлось космическим и может оставаться таковым до сих пор. Но для этого не требуется такого количества воды; этого не нужно, это действительно переизбыток.

Участник:

— Вероятно, за этим стоит все лунное развитие?

Доктор Кёниг:

— За этим стоит все лунное развитие, но за этим стоит ещё и Атлантида. Тут поднимаются воды Атлантиды, это сама Атлантида. И это происходит в беременной женщине, потому что в продолжении своей жизни она становится атлантической, она становится способной, так сказать, вернуться на целую земную эпоху назад, и поэтому космические силы также в состоянии воздействовать так, как они воздействовали во времена Атлантиды. Теперь, когда мы начинаем нечто подобное рассматривать, мы можем продвинуться еще на один шаг дальше.

Итак, у нас есть амнион, который растет и формируется, и который представляет собой, как мы обнаружили, некий образ. Это образ Атлантиды, и с ней теперь соединилась эктодерма, которая в свою очередь связана с древней Луной. Затем, здесь также действуют силы, стоящие за образованием всей нервной системы. А кроме того, у нас имеется аллантоис. И смотрите, этот аллантоис — родственник Лемурии. Это вы можете подробно узнать из зоологии и истории развития животных. Мезодерма же связана с древним Солнцем. Но Лемурия ведь погибла. И как исчезла Лемурия, так должен исчезнуть и аллантоис. И наконец, у нас есть желточный мешок. Но исчезает и он, поскольку представляет собой образ Гипербореи. Дорогие друзья, я никогда не забуду момент, когда я впервые (это было 40 лет назад) получил возможность раскрыть желточный мешок эмбриона (это возможно лишь на очень ранней стадии, поскольку только на этой ранней стадии он и существует), и там внутри обнаружил удивительную жидкость, которая блестела и светилась, как золото. Видите, здесь человек получает совершенно иные представления об этом желточном мешке, нежели при рассмотрении лягушек или жаб, где мы имеем дело только с деградировавшими существами. Здесь же перед нами — «Гиперборея», и она — просто не перестаешь удивляться! — связана с энтодермой, с Сатурном.

Амнион — Атлантида
Эктодерма — Луна
Аллантоис — Лемурия
Мезодерма — Солнце
Желточный мешок — Гиперборея
Энтодерма — Сатурн
Мезенхим — Хорион

Рис. 2.10

Теперь, спрашивается: где же мезенхим? Да, он исчез, он являлся тем, из чего все получилось. Не было бы мезенхима и хориона, не было бы и Сатурна. Теперь мы, естественно, уже шагнули далеко вперед. Если мы это хотим действительно понять, если мы хотим увидеть в картине амнион (Рис. 2.10), тогда это Атлантида. И в

этой Атлантиде теперь развивается память, формируются первые мысли — все то, что непосредственно связано с уже функционирующей нервной системой. А нервная система, в свою очередь, восходит ко временам древней Луны. Атлантида — это ведь четвертая земная эпоха, а Лемурия связана с древней Луной, — в этом я так же убежден, как и вы. Нервная же система как раз и представляет собой то, что образовалось на древней Луне и затем стало развиваться на Земле в атлантический период. И как Солнце пронизывает Лемурию, Сатурн пронизывает Гиперборею, так мезенхим живет в пределах хориона, представляющего собой пребывающий Сатурн. Все это мы рассмотрели для того, чтобы получить представление о внутренних силах, действующих в зародыше.

Теперь мы продвинемся еще на один шаг вперед, поскольку сейчас речь пойдет о следующем: мы узнаем, или пытаемся узнать, лунное влияние в эктодерме в период атлантического потопы, солнечное влияние в мезодерме в лемурийский период, и влияние Сатурна в энтодерме в том, что было Гипербореей. Вероятно, это удастся нам благодаря изучению тенденций развития эктодермального, мезодермального и энтодермального образований. Помните, я говорил об эмбриональном щите (Embriionalschild) и о том, что в пределах этого эмбрионального щита развивается дорзальная хорда (Chorda dorsalis). Если мы представим это в разрезе (Рис. 2.11), у нас здесь будет эмбриональный щит, а под ним в виде трубчатого разреза — дорзальная хорда. Развитие проходит теперь так, что эктодерма (ведь это теперь всё эктодерма, то есть нижний слой амниона) начинает утолщаться в направлении обеих сторон хорды, и то, что образуется как утолщение, представляют собой так называемые медуллярные валики, или нервные пластинки (Neuralleisten), и эти утолщения затем способствуют тому, что между ними поверхность опускается. Представьте себе, что над целым эмбриональным щитом образуется опущение, нервная ямка (Neuralgrube). Процесс идет дальше, и эта нервная ямка становится глубже, а книзу продолжает утолщаться. Процесс продолжается до тех пор, пока эти наросты не соединяются посередине. То, что было ямкой, замыкается и становится трубкой, которая

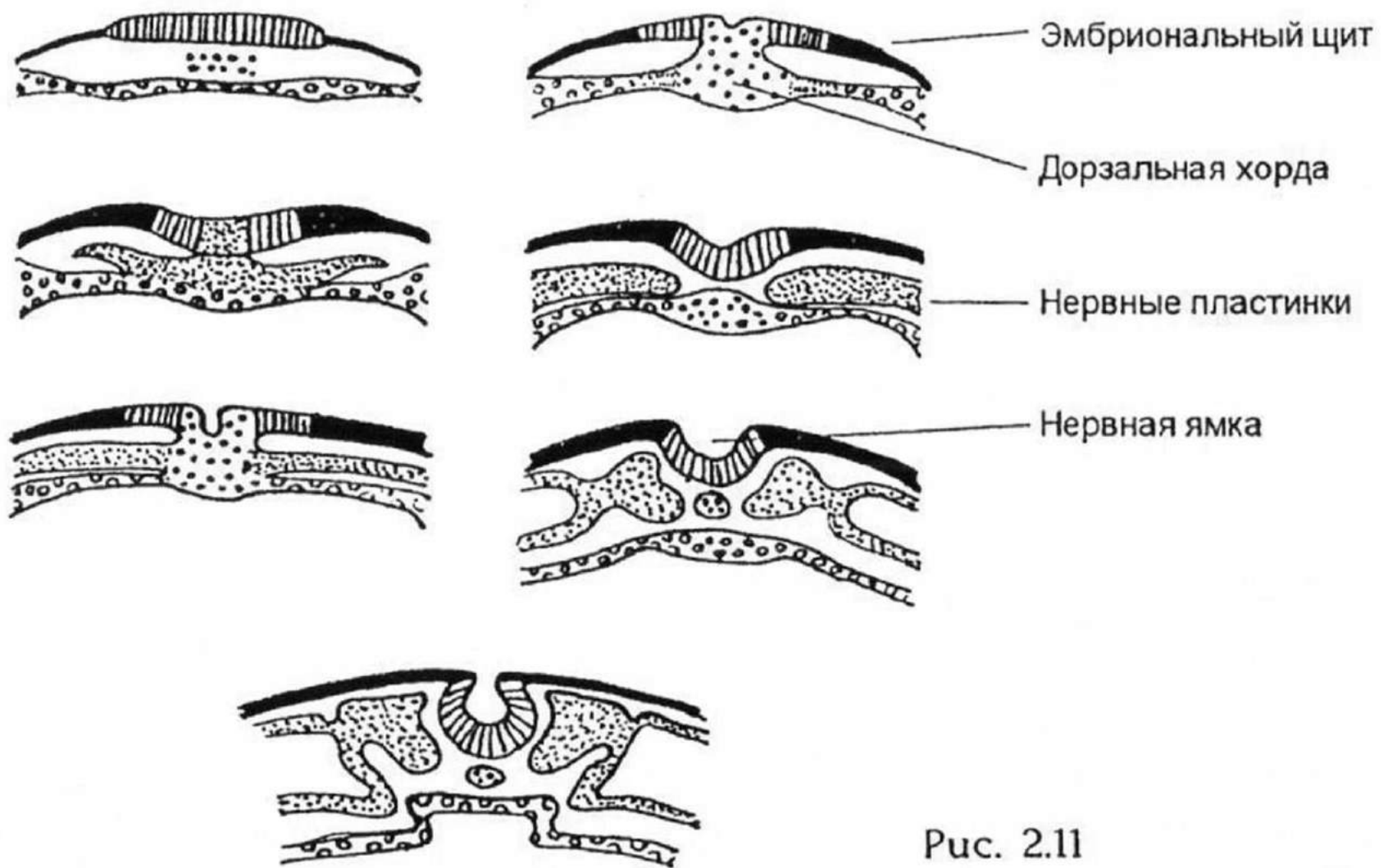

Рис. 2.11

сверху накрывается эктодермой. Теперь из примитивной эктодермы образовались две вещи. Лишь теперь образовалось телесное покрытие, и к низу от него — нервная трубка (Neuralrohr).

Дорогие друзья, этим начинается совершенно особый процесс. Чтобы не вводить вас в смущение, и чтобы было понятнее, я должен еще пририсовать хорду, так что вы видите теперь и хорду, и нервную трубку. Развитие продолжается, и теперь мы неожиданно замечаем: то, что там было снаружи, здесь становится внутри. Внешнее стало внутренним.

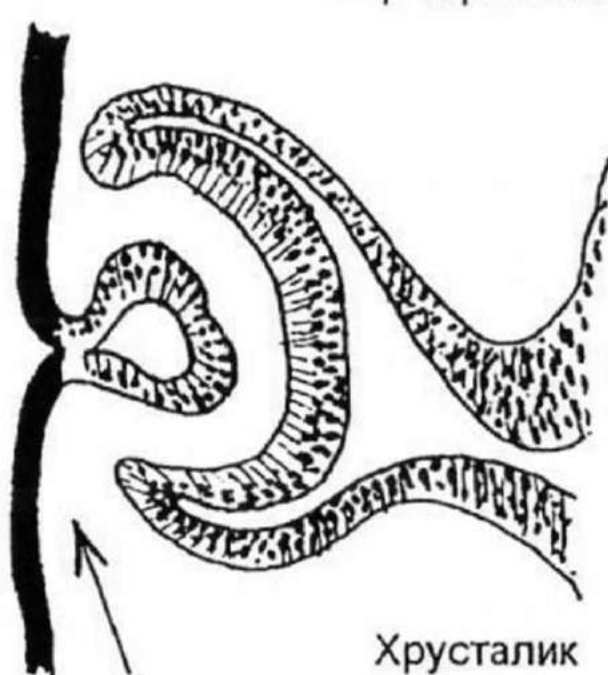
Мы можем сказать также следующее: амнионная жидкость становится спинномозговой жидкостью (Liquor). Спинномозговая жидкость, текущая через наш мозг, через позвоночник, а также вокруг них обоих, — это, по сути, ни что иное, как сохранившаяся жидкость амниона. Такова тенденция развития всей эктордермы как целого.

Можно привести и другой пример (см. рис. 2.12). Здесь у нас внешняя сторона формирующегося лица. Внутри уже начал разви-

ваться мозг. Из этого мозга наружу все больше выворачивается формирующийся глаз, пока не образуется своего рода чаша. В тот момент, когда эта чаша достигает кожи, кусок кожи перетягивается, точно так же, как и в описанном мной случае с нервной системой, и закрывается. Теперь у нас здесь спереди роговица (Cornea), здесь линза (хрусталик), и это у нас как эктодермальный глаз. Но это еще не все. Хрусталик вводится в это глазное образование. Это значит, что Луна, то есть то, что действует в эктодерме, постоянно имеет тенденцию к перетягиванию, к изоля-

Рис. 2.12

Формирование глаза

ции (Abschnürung). Поэтому-то она и снаружи, ибо она обособилась от Земли, как хрусталик, как нервная система. С той лишь разницей, что нервная система вошла в тело, а хрусталик — в глаз. Но чтобы понимать, что же здесь формируется, надо рассмотреть эту тенденцию к изоляции как формообразующую тенденцию эктодерма. Ведь это не просто изоляция, с этой изоляцией возникает также внешнее и внутреннее.

Давайте рассмотрим и представим себе это еще раз медитативно. Здесь у нас внешнее. Из этого внешнего образуется внутреннее. То, что здесь было, и что, так сказать, поймано, что действовало снаружи, теперь находится здесь, внутри. Если вы хотите создать нервную систему, которая должна быть основой для мышления и воспоминания, надо действовать следующим обра-

зом. Вначале здесь внешнее, и если я хочу, чтобы то, что здесь сияет (а все это — свет), возникло во мне внутренне, то это может случиться только благодаря тому, что это все начнет *внутри* отражаться. Так возникают все органы чувств, так возникает вся нервная система. А кожа остается снаружи. В каждом органе чувств мы имеем такую комбинацию между внешним и внутренним, будь то хрусталик в глазу или сенсорный эпителий в каком-нибудь другом органе чувств. Иначе быть и не может — они должны действовать вместе. В нервах, правда, все это отходит на задний план. А головной и спинной мозг покоятся в нас так же, как эмбрион покоится в утробе.

Мозг и эмбрион

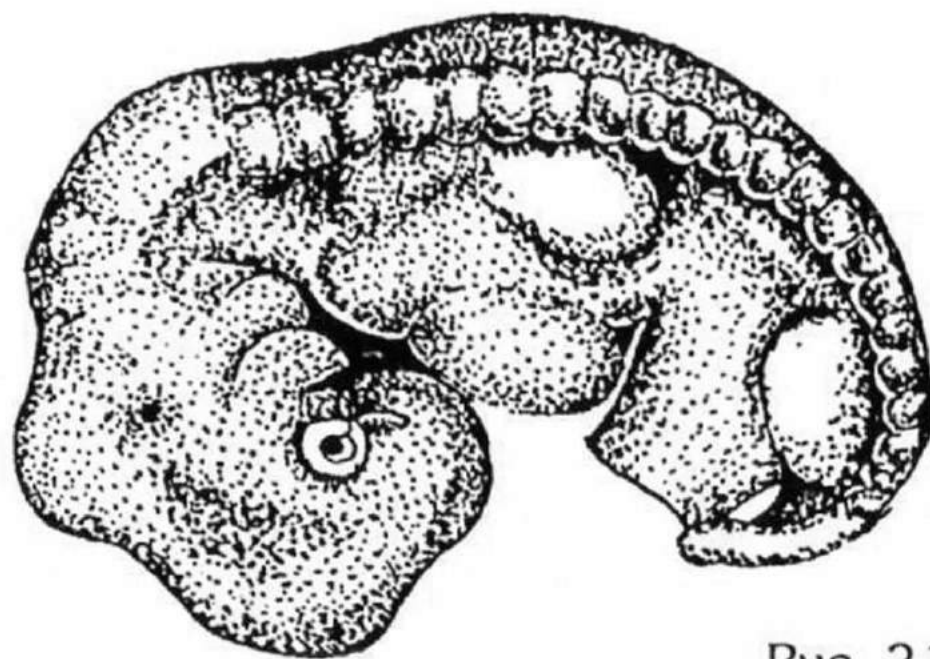

Рис. 2.13

Когда вы смотрите здесь на мозг (Рис. 2.13), что вы видите? Вы видите ни что иное, как эмбрион, лежащий в материнской утробе. Точно так же располагаются руки, живот, ноги. Поэтому эмбрион и лежит *так*, поэтому и мозг лежит *так*, и он вывернут. Такие картины вы наблюдаете при каждом роде. Для нас это означает, что нужно учиться *рассматривать образы*. Этому надо учиться, и тогда вы увидите: всё, что нас окружает — это вариации человека.

Теперь перейдем к следующему: как же развивается и формируется *мезодерма*? Дорогие друзья, она развивается совершенно иначе. Помните, я говорил вам о дорзальной хорде? Так вот, ее мы пока

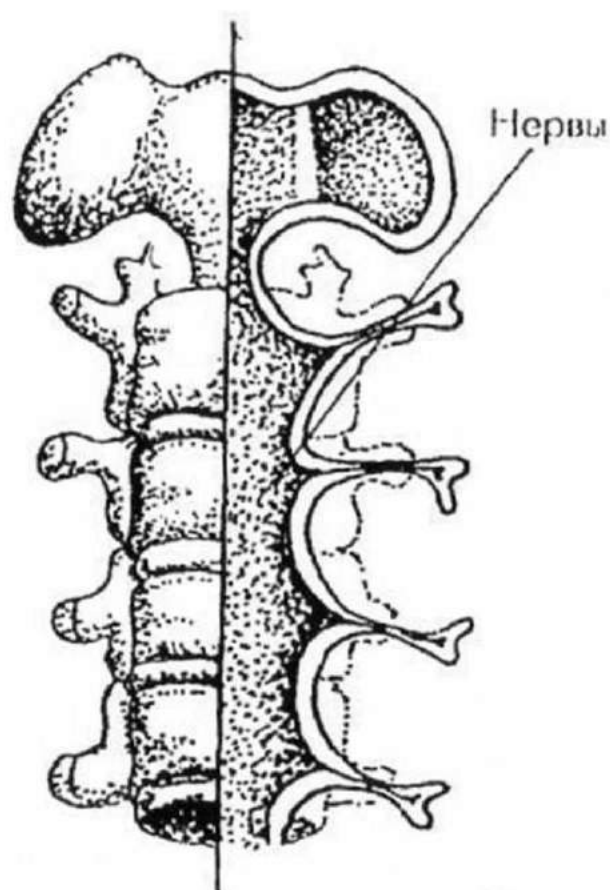

Рис. 2.14

Первичные позвонки

не можем назвать мезодермой, ведь, по сути, она еще и часть эктодермы, энтомезодермы, мезоэнтодермы. Но вдоль этой хорды, на двадцатый-двадцать первый день, начинают образовываться зачатки позвонков. По четыре на каждой стороне (Рис. 2.14).

(В этом месте запись лекции была временно прервана. Из космических пра-сил Орла, Льва, Тельца и Человека Доктор Кёниг развивал направления верха, низа, переда, зада, правой и левой стороны, связывая их с ходьбой, речью и мышлением).

Обсуждение

Участник:

— Почему речь связывается с вертикалью, со Львом, а мышление — с горизонталью, с Орлом?

Доктор Кёниг:

— Этот вопрос указывает на нечто основополагающее, и думаю, будет мало толка, если я скажу вам, что, как

говорил Рудольф Штайнер, мы должны учиться понимать сами. Попробуйте подумать сами, ведь это не совсем хорошо, что я здесь все время поучаю. А как бы вы сами ответили?

Участник:

— Можно было бы снова оттолкнуться от эмбрионального развития мезодермы. Что образуется из мезодермы? В принципе, ведь, это сердце, кровь, кости, кровяные сосуды, мышцы. Необходимо актуализировать (*vergegenwärtigen*) эти направления. Что, собственно, представляет собой скелет? Это то, что располагается между Небом и Землей, то есть в вертикальном направлении. Кровь, по сути, если посмотреть на кровообращение, тоже выходит из сердца и направляется вверх и вниз.

Доктор Кёниг:

— Не совсем точно, но можно сказать и так. Продолжайте.

Участник:

— Здесь я уже застрял. Другие связи найти не могу.

Другой участник:

— Но речь — это также вроде бы как хождение. Можно ведь и так посмотреть.

Доктор Кёниг:

— Можно, конечно, сказать, что это хождение. Но подумайте, например, о том, что речь всегда осуществляется при выдохе, иначе не выходит. Я знал, правда, людей, которые могли говорить и при вдохе, но это уже не речь.

Участник:

— Но ведь мышление в основном состоит в упорядочивании, в систематизации, и эта систематизация про-

исходит не в согласовании верха и низа, или того, что впереди и сзади, а в согласовании правого и левого.

Доктор Кёниг:

— Это очень интересно. Можете Вы это немного обосновать?

Участник:

— Я думал, собственно, только в одной определенной плоскости. Можно также посмотреть на маленьких детей, у которых при мышлении участвуют и руки. Они сортируют вещи друг рядом с другом, как делаем это и мы в процессе своих рассуждений. Мы не можем сказать, что мы делаем это вверх и вниз, или вглубь, или вперед, а мы делаем это рядом друг с другом. А когда речь идет о словах, то мы всегда думаем о том, что было в Начале, и что всегда находится там, где имеется связь между верхом и низом. Это не физические верх и низ, а, так сказать, медитативно-физические верх и низ, — то, что как раз создает вертикальную связь.

Доктор Кёниг:

— Это одно из возможных направлений, но далеко не единственное. Мудрые головы присутствующих здесь врачей должны были вспомнить при этом многие вещи, что, я думаю, и случилось.

Участник:

— Как, собственно, обстоит дело с маленьким ребенком, когда он начинает говорить?

Доктор Кёниг:

— Вы этого не знаете?

Участник:

— Не точно.

Доктор Кёниг:

— Обычно ребенок произносит первые слова в конце первого года, после того, как он принимает вертикальное положение. В этот момент ребенок начинает говорить, и я вспоминаю одно указание Рудольфа Штайнера (не помню, в каком именно докладе), где он сказал, что попугай вообще может болтать лишь потому, что у него позвоночник находится в вертикальном положении.

Участник:

— Я думал, что это связано с гортанью.

Доктор Кёниг:

— Ни в коем случае. Попугай ведь никогда не говорит гортанью. Ни одна птица не говорит и не поет гортанью. У них есть совершенно другой орган. Посмотрите, если здесь у нас воздушная трубка, то у человека гортань находится выше. У животных тоже, только гораздо мень-

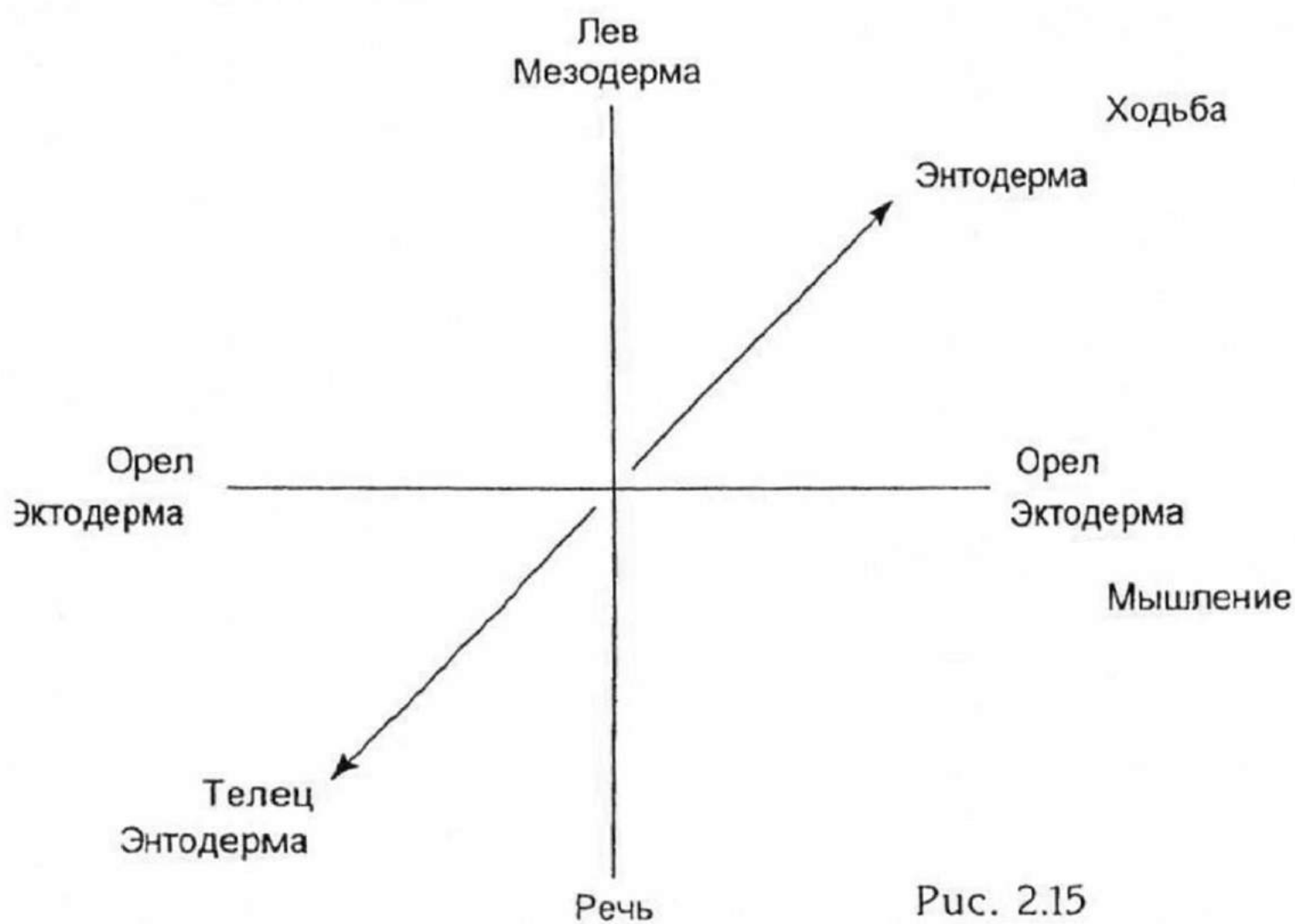

Рис. 2.15

шего размера. Затем эта воздушная трубка разветвляется, и у птиц здесь развивается орган, похожий на волынку — *Syrinx*. Птицы поют именно с помощью этого органа. Они дудят. А попугай говорит клювом и языком. Но вы опять-таки замечаете: это верх и низ. Воздух бродит, и это все. Но это тоже еще не ответ, это один из многих ответов.

Участник:

— *Связаны ли право и лево с восприятием, с наблюдением?*

Доктор Кёниг:

— Право и лево прежде всего связаны с тем, что наши глаза способны перекрещиваться, и в этом направлении мы получаем затем из восприятий представления. В тот момент, когда это происходит, начинается процесс мышления. При изучении мозга, являющегося органом мышления, видно, что последний не столько ориентирован на право-лево-симметрическое, сколько на реализацию связи между правым и левым. В мозге имеется особый орган, так называемое мозолистое тело, задача которого состоит лишь в одном: осуществлять связь между обеими полушариями мозга. Оба нервных канатика проходят справа на левую сторону, и с левой стороны — на правую. Когда вы, например, видите, как глазные нервы перекрещиваются и затем уходят назад, то все это связано со взаимодействием между правым и левым, то есть с мышлением. В речи дело обстоит так, что здесь (см. рис. 2.15) образуется слово, снизу — я следую описанию Рудольфа Штайнера — в слово вливается чувство, а сверху в него опускается мышление, и здесь у нас снова верх и низ. То, что движение вперед и назад представляет собой хождение — это ясно. То, что переваривание пищи осуществляется спереди назад, связано также с тем, что рот у нас находится

спереди, а заднее отверстие — сзади. И величайшим чудом является положение сердца, чья ось совершенно точно гармонизирует все три пространственных направления; ось сердца проходит в направлении от заднего верхнего правого в сторону переднего нижнего левого. Благодаря этому, когда человек говорит, Лев, Орел и Телец находятся в гармонии.

Участник:

— Мне не совсем ясна другая проблема. Вы соотнесли эктодерму с правым-левым, а мезодерму с верхом-низом. Но ведь как раз у органов мезодермы преобладает параллельность.

Доктор Кёниг:

— Вы имеете в виду симметрию?

Участник:

— Собственно, также и право-лево.

Доктор Кёниг:

— Да, но я говорил, что эта симметрия возникает потому, что она естественно адаптируется и к эктодермальному процессу. Вы должны обращать внимание на процесс формирования, а не на конечный результат. Смотрите, как, например, группируются почечные канальчики: один за другим, и естественно, справа и слева, поскольку иначе не выходит. Но здесь существенным мне кажется не право и лево, а метамерия. Поэтому я вам рассказывал, как, например, мочеточник растет снизу вверх, и затем захватывает метанефроз, т.е. почечную ткань, — тут у нас снова это направление. При опускании про- через мезо- к метанефрозу — снова это направление. При опускании яичка — снова это направление. Они в то же время симметричны, но не это существенно.

Участник:

— Можно сказать, каждая сфера испытывает влияние другой сферы и благодаря этому изменяет направление?

Доктор Кёниг:

— Я полагаю, у человека это связано с тем, что мезодерма возникает солнечной, но охватывается и пронизывается эктодермально-нервно-лунным, и в этот момент возникает двухсторонняя право-лево-симметрия. Это существенно. Поэтому, не правда ли, так бросается в глаза то, что почки, половые органы, мышцы и кости являются двухсторонне-симметричными, — это внедрение того, что действует в нервной системе. Это, на мой взгляд, одна из причин распространения мнения, что нервы приводят в движение мышцы.

Участник:

— Действительны ли эти три принципа: эктодермы, энтодермы и мезодермы, ведущие к определенному росту, формированию и расширению, в той же форме свойственны и для животного царства?

Доктор Кёниг:

— Да, точно так же. Только направления различны.

Участник:

— Но если это так, то человек должен отличаться от животных лишь тем, что в животном царстве отсутствует мезенхим.

Доктор Кёниг:

— Нет, он присутствует.

Участник:

— В чем же тогда разница?

Доктор Кёниг:

— Видите ли, животное, большей частью, обладает всем тем, чем обладает и человек. Человек отличается ведь не из-за того, что у него чего-то больше или меньше, — человек отличается не благодаря «что», а благодаря «куда». Без мезенхима не было бы ни одного животного, поскольку это пра-субстанция. В каждом животном проглядывает человек. Но человек проникает в животное не так глубоко для того, чтобы в последнем пробудилось мышление, речь и хождение. И мы должны теперь спросить, что же представляет собой мышление, речь и хождение у животного? Это было бы верным исходным пунктом. А то мы говорим: они не должны иметь мезенхим, и думаем, что мы чем-то лучше.

Участник:

— *У меня еще один вопрос. Можно ли, рассматривая эмбрион, вообще говорить о верхе и низе?*

Доктор Кёниг:

— Ну, да. Знаете, там, где голова, — верх; по другому не получается.

Участник:

— *Сам по себе человек ведь склонен держать голову опущенной, и только благодаря эволюции он ее выпрямляет. Когда это происходит в эмбриональном развитии?*

Доктор Кёниг:

— Эмбрион сохраняет эту форму приблизительно до второго месяца. Затем он развивается немного, но, в принципе, остается тем же. У него нет ни верха, ни низа, ни переда, ни зада.

Третий доклад

П

Дорогие друзья!

Попробуем еще раз коротко остановиться на том, что говорилось ранее, а затем двинуться дальше и поставить заключительную точку на эмбриональном периоде, рассмотрению которого мы посвятили нашу встречу. Прежде всего, еще раз проследим, как образование зародышевых листков, действительно, исходит, изливается и формируется из четырех первопринципов, о которых говорил Рудольф Штайнер. Из тех четырех первопринципов, из которых получает свой облик человек: *Лев, Телец, Орел и Человек*. И когда мы произносим эти слова, перед нами встает зодиакальный круг, и мы знаем, что из этого зодиакального круга в четырех противоположных направлениях излучаются на Землю эти мировые формы, — образующие, формирующие человека и придающие ему человеческий облик. Вы понимаете, что в пределах этого становления они обнаруживаются еще раз. Но чем дальше в своем становлении продвигается человек, чем больше становится эмбрион, превращаясь в зародыш и затем в младенца, тем меньше остается от того, что было изначально, и что мы могли бы верно описать. И если мы себя спросим, где в человеке сохранились те четыре принципа, о которых мы в состоянии говорить лишь намеками, то существует лишь один ответ: в каждом из нас они сохранились в виде так называемых групп крови. В группах крови — я не хочу сейчас углубляться в то, какой группе крови соответствует какой принцип — еще действует остаток того, что в нас когда-то было Орлом, Львом, Тельцом и Человеком. Это стало скрытым. Но это становится явным как раз в тех формах и явлениях, которые мы описывали в предыдущий раз, прослеживая их

влияние вплоть до становления органов. Подумайте только о значении того, что теперь у нас есть возможность увидеть действие эктодермальных сил Орла в образовании право-лево-симметрии, действие мезодермальных сил Льва в образовании метамерии, и действие энтодермальных сил Тельца в направлении перед-зад. Дорогие друзья, так, благодаря четырем зародышевым листкам — пра-животным, формируется человек. Мы в это время, так сказать, Сфинксы. Это серьезное высказывание. Все, что мы могли обсудить в прошлый раз, когда описывали мировое развитие на основании Генезиса при образовании полых органов (Hüllenorgane), когда грехопадение происходило с образованием примитивной ямки, и «Я» в форме этого пальца выражало центральный стержень всего процесса становления человека, — все это еще раз предстает перед нами в третий послеатлантический культурный период в образе Сфинкса, так что вы, по меньшей мере, могли получить образное представление того, о чем идет речь. Наверное, вы позволите мне здесь немного сказать и в парантезе (Paranthese). В наше время для людей, которые хотят это видеть, Сфинкс также представлен в особой архитектурной форме. Недалеко от Базеля, где находится Гётеанум, стоит редкостная фигура здания котельной. Не знаю, видели ли вы это здание, но если вы посмотрите на него, то увидите ни что иное, как современную метаморфозу того, чем во времена древнего Египта являлся Сфинкс. Это можно увидеть — и мы об этом еще вкратце скажем, — только если вжиться в процесс формирования растущего и развивающегося эмбриона.

Теперь же мы обдумаем следующее. Дорогие друзья, то, что происходит до семнадцатого дня, составляет, единственно и только, взаимодействие физического зародыша, приготовленного родителями, и того, что я в последний раз описывал, представляя высказывания Рудольфа Штайнера, как духовный зародыш. Духовный зародыш представляет собой ни что иное, как праобраз человеческой формы (Menschengestalt). Этот праобраз начинает действовать уже с полуночного часа жизни (Mitternachtstunde), чтобы образовать центральный пункт для инкарнации развивающейся личности. Иерархии, человеческие души, связанные с этой личностью, а также ее ангел и архангел, — все они подготавливают теперь ее

судьбу, влетаая посредством всего мирового космоса этот духовный зародыш в ковер жизни и Кармы. И проходя планетные сферы от Сатурна через Солнце, Меркурий, Венеру, это «Я», первоначально достигавшее величины вселенной, облаченное в астральное тело и духовный зародыш, становится все меньше и меньше. Наконец, оно входит в сферу Луны. Здесь, в момент, когда совершается физическое оплодотворение, духовный зародыш отделяется от «Я» и астрального тела. Благодаря этому образуется вакуум, что побуждает теперь другую группу существ, пребывающих на Луне праучителей человечества, из света и тепла, из звука и жизни сплести эфирное тело и соединить его с этим человеческим существом. Мы можем, таким образом, представить: внизу, на Земле, в материнской утробе совместно действуют теперь физический и духовный зародыши. Духовный зародыш несет в себе не индивидуальное, он несет в себе общий образ человека. Этот образ в виде духовно-физической формы — то есть не материальной, а физически сотканной из духовного вещества — имплантируется в физический зародыш. Это происходит в теле матери и является повторением Гenezиса становления земного человека, при котором смешиваются земные и небесные субстанции. В то же время, когда это осуществляется в матке, лунном органе женщины, в те, можно сказать, священные 17 дней нашего существования, которые как некая грандиозная увертюра дают начало всякому земному существу, в лунной области мира с помощью колонии лунных учителей происходит объединение эфирного тела, астрального тела и «Я». И в тот момент, когда происходит повторение Шестого Дня Творения, когда звучит призыв: «Сотворим Человека...», — в этот момент на Землю опускается само существо человека, состоящее из «Я», астрального тела и эфирного тела. Таким образом, подготавливается первое жилье для существа, которое, в расчете на земное время, целые столетия жило в мире, не зная ни пространства, ни времени. Там нет ни верха, ни низа, ни права, ни лева, ни перед, ни зад в нашем понимании — там все находится в постоянном брожении, там есть момент, и есть вечность, и в них живут эфирное, душевное и духовное. Но теперь, внизу, возникает нечто субстанционально-земное, и обе эти составляющие, небесная и земная, должны теперь соединиться.

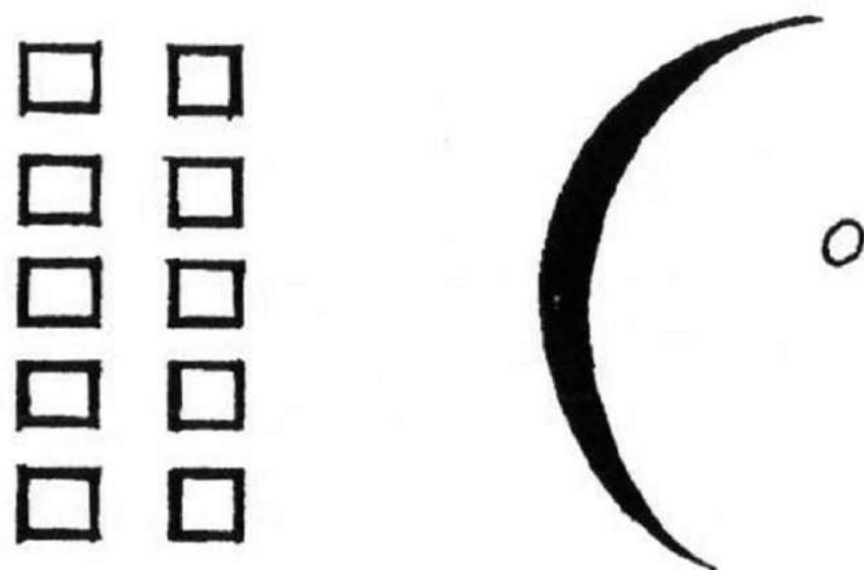
Дорогие друзья, то, что мы сегодня можем говорить, ходить, думать и прочее, что требует и не требует наше земное бытие, — всего этого не было бы, если бы не происходило того, что осуществляется в короткий промежуток времени эмбрионального развития между семнадцатым и сороковым днем, то есть во втором акте драмы. Смотрите, мне не нужно пририсовывать сюда «Я», оно включается теперь в окружение этого материнского дома. И это — хорион. А из этого хориона постепенно, шаг за шагом, образуется та структура, которую мы называем плацентой. Если мы попытаемся ее описать и представить, то станет очевидным, что эта плацента является ни чем иным, как отображением Солнца. И там внутри обитает существо «Я» инкарнирующей индивидуальности. Подумайте только, дорогие друзья, что бы это значило, если бы эти образы могло воспринять все большее и большее количество людей, а именно, что «Я» моего будущего ребенка, всех будущих детей, живет в продолжении десяти лунных месяцев беременности, словно в пламени, в солнце плаценты. Тот, кто знаком с витражами первого Гётеанума, вспомнит этот образ. Ведь, все это там изображено. Астральное тело живет в ритмах амниона — там, где ритм образующейся и распадающейся амнионной жидкости вплетает «Я» в солнце плаценты, где «Я» не субстанционально, и астральное тело не субстанционально. «Я» находится в плаценте, но не в ее физическом пространстве, а в том, что из нее солнцеобразно излучается в виде тепла и пламени; астральное же тело постоянно окружает формирующийся эмбрион в ритме амнионной жидкости. А эфирное тело вселяется в образующуюся эмбриональную форму. Эфирное тело теперь само принимает участие во всем том, что является формированием зародышевых листков. И благодаря этому создается возможность постепенного преобразования космического бытия в земное. Видите, то, что я вчера такое большое значение уделял теме верх-низ, право-лево и перед-зад, связано с тем, что здесь теперь возникает возможность получения пространственного опыта, и прежде всего, для эфирного тела. Это эфирное тело начинает вписываться в верх-низ мезодермы, хотя там еще нет никакого верха и низа; оно делает это предчувствуя (ahpend). Оно включается в то, что когда-то ста-

нет передом-задом энтодермы, которая зачаточно уже несет в себе нечто от направления, и начинает также вчлняться в смутно-неопределенную форму симметрии эктодермы. Надо попытаться прочувствовать, как эти силы становления, образованные из света, звука и жизни, вчлняются в субстанцию, как теперь свет познает тьму, как жизнь встречает смерть субстанции, и как все это смешивается в измерениях перед-зад, верх-низ, право-лево. Видите, так поступенчато формирует себя эфирное тело. Поскольку во все то, что получается из становления субстанции, из сил памяти земной и человеческой эволюции, во все то, что добавляется иерархиями, а также Львом, Орлом, Тельцом и Человеком, — во все это должно теперь войти ставшее индивидуальным эфирное тело. Оно должно вползти во все это и стать земной пространственной формой. Это принуждение (Zwang).

Теперь, астральное тело, которое ведь является звездным телом, первоначально выработанным всем космосом, — оно, спускаясь на Землю, становится все меньше и меньше, и теперь в ритмах начинает испытывать то, что является переживанием времени; не сегодня и завтра, не год и день, а то, что действует в основе всего временного, — а это ритм. В этом образовании и распаде амнионной жидкости, в этом омывании эмбриона снаружи и приливах и отливах в области головного и спинного мозга внутри, именно в ритме, а не в жидкости, астральное тело входит во временное. Дорогие друзья, отражая эфирным телом переживания пространства, а астральным телом — переживания времени, «Я» начинает пробуждаться для той земной школы, которую подготовил для него весь космос.

Вчера я показывал вам картину сомитов (Somiten) (Рис. 2.16). Как вы думаете, что это значит, если начинают рассматривать такие кубы — ведь это просто кубики, расположенные один за другим, — причем рассматривать в собственном физическом теле? Видите, это уже земная форма, и мезодерма должна приложить невероятное усилие для того, чтобы вписать себя в такие кубические формы. Это такие же кубики, с которыми играют наши дети. В первый же раз «Я» переживает это именно здесь. «Я» чувствует, как из зачатка легких постепенно формируется окружность, оно

начинает переживать центр и периферию. Затем, когда формируется мозг, оно переживает симметрию этого процесса формирования. Теперь мы смотрим не через микроскоп, мы смотрим глазами покоящегося в плаценте «Я». И тогда видно: здесь возникают переживания «Я», и эти переживания — сновидчески, предчувствующе — обуславливают то, что духовный мир перед «Я» закрывается. Свет, который мы переживали в духовном мире, встречи, которые мы там переживали, — все грандиозные впечатления от окружавшего нас духовного мира должны исчезнуть, забыться, чтобы человек смог стать земным существом.

Сомиты

Рис. 2.16

Лёгкое

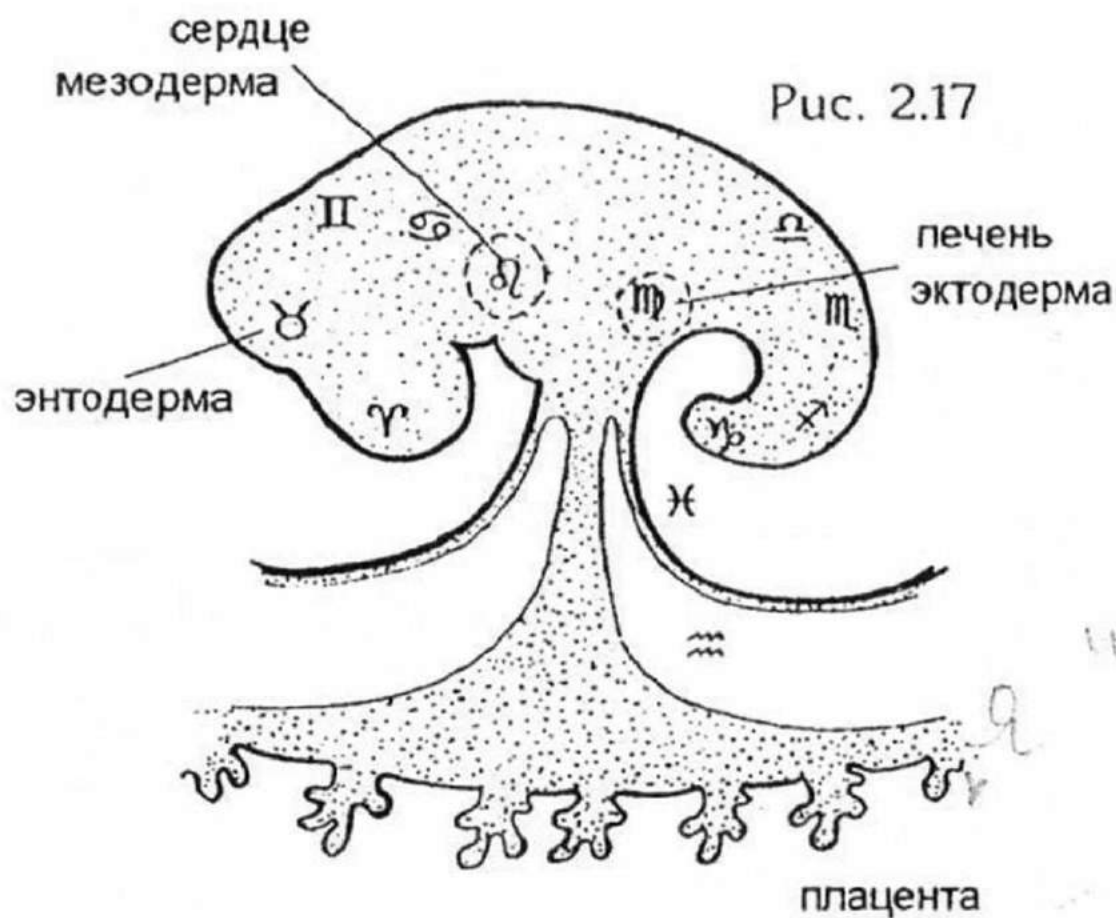
Дорогие друзья! Только изучение эмбриологии может дать нам подобный опыт. Это он вводит нас в земное. И после того, что я попытался вам описать до этого, вы сможете лучше понять то, что я скажу вам сейчас. По сути, мы должны быть музыкантами, мы должны быть архитекторами, мы должны быть эвритмистами, геометрами, математиками, чтобы понять то, что происходит в этот короткий промежуток времени, в эти 23 дня становления зародышевых листков и возникновения органов. Но на сороковой день, когда этот процесс подходит к концу, мы все еще не имеем дело с человеком. Мы имеем здесь дело лишь с предчувствием человека. Но это предчувствие образуется как раз из вселенской музыки, из вселенской архитектуры, из вселенской эвритмии, из вселенского Логоса, из вселенской математики, из все-

ленской геометрии. И смотрите: эмбриональная форма теперь лепится, поскольку это ведь работа гончара, которая видна, например, при формировании гортани, при формировании желчного пузыря, осуществляемого на гончарном круге печени, при чеканке бокалов и чаш почечной лоханки. Но она не только лепится, она плетется: формируется хрящевая субстанция, плетется костная субстанция, как ковер выплетается соединительная ткань. Здесь представлены все ремесла. И лишь когда мы это поймем, придет знание: в этот двадцать третий день закладывается, собственно, вся последующая деятельность человека в своем теле. Дорогие друзья! Ведь мы не смогли бы вылепить даже маленький кувшин, не смогли бы сплести даже маленький коврик, не смогли бы обрабатывать дерево, придавать материи форму, если бы все это уже не было в нас заложено. Отражение этого вы увидите в библейской истории рода Каина — в том, как там описаны трое сыновей и дочерей Каина: один кует железо, другой делает музыкальные инструменты, третий живет в доме, то есть строит дома и разводит животных. Они ведь не являются первыми людьми, которые ввели эти ремесла, но все это закладывается в зародыше. Так возникает первый облик того предка человека, которого я хотел бы вам сейчас изобразить.

Если мы взглянем на эмбрион в конце второго акта драмы, то он выглядит как огромная голова с невероятно большим лбом (Рис. 2.17). Все это поначалу еще голова. Здесь проходит спинной мозг, заканчивающийся хвостиком. Здесь располагается первичный вихрь (Urwirbel), уже достигший середины, и образующиеся костная и мышечная ткани, формирующие приблизительно 50-60 симметричных и метамерных структур. Лицо здесь еще отсутствует. А внизу теперь мы находим огромное утолщение. Если бы вы посмотрели на него извне, если бы вы его раскрыли, то увидели бы совершенно редкостное образование, состоящее из нескольких вставленных друг в друга форм, и вы увидели бы, как через это образование струится кровь. Это — сердце. К нему примыкает другое мощное образование — печень. А сюда, внутрь, входит пуповина (учтите, пожалуйста, что это изображение схематично). Ну, а внутри — бурлящая, растущая жизнь. Здесь повсюду начинают

формироваться кровеносные сосуды: в мозгу, вокруг сердца, в печени, вдоль позвоночника. Но вы видите, у нас тут, так сказать, трое животных: энтодерма, Телец; мезодерма, Лев в сердце, и эктодерма, Орел в этой форме.

Дорогие друзья, вы видите здесь тот же принцип, ту же формирующую тенденцию, которую мы обнаружили в амнионе, когда тот становится все больше и больше, а желточный мешок и аллантоис более или менее съедаются. Вы видите также, как мощно раскрывается эктодерма, которая принадлежит амниону, и, так сказать, принадлежа и соответствуя амниону, она осуществляет

то, благодаря чему затем освобождается место для сердца и печени. Что это значит? Это значит, что теперь происходит следующее. Здесь, чисто схематически, находится плацента (см. рис. 2.17). Здесь находится «Я». Ни одно животное не обладает такой плацентой, даже обезьяна. У обезьян, например, есть две плаценты по обеим сторонам. У хищников — так называемая кольцевидная плацента, поскольку они являются промежуточными животными. Описанию различных форм плаценты млекопитающих можно было бы посвятить целое занятие. Но в этом солнечно-подобном, — там сидит «Я», и астральное и эфирное тела дарят

ему первые земные переживания. Теперь, здесь выдается вперед эктодерма. Дорогие друзья! Вы можете видеть, что образующееся здесь указывает на реинкарнацию, поскольку Рудольф Штайнер показал нам совершенно ясно: корпус и конечности — не голова — одной инкарнации преобразуются, метаморфозируются, превращаясь в голову следующей инкарнации. Теперь, в этом огромном головном существе все наследственные элементы, а именно, то, что я вложил в мое эфирное тело в виде пакета наследственности в лунной сфере, становятся моими собственными. Таким образом, поначалу я представляю собой ни что иное, как голову, но естественно, начинает вступать в свои права и Земля. Поэтому она добавляет сердце, печень, а на этих двух местах возникают плавнообразные зачатки конечностей. Это то, что пытается теперь развиться из зачаточных листков. И в этом живет теперь то, что эфирное тело получило от Луны. Ведь, теперь вы видите в различных местах человеческого облика и Овна, и Тельца, и Близнецов, и Рака, и Льва, и Деву, и Весы, и Скорпиона, и Стрельца, и Козерога, и Водолея, и Рыб. «Я» должно получить еще дальнейший опыт.

Дорогие друзья, мы сейчас попытались сопережить то, что испытывает инкарнирующее существо, сталкиваясь с теми формами и образованиями, которые выносятся ему навстречу во втором акте эмбрионального развития. Это значит, что наше существо, то есть эфирное тело, астральное тело и «Я», должно теперь иметь дело со всем, что после рождения становится переживанием пространства и времени. Сейчас в этом инкарнационном процессе это существо все переживает без света, без внешнего проникающего через глаза и кожу света, но в каждой клетке матки уже присутствует духовный свет, — без самостоятельного управления потоком дыхания, без какого-либо испытывания тяжести. Тяжести, которая обычно пробуждает волю, еще нет, поскольку эмбрион парит в матке, подобно парящему в своей капсуле астронавту. Он не дышит, и благодаря этому не разбужено чувство. На него не падает свет снаружи, и поэтому в нем еще не пробуждено мышление. Все это представляет собой еще процесс, становящееся видимым воспоминание того, что когда-то было

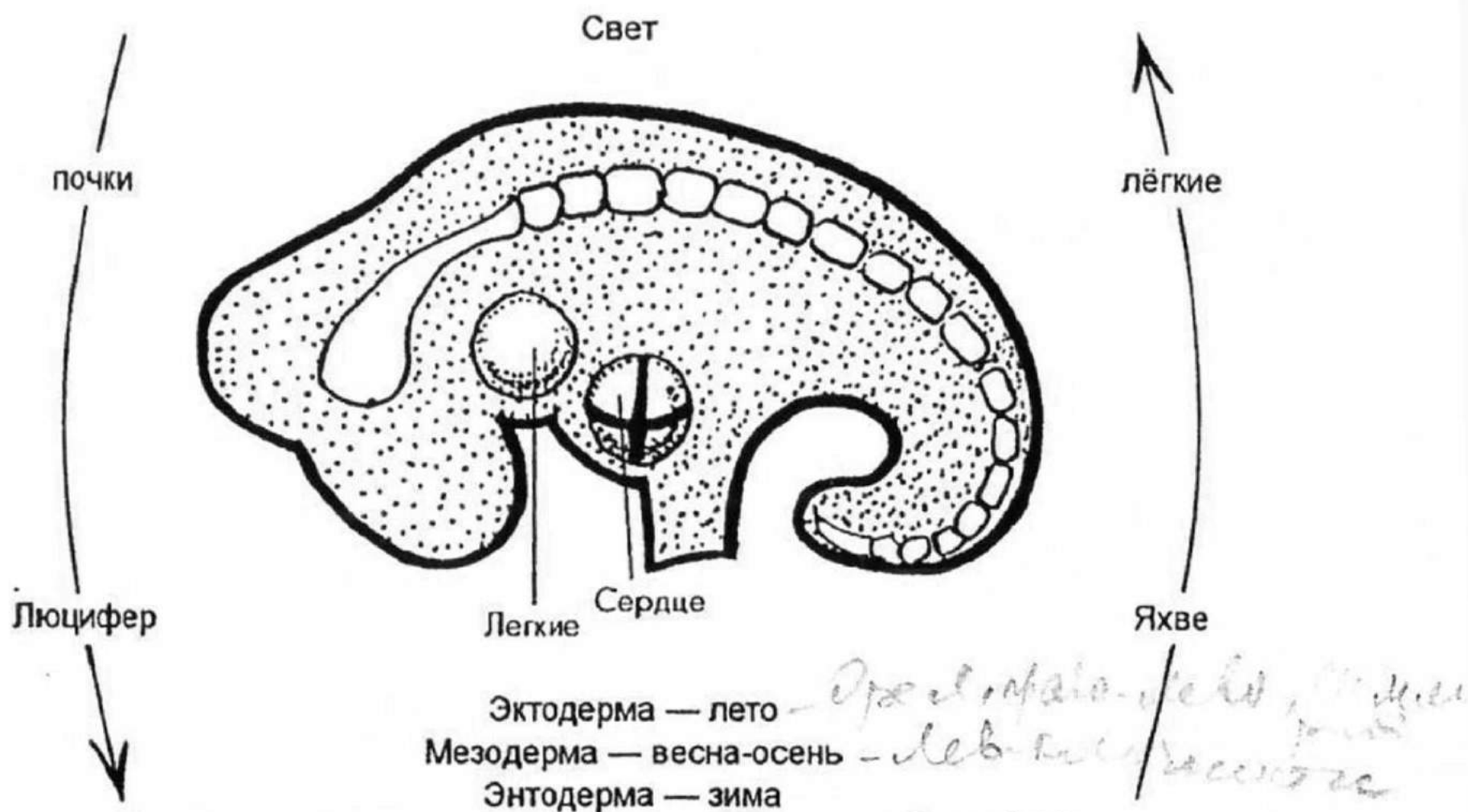

Рис. 2.18

космическим переживанием. Но то образование, о котором я вам говорил, стирает теперь воспоминания прошлого, стирает воспоминания о духовном бытии. И теперь должны искаться не время в ритме и не пространственные переживания в направлениях, а должна предощущаться Земля как звезда, Земля как планета. Но как это достигается? Что вообще представляет собой Земля? Она переживается нами благодаря тому, что мы ощущаем нашими членами тяжесть, нашей грудью мы ощущаем поток дыхания, и нашей головой мы ощущаем свет, — там все это произойти никак не может. Но там происходит нечто другое, и я хотел бы вам это описать, поскольку сюда входит вся шкала переживаний между 17-ым и 40-ым днем. Ведь мы должны рассматривать не только формы в их механическом развитии, но мы должны считаться с самим существом, которое сталкивается с этим формообразованием.

Итак, я еще раз делаю набросок эктодермы-Орла, и затем — всепронизывающей мезодермы (посмотрите, сердце выглядит в это время еще по-другому, оно еще не четырехкамерное) (Рис. 2.18). Здесь у нас будет печень, здесь — кишечник, а здесь начинают

разворачиваться легкие. Это нечто троичное. А здесь, дорогие друзья, — Земля. Поскольку вся нервная система, головной и спинной мозг пронизаны, в основном, образованиями внутреннего света. И если попытаться пережить то, что Рудольф Штайнер описывал на основании своего собственного внутреннего опыта, можно с определенным правом произнести: несмотря на то, что возникшая нервная система закладывает в нас зерно смерти, здесь обитает летний свет. Здесь все искрится, здесь все пылает, сверкает, здесь все стало зрелым, здесь всю Землю охватывает лето, так что мы можем сказать: в эктодерме мы переживаем не только право-лево, не только симметрию, — здесь мы переживаем также Землю летом. Правда, на севере и юге Земли — наоборот, но это ведь не играет никакой роли. Если мы возьмем теперь мезодерму, то нетрудно заметить, что она постоянно несет в себе нечто двойственное. На одной стороне она соединена с конечностями, но, в то же время, она несет в себе энтодерму. Она формирует сердце, формирует кровяные сосуды, но она содержит в себе также и все то, что связано с сексуальной системой. Она представляет собой, собственно, ту организацию, в которой особенно сильно запечатлено воспоминание о грехопадении. Эта мезодерма, сердцем или конечностями, или всем остальным, вызывает переживание весны и осени. И теперь уже не так сложно отнести остаток в виде энтодермы к зимнему. Конечно, теперь появится множество вопросов, но я хотел бы сейчас развить эту тему только с одной стороны. В продолжении одного курса невозможно все объяснить до конца, — я хочу указать лишь на некоторые вещи, чтобы заложить основы, с которыми можно было бы работать дальше. Смотрите: лето, несущее в себе теперь весь зодиакальный круг, так сказать, окружает то, что оживает как весна и осень в мезодерме, а в глубине — зима энтодермы. Что я имею в виду под этой зимой энтодермы? Здесь трансформируется вещество. Ведь вся энтодерма представляет собой аппарат для преобразования веществ. Она полностью, так сказать, отдается тому, что преобразует вещество, — все равно, происходит это в печени, в кишечнике или какой-нибудь другой части пищеварительного аппарата. Но это все по-настоящему происходит зимой, когда семена

растений оплодотворяют землю. Земля — это мать, в которой зимой преобразуется то, что попадает в нее до этого. Схожее зимнее переживание живет в энтодермальной структуре, которую мы несем в себе, — от рта до заднего отверстия. Вот что важно при этом. Кишечник, например, в том виде, в каком он возникает поначалу на поверхности желточного мешка, не имеет ни рта, ни заднего отверстия. Видите, как полярно противоположно такое становление тому, что я вам вчера описывал как гастралу, где открытие рта, являющегося одновременно задним отверстием, имеет место с самого начала. Здесь закладывается система преобразования веществ. Она уже функционирует. Но она является лишь второстепенной, поскольку, ведь, в божественные планы творения не входило то, что человек должен принимать и выделять пищу. Еще в начале лемурийского периода принятие пищи являлось одновременно дыханием, осуществляемым без каких-либо отверстий в теле. Понимаете, что я имею в виду? Ведь, это полное искажение, когда думают, что человек просто жрун (Fresser). Он стал им, он сам себя им сделал. Но он не должен был им стать. Человек ведь не должен был и говорить. Человек должен был прислушиваться, выражать себя телом, дышать, то есть он должен был жить в световых вибрациях бытия, излучая и сплетая цвета. Этого не произошло, потому что нас искусил змей, которого мы постоянно в себе носим, и который поднял нас до «Я». И в последствии этого искушения кишечник раскрылся с одной стороны как рот, а с другой стороны — как заднее отверстие. Но кишечник, печень, легкие, все эти органы представляют собой зимние, трансформирующие субстанцию процессы. И это мы как раз и узнаем, углубляясь в эту эмбриональную форму. Мы узнаем также осень и весну в мезодерме между верхом и низом, в образующейся метамерии, которая весенне пускает ростки мышц. И между ними, тоже как мышца — сердце, которое, преобразуясь, приобретает форму креста, чтобы нести в нас и смерть. И точно так же в формировании почек мы испытываем спуск. Это будет осень. Дорогие друзья, доктор Хиллрингхауз рассказывала нам о внутренних переживаниях, связанных с почками. Я позволю себе к этому кое-что добавить: так, в наше время, около 40 лет назад, писали очень

мало стихов о весне, почти всегда — только об осени. Осень стала тогда мощным переживанием. Все это исходит от почек. Это так, потому что почки делают возможным внутреннее пробуждение. Хотя снаружи темно, в человеке возникает свет. Но в этом тоже двойственность — возникает ощущение покинутости. Но, одновременно, возникает возможность наполнения духом. И мы обращаемся, так сказать, к духу осени, к Михаилу, поскольку в конечном итоге мы познаем мир как мудрость, которая живет во всем, что представляет собой эктодерма. И если мы хотим к этому добавить еще что-то, то, со ссылкой на Рудольфа Штайнера, мы можем сказать: Земля — это кругооборот между летом и зимой, между весной и осенью, как его осуществляют окружающие Землю архангелы. Все это мы переживаем здесь как Уриила-Орла, Рафаила-Человека, Михаила-Льва и Гавриила-Тельца. Это те переживания, которые мы имеем в это время. Переживая смену времен года в наших зародышевых листках, мы начинаем последовательно узнавать четырех архангелов, под воздействием которых мы живем. В то же время мы узнаем то, что также имеет место в это время, и на что я уже указывал вчера, а именно: мы узнаем, что почки опускаются, а легкие, наоборот, поднимаются, и что в виде почек мы несем в себе воздействие Люцифера. А то, что в противовес этому поднимается в виде легких, является воздействием Яхве. Таким образом, вместо того, чтобы иметь легкие внизу, а почки вверху, мы несем в себе — через диафрагму, как следствие грехопадения — то движение, благодаря которому, — и не раньше, — сердце должно принять четырёхкамерную форму (в отличие от того, что я изобразил на предыдущем рисунке, где был еще своего рода шланг, через который протекала кровь). Возникает земной крест, который теперь устанавливается так, как я показывал это вчера, и который, действуя в направлении сзади-верх-право к лево-вперёд-вниз, гармонизирует пространство и определяет нашу судьбу. Вот это я еще хотел добавить, прежде чем мы встретимся в следующий раз.

Примечания

«Эмбриология и возникновение мира»

Шесть лекций, прочитанных в рамках двух субботне-воскресных семинаров средневропейского института во Фрайбурге-Брайсгау.
Учебный материал по медицине

(«Embryologie und Weltentstehung»)

Sechs Vorträge, gehalten anlässlich zweier Wochenendseminare des Mitteleuropäischen Studienwerks Freiburg im Breisgau.
(Studienmaterial zur Medizin)

Часть 1

1. Под «констелляцией» в данном случае понимается определенное расположение (планет).
2. Франкирующие, означает примерно «обозначающие».
3. Религиозное реформаторское движение конца XVII - начала XVIII столетия внутри протестантства.
4. Христиания — прежнее (до 1924 г.) название столицы Норвегии г. Осло.
5. Инвагинация (мед.) — вдавление частей кишечника друг в друга.
6. Под высшими животными обычно понимаются млекопитающие. Остальные, соответственно, — «низшие».
7. Индийский термин, обозначающий «междувременье», когда один цикл заканчивается и все исчезает, а следующий цикл еще не начался, то есть, еще ничего не появилось.
8. Индийские термины, обозначающие планы духовного мира.
9. Gestalt (нем.) = образ, форма.
10. В оригинале: «Das ist das **Ich** (я), das **I** (первая буква слова Ich)». Здесь речь идет о форме, напоминающей палец, то есть букву «I».
11. «Das andere Wasser heisst Githon, das fließt um das ganze Mohrenland». Ср. с Быт. 2:13 — «Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш».
12. В оригинале употребляются два слова, которые переводятся одинаково: первое «beginnen» (начинать), второе — «Uranfang» (биб-

лейское Начало, праначало).

13. Великие посвященные, положившие начало всей древнеиндийской культуре.

14. Под «Ариманом» в Антропософии понимаются «падшие» духовные существа из иерархии Архангелов. Это вторая сторона «Зла» (первая: «Люцифер» — падшие духовные существа из иерархии Ангелов). Цель Люцифера — оторвать человека от Земли (есть только духовное, материя — иллюзия). Цель Аримана — привязать человека к Земле (материализм: духа вообще нет. Все — виды материи). Обе силы становятся злом только при нарушении равновесия в пользу одной из них (на самом деле, наша жизнь — метания от одного к другому. Христос — это середина, равновесие).

Часть 2

- 1 Соединительная эмбриональная ткань (прим. пер.).
- 2 Рассматриваемые одновременно (прим. пер.).
- 3 Рак.

Именной указатель

- Адамс (Adams) Джорж** — 14.
- Альдрованди (Aldrovandi) Улисс** (1522-1605), итальянский натуралист — 18, 19.
- Аристотель** (384-322), древнегреческий философ — 20.
- Баер (Baer) Карл Эрнст фон** — 22, 44.
- Вернер** — 62.
- Вольф (Wolf) Каспар Фридрих** (1734-1794), один из основоположников эмбриологии, заложил основы учения об индивидуальном развитии организмов — онтогенезе — 21, 22.
- Гарвей (Harvey) Уильям** (1578-1657), английский врач, физиолог, эмбриолог — 20.
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих** (1770-1831), немецкий философ, автор систематической теории диалектики — 59.
- Геккель (Haeckel) Эрнст** (1834-1919), немецкий биолог-эволюционист — 22-24, 60, 69.
- Гертвиг (Hertwig) Оскар** (1849-1922), немецкий биолог — 25.
- Гёте (Goethe) Иоган Вольфганг** (1749-1832), немецкий писатель и поэт, мыслитель и естествоиспытатель — 17, 21, 22, 106, 108.
- де Грааф, Ренье (de Graaf)** (1641-1673), нидерландский анатом и физиолог — 30, 31, 62.
- Дарвин Чарльз** (1809-1882), английский ученый, основоположник теории естественного отбора — 22, 23.
- Евстахио (Eustachio) Бартоломео** (ок. 1510-1574), итальянский анатом — 18, 19, 28.
- Иоанн XXIII**, римский папа (1881-1963) — 25.
- Карл V** (1500-1558), император Римской империи в 1519-1556 — 17.
- Карус (Carus) Карл Густав** (1789-1869), немецкий биолог, врач, психолог, натурфилософ эпохи романтизма, живописец-пейзажист. Открыл кровообращение у животных — 44.
- Коперник Николай** (1473-1543), польский астроном, мыслитель — 19.
- Кузанский Николай**, средневековый философ — 17.
- Кювье (Cuvier) Жорж** (1769-1832), французский зоолог, палеонтолог — 17, 21.
- Левенгук (Leuvenhoek) Антон ван** (1632-1723), нидерландский натуралист. Один из основоположников научной микроскопии — 20.

Леонардо да Винчи — 20.

Лютер Мартин (1483-1546), религиозный деятель Реформации в Германии. Перевел на немецкий язык Библию — 17.

Меккель (Meskel) Иоганн Фридрих (1781-1833), немецкий биолог — 22.

Микеланджело — 68.

Мюллер (Müller) Иоганнес Петер (1801-1858), немецкий естествоиспытатель и физиолог — 22.

Парацельс (1493-1541), врач и естествоиспытатель, один из основателей ятрохимии — 17

Сваммердам (Swammerdam) Ян (1637-1680), нидерландский натуралист — 20.

де Сент-Илер (de St. Hilaire) Жоффруа (1772-1844), французский зоолог, эволюционист, один из предшественников Чарльза Дарвина — 17, 21.

Фаллопий (Fallopio) Габриеле (1523-1562), итальянский врач и анатом. Описал ряд анатомичес-

ких образований, в т. ч. яйцеводы человека, т. н. фаллопиевы трубы и канал лицевого нерва — 18, 19, 28, 31, 40.

Хердер (Herder) Иоган Готфрид (1744-1803), немецкий философ, критик, эстетик, друг И. В. Гёте — 21, 22.

Хиллрингхауз — 116.

Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм (1775-1854), немецкий философ, представитель немецкой классификации идеализма — 59.

Штайнер Рудольф (1861-1925), австрийский философ, педагог, реформатор-практик, исследователь духовной природы окружающего мира. Основатель Антропософского общества — 14, 17, 23, 29, 31, 33-36, 38, 41, 45, 46, 62, 71, 74, 80, 86, 98, 100, 101, 105, 106, 113, 115, 117.

Штарк — 81.

Эккерман Иоганн Петер (1792-1854), личный секретарь И. В. Гете — 17, 21.

Библиография работ Карла Кёнига

Karl König / G. Arnim / U. Herberg: *Sprachverständnis und Sprachbehandlung* (Понимание речи и лечение дефектов речи). Stuttgart, 1978. Freies Geistesleben.

Karl König: *14 Gemeinschaftsspiele. Spiele zu den Jahresfesten* (14 видов общественных игр. Игры к праздникам времён года). Selbstverlag, 1986.

Karl König: *Adalbert Stifter und die Heilpädagogik* (Адаберт Штифтер и лечебная педагогика). Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 2. Jahrgang, 1955, 1 / Seite 42-55.

Karl König: *Autobiographisches Fragment* (Автобиографический фрагмент). Herausgegeben von Freundeskreis Camphill. Erhältlich durch die Heimsonderschule Brachenreuth 7770 Überlingen Privatdruck, 1979.

Karl König: *Camphill-Dorfkonferenz* (Кэмпхилл-конференция). Selbstverlag, 1979.

Karl König: *Das Geistig-Seelische des Kindes und seine Leibeshüllen – Zur Ursachenforschung* (Духовно-душевное ребенка и его телесные оболочки – к исследованию причин). In: *Der frühkindliche Autismus als Entwicklungsstörung* (Аутизм в раннем детском возрасте как нарушение развития). Herausgegeben von Hans Müller-Wiedemann. Stuttgart, 1981. Freies Geistesleben.

Karl König: *Das Menschenbild in unseren Dörfern* (Человеческий образ в наших подопечных). I. II. Vorträge Newton Dee, Januar 1962. Selbstverlag, 1978.

Karl König: *Das Menschenbild in unseren Dörfern* (Человеческий образ в наших подопечных). III. Selbstverlag, 1980.

Karl König: *Das Problem der Euthanasie* (Проблема эйтаназии). 2 Vorträge in Föhrenbühl im November 1965. Selbstverlag, 1965.

Karl König: *Das Problem der Euthanasie* (Проблема эйтаназии). Die Drei. Zeitschrift für Anthroposophie 33. Jahrgang, 1963, Nr. 5.

Karl König: *Dauerlähmungen nach Poliomyelitis und Umweltschädigung* (Длительный паралич после полиомиелита и поражение окружающей среды). Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 3. Jahrgang, 1957, 2 / Seite 12-30.

Karl König: *Der Mongolismus. Erscheinungsbild und Herkunft* (Монголизм. Явление и происхождение). Mit einem Beitrag über Behandlung und Erziehung mongoloider Kinder und Jugendlicher. Stuttgart, 1980. Hippokrates.

Karl König: *Die Camphill-Bewegung* (Кэмпхилл-движение). Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 12. Jahrgang, 1965, 2 / Seite 44-52.

Karl König: *Die Camphill-Bewegung (Кэмпхилл-движение)*. Manuskript-Druck, 1963.

Karl König: *Die Contergan-Katastrophe (Контерган-катастрофа). Die Frage nach dem verlorenen und Wiederzufindenden Leben*. Freiburg, 1963. Die Kommenden.

Karl König: *Die drei Grundlagen der Heilerziehung (Три основания лечебного воспитания)*. Weleda-Nachrichten, 1948, Nr. 45.

Karl König: *Die Geistgestalt Helen Kellers (Духовный облик Елены Келлер)*. Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 3. Jahrgang, 1956, 1 / Seite 1-18.

Karl König: *Die moderne Heilpädagogik als Soziale Frage (Современная лечебная педагогика как социальный вопрос)*. Vortrag aus dem Jahr 1963. Privatdruck. Herausgegeben von W. Kohl, 1967.

Karl König: *Ein weiterer Beitrag zum Problem der Anencephalie (Ещё одно замечание к проблеме анэнцефалии)*. Beiträge zu einer Erweiterung der Heilkunst. 11. Jahrgang. 1958, Nr. 3 / 4.

Karl König: *Eine heilpädagogische Dorfsiedlung für Jugendliche (Лечебно-педагогический поселок для юношества)*. Herausgeber: Dorfgemeinschaft e.V. Dürren. Dürren, ohne Jahresangabe.

Karl König: *Eine heilpädagogische Dorfsiedlung für Jugendliche (Лечебно-педагогический поселок для юношества)*. Vortrag in Berlin am 9.3.1962. Herausgeber: Dorfgemeinschaft Dürren, 1962.

Karl König: *Einige Gedanken zum Problem des Mongolismus (Некоторые мысли к проблеме монголизма)*. Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 5. Jahrgang, 1958, 1 / Seite 27-33.

Karl König: *Einige Gedanken zur architektonischen Planung von Heimschulen für Seelenpflege-bedürftige Kinder (Некоторые мысли по поводу архитектурного планирования интернатов для детей, нуждающихся в душевном уходе)*. In: Aspekte der Heilpädagogik. Aus der Arbeit der Camphill-Bewegung. Herausgegeben von Carlo Pietzner Stuttgart, 1969. Freies Geistesleben.

Karl König: *Einige Gesichtspunkte für die Behandlung gehirngelähmter Kinder (Некоторые точки зрения на лечение детей с параличом мозга)*. Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 2. Jahrgang, 1955, 1 / Seite 12-25.

Karl König: *Grundlegende Fragen der heilpädagogischen Diagnostik und Therapie (Основопологающие вопросы лечебно-педагогической диагностики и терапии)*. In: Aspekte der Heilpädagogik. Aus der Arbeit der Camphill-Bewegung. Herausgegeben von Carlo Pietzner Stuttgart, 1969. Freies Geistesleben.

Karl König: *Heilpädagogik als Aufgabe in unserer Zeit (Лечебная педагогика как задача нашего времени)*. Drei Vorträge in Berlin. Selbstverlag, 1967.

Karl König: *Heilpädagogik im Kindesalter (Лечебная педагогика в детс-*

ком возрасте). Beiträge zu einer Erweiterung der Heilkunst. 1959, 2 / Seite 79.

Karl König: *Heilpädagogik im Kindesalter (Лечебная педагогика в детском возрасте)*. In: Aspekte der Heilpädagogik. Aus der Arbeit der Camphill-Bewegung. Herausgegeben von Carlo Pietzner Stuttgart, 1969. Freies Geistesleben.

Karl König: *Heilpädagogische Diagnostik und Therapie I (Лечебно-педагогическая диагностика и терапия 1) – Die Stellung des Arztes zu Eltern und Kind (Позиция врача по отношению к родителям и к ребёнку)*. Medizin heute. 6 Jahrgang, 1957, Nr. 4.

Karl König: *Heilpädagogische Diagnostik und Therapie II. – Das mongoloide Kind (Монголоидный ребёнок)*. Medizin heute. 6 Jahrgang, 1957, Nr. 6.

Karl König: *Heilpädagogische Diagnostik und Therapie III. – Das autistische Kind (Аутичный ребёнок)*. Medizin heute. 7 Jahrgang, 1958, Nr. 2.

Karl König: *Heilpädagogische Diagnostik (Лечебно-педагогическая диагностика)*. 6 Vorträge vom 12.-18.5.1965 in Berlin. Arlesheim / Schweiz, 1972. Natura.

Karl König: *Heilpädagogische Diagnostik. Zweiter Teil: Epilepsie und Hysterie (Лечебно-педагогическая диагностика. Вторая часть: Эпилепсия и истерия)*. 3 Vorträge vom 8.-10.11.1965 in Berlin. Arlesheim / Schweiz, 1978. Natura.

Karl König: *Leben und arbeiten in der Camphill-Bewegung (Жить и работать в Кэмпхилл-движении)*. Zwei Aufsätze. Selbstverlag, 1966.

Karl König: *Leitbilder und Bildungswege der sozialen Arbeit (Ведущие образы и пути обучения социальной работы)*. Georg Müller, Züricher Forum, 1970.

Karl König: *Mignon. Versuch einer Geschichte der Heilpädagogik (Миньона. Попытка истории лечебной педагогики)*. In: Aspekte der Heilpädagogik. Aus der Arbeit der Camphill-Bewegung. Herausgegeben von Carlo Pietzner Stuttgart, 1969. Freies Geistesleben.

Karl König: *Sinnesentwicklung und Leiberfahrung (Развитие чувств и телесный опыт)*. Heilpädagogische Gesichtspunkte zur Sinneslehre Rudolf Steiners. Herausgegeben und um ein Kapitel erweitert von Georg von Arnim. Stuttgart, 1971. Freies Geistesleben.

Karl König: *Soziale Arbeit und Heilpädagogik (Социальная работа и лечебная педагогика)*. Natura, Zeitschrift zur Erweiterung der Heilkunst. Nachdruck 1981. 4 Jahrgang, 1929/30, Seite 274-287.

Karl König: *Spastische Kinder (Спастические дети)*. Die Drei. Zeitschrift für Anthroposophie. 28 Jahrgang, 1958, Nr. 5.

Karl König: *Sprache und Sprechen (Язык и речь)*. In: Sprachverständnis und Sprachbehandlung. Stuttgart, 1978. Freies Geistesleben.

Karl König: *Vom Sinn und Wert heilpädagogischer Arbeit (О смысле и цене*

лечебно-педагогической работы). Camphill-Brief. Weihnachten, 1965.

Karl König: *Von mongoloiden Kindern und Kretinen (О монголоидных детях и кретинах)*. Die Menschenschule. 32. Jahrgang 1958, Nr. 9.

Karl König: *Zum Problem der kindlichen Taubheit (К проблеме детской глухоты)*. Beiträge zu einer Erweiterung der Heilkunst. 4. Jahrgang 1951, Nr. 9/10.

Karl König: *Zum Problem der Kriminalität. Ein wichtiger Hinweis Rudolf Steiners (К проблеме преступности. Важное указание Рудольфа Штайнера)*. Das Seelenpflege-bedürftige Kind. 4. Jahrgang, 1957, 1 / Seite 32-36.

Karl König: *Zur Musiktherapie in der Heilpädagogik (О музыкальной терапии в лечебной педагогике)*. In: Aspekte der Heilpädagogik. Aus der Arbeit der Camphill-Bewegung. Herausgegeben von Carlo Pietzner Stuttgart, 1969. Freies Geistesleben.

Karl König: *Zur Musiktherapie in der Heilpädagogik (О музыкальной терапии в лечебной педагогике)* In: Erziehen und Heilen durch Musik. Herausgegeben von Gerhard Beilharz. Stuttgart, 1979. Freies Geistesleben.

Karl König: *Embriologie und Weltentstehung (Эмбриология и возникновение мира)*. Studienmaterial zur Medizin. Novalis Verlag, 1986.

Karl König: *Vorträge zum Heilpädagogischen Kurs Rudolf Steiners (Лекции к лечебно-педагогическому курсу Рудольфа Штайнера)*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 2000.

Karl König: *Die Mission des Gewissens (Миссия совести)*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1992.

Karl König: *Auferweckung und Auferstehung (Пробуждение и воскресение)*. Vier Ostervorträge. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1997.

Karl König: *Der innere Pfad (Внутренний путь)*. 7 Vorträge über Meditation und geistige Schulung. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1995.

Karl König: *Der Impuls der Dorfgemeinschaft (Импульс деревенской общины)*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1994.

Karl König: *Über die menschliche Seele (О человеческой душе)*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1992.

Karl König: *Bruder Tier (Брат зверь)*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1981.

Karl König: *Earth and man. (Земля и человек)*. Cover Design by Carlo Pietzner, 1982 by P.O. Box 253 Wyoming, Rhode Island 02898.

Karl König: *Die ersten drei Jahre des Kindes. (Три первых года жизни ребёнка)* Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben, 1997

Содержание

Предисловие -----	5
Эмбриология и возникновение мира. Часть I	11
Первый доклад -----	13
Второй доклад -----	27
Третий доклад -----	44
Эмбриология и возникновение мира. Часть II	63
Первый доклад -----	65
Второй доклад -----	87
Третий доклад -----	105
Примечания -----	118
Именной указатель -----	120
Библиография -----	122
Содержание -----	126

Карл Кёниг

Эмбриология и мировое развитие

Перевод В. Гончарова
Отв. за выпуск Д. Николаев
Редактор А. Ильин
Техн. редактор А. Казак
Художник Т. Стебловская

Издательство Антропософского центра социальной терапии
(лицензия ИД №00726)

Подписано в печать 18.09.2001.
Формат издания 60x84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 5,58.
Тираж 1500 экз. Заказ № 1784.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в РГУП «Чебоксарская типография № 1».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Эмбриология

1 месяц.

Два столба дорозовые брата эмбриологии.
Два столба, два направления массы, с кото-
рым переход к процессу становления и
одно направление - это предрешается,
другое неясно эмбриологии.

Эмбриология родилась между 1522 и 1524г.
В этом же году родился при итальянском
исследователем.

Уже Альбрехт Вальтер - разбив яйцо он решил
посмотреть, как в действительности форми-
руется и развивается эмбрион. Он увидел, что
никакой малюсенькой тушки внутри нет, а
присутствуют совершенно небольшие и неясные
формы, постепенно развивающиеся из почти
хлещущей ~~формы~~ массы.

Уже позже Фаллопий, исследуя родовые
пути эмбриона, обнаружил, что детское место
оболочка плода соединена с кровеносными
сосудами будущего ребенка.

Встают интересовавшиеся областью рта,
определить узлы, как развиваются зубы.
Фаллопий открыл желчную трубу, т.е. проток,
ведущий из внутреннего пространства матки в
область привздошной кишки.

В ближайшее время в Издательстве Антропософского центра социальной терапии готовятся к выпуску следующие издания:

Карл Кёниг

«Круг человеческих чувств»

Работа посвящена сенсиологии (науке о чувствах), где автор рассматривает 12 органов чувств, показывает их взаимосвязь с физическими органами и эмоциями человека.

Эве-Лис Дамм

«Я рисую»

Книга посвящена вопросам преподавания изобразительного искусства в Вальдорфских школах и рассказывает о нестандартных подходах к обычному уроку рисования, о возможностях диагностики состояния ребенка и терапевтической помощи посредством рисования. Поэтому она может быть полезна не только лечебным педагогам, но и всем тем, кто работает с больными детьми и пытается им помочь.

«Вдохновение добра»

В специализированном журнале представлены работы по вопросам лечебной педагогики и социальной терапии. Многие из публикуемых материалов впервые переведены на русский язык.

А. Ильин, В. Ильин

«Иная даль»

Своего рода экспериментальная книга — сборник творческих работ двух талантливых молодых авторов из Чебоксар: художника Виктора Ильина и поэта Александра Ильина. Замечательные стихи и необычные картины, дополняемые откровениями самих авторов о себе и о своем творчестве, открывают перед читателем внутренний мир этих двух необычных людей трудной судьбы.

Поле Надежды

Этот необычный журнал выпускается силами людей с ограниченными возможностями здоровья. Рисунки, стихи, рассказы, трогательные письма, волнующие откровения, проникновенные очерки и статьи — все эти материалы написаны людьми, которых называют инвалидами. Их внутренним миром, их мечтами и надеждами, их трудностями и их победами пронизана каждая страница этого небольшого журнала, который, наверняка, не сможет оставить равнодушными сердца многих и многих людей.

Вышло:

Карл Кёниг

«Лечебно-педагогическая диагностика»

В книге представлены работы одного из крупнейших специалистов по лечебной педагогике Карла Кенига. Благодаря этой книге читатель сможет познакомиться с историей возникновения и развития лечебно-педагогического движения, с основами лечебно-педагогической диагностики, а также лечебно-педагогическим подходом в понимании и терапии ряда телесно-душевных отклонений в развитии ребенка, таких как эпилепсия, истерия, параличи и т.д.

